

Владислав
Лебедько
Евангелие
от
АКАСАФЕРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владислав Лебедько
Евангелие от Агасфера

«Автор»

2021

Лебедько В. Е.

Евангелие от Агасфера / В. Е. Лебедько — «Автор», 2021

Это одновременно апокриф последних времён, приключенческий и любовный роман, самоучитель по жизни в современной быстро меняющейся ситуации, необычный, альтернативный взгляд на историю, философию, психологию и мистицизм, это разоблачение "здорового смысла" и современных (сформированных дискурсом глобализма под свои цели) понятий о морали и нормах, правах и законах. А главное - эта книга снимает вековой морок, разморачивает. Ибо чего-чего, а морока нынче выше всяких крыш. Книга ждёт вдумчивого, дерзкого и бесстрашного читателя, готового встретиться подчас и с тем, с чем он не согласен и, преодолев возникающие обычно праведный гнев и сопротивление, всё-таки, очертя голову, пустится дальше по извилистому пути индивидуации в мире сложного и переломного 2022 года, пройдя с героями книги предыдущие года и века. В книге нет окончательной истины, в ней разбросано между страниц множество компасов, способных указать на индивидуальный выбор даже там, где видится тупик. Содержит нецензурную брань.

© Лебедько В. Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	9
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	36
Глава 5	42
Глава 6	46
Глава 7	51
Глава 8	63
Глава 9	71
Глава 10	77
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Владислав Лебедько Евангелие от Агасфера

Хорошо быть смертным...

Мне нравится быть смертным. Нравится чувствовать ужас от мысли, что я умру. Мне не нужно, чтоб за меня умер бог. Я не отдам ему эту честь, это чудо и этот страх.

Так же, как я не дам другим за меня любить, есть, спать, или всматриваться в закат.

Мне не нужен спаситель, все самое интересное я хочу прожить сам. И еще...

Смерть придает жизни смысл.

У смертных нет времени на скуку.

Им некогда бегать за ненужными им людьми. Но за и вправду нужными – они побегут не откладывая.

Смертным некогда страдать ерундой.

Некогда убегать от жизни, так как времени нет. Можно так далеко убежать – в вино, игру, повседневный быт и дружбу с глупцами – что не будет времени вернуться назад.

Смерть делает нас живыми.

Смертным быть лучше, чем богам. Поэтому, я не завидую богам. Мне не надо их жертв.

Спасибо, я сам.

Предисловие

*«Однажды ГПУ пришло к Эзопу
И взяло старика за жопу.
А вывод ясен:
Не надо басен!»
Николай Эрдман, «Басни»*

Не буди Лихо, пока оно тихо...

Хорошая пословица, да только Лихо—то разбужено невесть сколько столетий назад, и поджидает нас с тобою, читатель, за каждым углом. Вот и скитаемся мы волею судеб, вляпываясь в истории – маленькие и не очень, веселые и печальные, комические и драматические, но чаще же вполне себе похожие на трагифарс. И, покуда в конце времен Морфей не скрепит печатями Книгу Жизни человечества, сдав ее в архив истории планеты Земля, нам Лиха не избежать. А посему, не пуститься ли нам, очертя голову, во все тяжкие и легкие, преподносимые судьбой и случаем? Ибо Игра в разгаре, крупье запустил колесо рулетки, объявил, что ставок больше нет, и черта лысого его теперь остановишь. Но! Кто сказал, что с крупье нельзя договориться? Конечно же, за плату необычную и для большинства, прямо скажем, непосильную!

Однажды, может быть две тысячи лет назад, а может быть и совсем недавно, случилось так, что Некто – возможно, какой-то исторический персонаж, который, ежели как следует поразмыслить, является по совместительству частичкой каждого из нас, таки с крупье договорился. И вот уже он странствует, аки Дурак из Марсельского Таро по городам и весям, морям и горам, странам и континентам мира внешнего и внутреннего дабы уму – разуму научиться. История сия типична или, как модно ныне говорить – архетипична, то есть, вписана золотым шрифтом Times New Roman в скрижали коллективного бессознательного, а стало быть, имеет случай явиться вдруг в жизни каждого из нас.

И действительно – поговаривают, что некий Исаак Лакедем, более известный широкой публике по сетевому аккаунту Агасфер, согласно преданию помешавший возле своего дома Иисусу передохнуть по пути на Голгофу, был проклят, а может быть благословлен Спасителем на весьма необычный сюжет – скитаться в ожидании Второго Пришествия. Не внял поначалу Исаак Лакедем сему пророчеству и, достигши почтенных лет, приготовился было встретить смертушку свою в окружении чад и домочадцев. Отнюдь втуне. И вот уже почили в бозе чада его и домочадцы, и чады чад, и их чады тоже, а он все так же жив, румян и бодр умом и телом. И в таковой же кондиции, как гласит легенда, бродит он, будоража умы прозаиков и поэтов, и в наши времена.

Легенда кратка – бродит, мол, себе и бродит, а вот ты вдумайся, читатель – ежели тебе бы случилось помотаться по свету две тысячи лет с гаком, каково бы это было? Ты и тридцати лет порой без визита к психологу не обходишься (автор не говорит уже об еженедельных завсегда-таях), клонясь под спудом тяжкого опыта познания добра и зла, а сколько бы сынов ошибок трудных довелось тебе породить, кабы сам ты явился на свет божий на заре нашей эры, застав и хвостик славной доброй античности и мрак Средневековья, и возрожденческую оттепель, и времена больших географических открытий, не говоря уже о войнах и катаклизмах, и всякой там пугачевщине, эсерах – бомбистах, путчистах и чубайсовской приватизации. И не нашлось бы на всей Земле такой муки душевной, такой боли, такой катастрофы, которые не стали бы

твоим уделом. Прикинь, сколько раз бы ты по ходу всего этого перформанса напустил в штаны, и сколько бы таких штанов сменил?

Поневоле задумаешься, способен ли кто из живущих или живших на такого рода «странствие»? Но, ежели допустить, что иисусово пророчество таки сработало, и некий бедолага, в виду решительной невозможности отдать концы, весь этот пердомонокль как-то прожил и в душе своей разместил, то – какую недюженную закалку он при этом обрел, сколькими знаниями обо всем на свете исполнился, скольким умениям обучился... Энциклопедист, на все руки, ноги, голову и другие члены тела мастер, обветрен ветрами великого множества морей, обстрелян стрелами, пулями, ракетами и лазерными лучами, заласкан невероятным количеством всевозможного рода женщин (автор умолчит о вполне вероятных нетрадиционных опытах, среди которых могли встретиться даже не только люди, но, как в одной из реплик чеховской героини «... лвы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси и пауки, и молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды, и те, которых нельзя было видеть глазом...»),... словом еще тот Стреляный Воробей.

А умище! Вы только вообразите себе умище Того, кто запросто мог париться в одной бане на соседнем полке с Аврелием Августином, Плотинном или гностиком Василидом, восседать одесную императора Константина на Никейском Соборе, пивать наливочки то с Саладином, то с Великим Магистром тамплиеров Жаком де Моле, брать интервью в ночь перед сожжением у Джордано Бруно, играть Короля Лира под чутким режиссерским оком Вильяма Шекспира, а четыре сотни лет спустя у Станиславского, прогуливаться в половине четвертого после полудня с Иммануилом Кантом, утешать плачущего на берегу Рейна Ницше, сиживать в парижской кофейне с Жаком Деррида...

Эвона как! Избежал бы такой персонаж искушения побыть всемирно знаменитым? Наверяд ли. Но автор готов биться об заклад, что, откушав величия лет двести – триста, его бы непременно образом стошнило, но вот не применить бы свой невероятный багаж опыта, оставаясь уже инкогнито, так сказать в мировом масштабе, он бы наверняка не смог.

Делаем вывод: ежели таковой человек каким-то неведомым простому смертному чудом и случился бы в истории человечества, то, отведав и славы, и почета, и власти, и унылой доли бомжа, олигарха, отверженного, гонимого, узника, посидев лет эдак семьдесят святым отшельником в нирване, и прочая – прочая, в наши времена он всенепременно бы взялся за непосильную ношу «теневого кардинала», взыскующего наконец-таки навести порядок в совершенно уже кривой истории человечества. А куда ему еще деваться, отхлебнув всего, чего только возможно через край краев и всяческие края?

Здесь автор вынужден признаться в своем колебании... Будучи человеком, повывавшим хоть и не за две тысячи лет, но за половину века довольно многое, он, отхватив среди прочего, навык критического мышления, с одной стороны, и хотел бы поверить в буквальное существование Агасфера, с другой же стороны норовит свести все это дело к метафоре. Тщетны сии колебания, и не может автор положительно утвердиться ни в одной версии, ни в другой. Ибо имел он случай общаться с воистину удивительным субъектом, поразившим воображение бездонной глубиной познаний и умений, и даже намекавшим на свою причастность ко всей этой истории с Голгофой, средневековыми алхимиками и полководцами Первой Мировой. И сам намек этот был столь аккуратным и неназойливым, что у автора не возникло даже и помысла рекомендовать сему «Агасферу» вступить в дружные ряды многочисленных «Наполеонов»,

«Цезарей» и прочих «Спиноз», прикрепленных по месту жительства к районным психоневрологическим диспансерам. Уж больно вменяем был сей субъект.

Ну а коли так, то только и остается автору до самой развязки этой повести держать и себя и читателя в абсолютно темном как южная ночь неведении – являлся ли этот «Агасфер» тем самым Агасфером, либо же это был искуснейшим образом натренированный фрикер, сумевший воплотить в своем могучем сознании практически весь опыт, накопленный человечеством с начала нашей эры.

В этом случае и уважаемому читателю (а автор тщится надеяться на терпеливого и вдумчивого читателя, который ныне в дефиците) придется всю дорогу метаться между буквальным восприятием сюжета и метафорой, в которой Агасфер – это Слово, которое, будучи начертанным во времена оны, с каждым веком, годом и днем обрастало невероятным количеством смыслов, интерпретаций, роящимся пестроцветием образов, покуда не докатилось до «Второго Пришествия» в мире языка, каковым обернулась непродолжительная эпоха заката пост-модерна, подарившего Слову, точнее автору Слова долгожданную символическую смерть в виде того, что принято ныне величать деконструкцией.

Так давайте же наберемся дерзновения пробраться сквозь дебри детективных приключений героев и, вместе с тем, сквозь нагромождение смысловых конструкций, дабы совместными потугами привести Вечного Странника к столь желанному для него упокоению. А самим узреть новое небо и новую землю.

Читатель, вероятно, уже несколько утомленный философическим слогом Предисловия, может возжелать перелистнуть очередную страницу, в надежде окунуться в обещанный детективный сюжет. А в это время автор отчаянно подыскивает первую фразу для начала повествования. Хочется оригинальности и, вместе с тем, простоты...

Из оригинального в голове вертится только какое-то «милостиво повелеть соизволил», что явно не годится для вбрасывания читателя в событийный ряд. Из простого... Приходят на ум два наибанальнейших, но верных варианта:

«Однажды» – неплохо, но это, скорее, для басен...

Или вот есть еще: «Смеркалось» – тем паче, что в момент, когда главный герой идет по одной из улиц Старого Города действительно смеркалось...

Несложная операция в поисковике выдает сотни произведений классиков и графоманов, начинающих именно так «Смеркалось...»... Заезжено до придорожной пыли и ни разу не оригинально. Но! Вспомним, что согласно древне-китайской пословице – «мудрый не отличается от остальных, поэтому ему невозможно чинить препоны». Этим пассажем автор надеется отбояриться от досужего критика и приступить, наконец, к делу.

Поэтому: Смеркалось...

Часть 1

Агасфер или Мефистофель?

*«Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной –
Мы, оглядываясь, видим лишь руины.
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный...»
Иосиф Бродский, «Письмо римскому другу»*

Глава 1

*«И понимал я с грустью нелюдимой,
которой был я с ним соединен,
что тоже он идет не от любимой
и этим тоже мучается он.
И тех же самых мыслей столкновенья,
и ту же боль и трепет становленья,
как в собственном жестоком дневнике,
я видел в этом странном двойнике».*
Евгений Евтушенко, «Сквер величаво листья осыпал»

Смеркалось...

Шел по вильнюсской улице Соду, вознамерившись кратчайшим путем пробраться от Автовокзала к бульвару Вокечу, нелитовский человек. Как это часто встречается среди определенного типа россиян, вкусивших пару-тройку лет жизни в эмиграции, был он мрачен лицом, а ежели судить по одежке, то знающий человек вполне мог бы в прохожем заподозрить питерского интеллигента (плащ, шляпа с полями и портфель в руке тому порука), каковым он, собственно, не то, чтобы по-прежнему являлся, но в глубине души себя еще по привычке мнил. Скажем больше – даже не современным питерским интеллигентом (хотя кто их нынче видал?), а человеком времен прежних, чуть ли не Достоевских. Да и звали-то нашего героя в масть: Федором Михалычем – совпадением сим, вкупе с нелюдимостью и замкнутостью, еще в школьные годы товарищи юного Федора не преминули воспользоваться себе на потеху, а ему на поругание.

Бывало, корпит он в девятом классе над сочинением, и, натужившись, вот-вот поймает нужную мысль, как вдруг с задней парты доносится до него громкий шепот прохвоста и двоечника Витьки Степанова: «Эй, Раскольников, когда, наконец, бабулю-то зарубишь?» Половина класса давится от смеха, училка недоуменно хмурит брови, силясь ущучить нарушителя порядка, а вожденная мысль о роли Герцена в становлении русской революционной мысли, сулившая было Феде пятерку за сочинение, описав дугу аккурат от одного его уха к другому, выскакивала уже безвозвратно.

Девчонки тоже не брезговали ввести тезку великого писателя в краску, благо нрав у тезки был кротким как у младшего из братьев Карамазовых. На перемене, подбочившись и изображая из себя эдакую Грушеньку, какая-нибудь бойкая стрекоза из параллельного класса окликала его, скажем так: «Алёшенька, сядь ко мне на коленки, я тебя целовать буду!», – подружки хохочут, а юный Федор готов провалиться от стыда не только что этажом ниже, но в самый подвал, к слову тёмный и вонючий.

На выпускном же вечере добила его Наташка, в которую он тайно был влюблён еще с шестого класса. Понаблюдав часик, как пацаны вовсю лапают бывших одноклассниц в темных уголках актового зала, и накотив для храбрости грамм сто пятьдесят, пригласил Федя ее на танец. Прикосновение к упругой груди усугубило градус опьянения, и вот он уже с колышущимся в самой макушке сердцем, тянется губами к румяной щеке... Ан, не тут-то было! Девушка увернулась, довершив позор презрительной ноткой: «Ты-то куда лезешь, Село Степанчиково!?»

По иронии судьбы Наташка через пять лет стала его женой. Федор Михалыч являл собою образец идеального кандидата в надежные и послушные мужья, ибо тот, кто вял и мягкотел, лучшая находка не только для шпиона, но и для всякого, кто желает ваять из него все, что удобно и угодно. Кстати, вспомним аллюзию с «находкой для шпиона», она нам еще не раз пригодится, применительно к дальнейшей судьбе нашего героя. Впрочем, ежели придирааться к словам, никаким героем Федор и близко не был, – в литературе двадцатого века за такими фигурантами закрепился термин антигерой. Но не будет же автор на голубом глазу величать его «наш антигерой» – тяжеловесно и, хотя оригинально, но, право же, будет смотреться бельмом в гладком (гладком ли? – вот уж не зарекаться бы!) стиле повествования. Так что – пусть будет герой, хотя и штаны у него с дырой – пока что не буквально, а аллегорически.

Сделавши несколько зарисовок из времен невротической юности Федора Михалыча, автор тщит себя надеждой, что читатель к сему моменту составил уже достаточно ясное представление о том, что за фрукт шествует по вечернему Вильнюсу октябрьским вечером две тысячи девятнадцатого года от Рождества Христова. Тем временем наш Дядя Фёдор продвинулся уже к повороту на улицу Гялю в надежде развеять тугие думы бутылочкой Chianti в одном из ресторанчиков на упомянутом выше многолюдном бульваре Старого Города.

Погоды для середины октября в Вильнюсе стояли достаточно прохладные, да еще и мелкий дождик моросил. Наталье приспичило посмотреть Ригу. Пришлось безропотно тащиться на Автовокзал и брать билеты на завтра. Сам Фёдор Михалыч в Ригу ехать положительно не хотел, благо бывал там по два-три раза в год по командировочным делам, и тамошними красотами налюбовался досыта. Он и в Вильнюс-то не рвался, но, опять же – жена затащила к теще на день рождения.

Наташка была особой во всех отношениях инициативной. В свои сорок восемь она вошла в самый охочий к жизни возраст, хотя и до этого аскетизмом не страдала. Будучи женщиной весьма аппетитных форм, она частенько, как подмечал Фёдор, притягивала мужские взгляды. Да, пожалуй, и не только взгляды. Начавшиеся еще в первые годы после свадьбы ее вечерние визиты к «подруге» (подруга-то как раз и спалила ее, невзначай, позвонив пару раз во время этих самых визитов), продолжались периодически и по сей день. После них Наташка обыкновенно являлась не только слегка навеселе, но и с характерным счастливым блеском в глазах.

Немудрено было догадаться, что любовников за двадцать пять лет семейной жизни она сменила, примерно, как муж пар носков. Однако и к нему жена была весьма в этом плане требовательна. Но вялость характера и тела никак не способствуют увеличению тестостерона. Примерно раз в две-три недели Наташка таки добивалась от мужа выполнения супружеского долга, но не более. Как там у Пушкина: «Унылый муж своею старой лейкой в час утренний не орошал её». О ее же шалостях Фёдор Михалыч предпочитал не думать – так было спокойней. Как писал один замечательный знакомый ему поэт:

«Прожив с женой бок о бок лет двенадцать,
с женою редко, собственно, живешь...»

Дядя Фёдор наловчился избегать домогательств жены – она не выносила запах перегара, поэтому бутылочка винца после работы была залогом сна в отдельной комнате. Со школьных времен он являл себя послушным малым, а редкие протесты выражались лишь в ворчании себе под нос или в незатейливых придумках типа прийти домой слегка под шафе. Тут налицо явный

мазохизм: если сам процесс употребления алкоголя в обстановке уютного заведения приносил некоторое удовлетворение и способствовал мечтательным раздумьям, то накатывающаяся спустя полтора-два часа после возлияния головная боль превращалась в плату за избегание близости. Изредка Наталья всё же возбуждала в муже-паршивце плотские желания, но любви за ними никогда не было. Покорно дал он ей женить себя, а нелюбовью платил (заметим – себе же в убыток), возможно неосознанно, за злополучное оскорбление на школьном выпускном вечере. Живя в Питере, Фёдор Михалыч несколько раз влюблялся в ярких женщин, как правило, коллег по работе, а пару раз и в студенток (служил он до эмиграции в Чехию, доцентом в Политехническом Университете), но дело дальше фантазий, за единственным исключением, да и то, весьма неуклюжем, не шло.

И вот уже вырисовывается характерный сюжет о мрачном депрессивном сорокавосемилетнем мальчике, который, по законам жанра, должен повстречать прекрасную незнакомку, пройти дюжину испытаний, и под конец романа предстать преображенным мужчиной, прошедшим подобно «Степному волку» Гарри Галлеру через ад своего нутра и готовым к подвигам и свершениям. Или, опять же, никак не минуя женщину, найти мудрого наставника, вбрасывающего на путь индивидуации, как то случилось с Николасом Эрфе в фаулзовском «Волхве» – таковое Делание отражено еще в алхимических манускриптах, а в двадцатом веке его прописал доктор – Юнг К.Г.). Читатель в этом месте может с досадою вздохнуть – все тот же избитый сюжет Фауста, адаптированный к современности? Знаем, читали! Ну а что поделать? Гениальный Хорхе Луис Борхес в одном из своих рассказов размером в пару абзацев, заметил, что сюжетов в этой юдоли скорби, сиречь в земном существовании – всего четыре, и все они были изображены еще Гомером, остальная литература – лишь различные вариации на тему. О, не спеши, ты, читающий сии строки, с преждевременными выводами и прогнозами! Допустим, что Федору не избежать фаустовской трансформации: встретит он и путеводную женщину и мудрого учителя, пройдет горнило преобразующих приключений, возмужает на пути преодоления препятствий, открывая попутно себе и всем нам свою Тень, Аниму и Самость... Но, во-первых, сами вариации индивидуационного сюжета в наше время уж очень небезынтересны, а, во-вторых, вся эта свистопляска превращения мальчика-сопляка в мужчину и Человека в нашем случае явится лишь фоном, на котором будет раскрываться совершенно уже неожиданная история...

Итак, намеревался наш герой, еще и в ус не дующий про предуготовленные ему кандебоберы судьбы, посидеть на бульваре в ресторанчике, выкушать бутылочку красненького под драники и колбаски, да предаться размышлениям. О том, какой думой вознамеревался он озадачиться, стоит-таки читателя оповестить. Давеча получил Федор сообщение в Фейсбуке от своего однокурсника Димки Бирюкова. Сообщение, по сути, пустяковое – о делах житейских. Давненько не было вестей от этого странного малого – вот почему сам факт появления его на горизонте наводил на думы.

Старый приятель примечателен тем, что прожил весьма незаурядную молодость. Осенью 1993-го возле Белого Дома Бирюков испытал неизъяснимый вкус пьянящего состояния – когда Госпожа Смерть обнажила свою ослепительную улыбку аккурат перед его лицом и стремглав пронеслась мимо, захватив в свой чертог товарища – стоявшего, можно сказать, опираясь на плечо Бирюкова. Улыбка Смерти пленила Дмитрия, и он принялся искать случая вновь и вновь увидеть ее. Две чеченские войны, Югославия, Ирак, Южная Осетия ..., где он только не был, проявляя воистину отчаянный нрав записного сорвиголовы.

Почти каждый день, едва выдавался такой случай, подставлялся безбашенный Бирюков под пули. Он не носил бронезиления и каски, не пригибался при обстрелах и частенько лез на рожон. Рядом с ним полегло много солдат и офицеров. А у Дмитрия за все время боев – ни царапины.

В 2009 году в чине майора он, наконец, оставил погоню за Госпожой Смертью. Насытился. С орденами, медалями и повышением по службе вернулся домой. Незадолго до своего отъезда из России в Прагу, на вечеринке по поводу 20-летия окончания института, Фёдор встретился с бывшим одноклассником. Три года как тот осел на гражданке, женился, и ему, казалось, продолжало фартиль уже с семьей и с бизнесом, в который он теперь с головой окунулся. Все в жизни было наиприятнейшим образом обустроено теперь. Когда компания расходилась по домам, Фёдор Михалыч улучил момент, чтобы задать Бирюкову вопрос наедине: «Ты доволен?», – «Грех жаловаться», – ответил бывший вояка, однако, помолчав маленько и поглядев куда-то в сторону, а, быть может, в себя, добавил, положив свою крупную длань на плечо приятеля: – «Хотя часто думаю – лучше бы меня где-нибудь пуля достала».

Вот ведь комиссия! Нашего горе-героя как потенциального самоубийцу-фауста-степного волка-и-иже-с-ними (о чем мы толковали чуть выше) давненько мучили вопросы, коими мало кто дает себе труд озаботиться в праздной суе повседневности. Почему один человек может десятилетия страдать от серьезного заболевания, но оставаться жить, а другой от этого же недуга отдает концы в очень короткий срок? Почему кто-то вообще уходит из жизни практически здоровым в результате несчастного случая, катастрофы или стихийного бедствия, например? Почему человек умирает в определенный момент, определенным образом и в определенных обстоятельствах? Почему кто-то ищет смерти, зовет ее, но даже при попытках свести счеты с жизнью у него выходит лишь неуклюжий цирковой номер, а другой страстно желает жизни и вдруг уходит из нее в одночасье?

Подобных вопросов много, и какого-либо внятного ответа на них Фёдор до сих пор не встречал. Разве что в поэтической форме, например, у Бродского: «Здесь лежит купец из Азии. Толковым был купцом он – деловит, но незаметен. Умер быстро – лихорадка. По торговым он делам сюда приплыл, а не за этим. Рядом с ним – легионер под грубым кварцем. Он в сражениях империю прославил. Сколько раз могли убить! а умер старцем. Даже здесь не существует, Постум, правил...»

Федор Михалыч надеялся, что именно сегодня он каким-то манером додумает эту мысль, отыщет нить, ведущую хоть к туманным вариантам ответа на эти осаждающие его вопросы. Он не был фаталистом, но сообщение от почти забытого товарища, половину жизни ходившего по тонкой грани между бытием и небытием, было воспринято как знак – решение где-то рядом, стоит лишь сосредоточиться. Лет десять назад Федор взялся почитать разного рода мистику: Кастанеду, Гурджиева, Лебедько, Пелевина (роман «Т» последнего взволновал его более других), а посему себя в моменты эйфории примерял на роль «воина духа», который сформировал намерение, сможет-таки найти разгадку человеческого бытия. Любому вменяемому стороннему наблюдателю очевидна смехотворность такого самомнения, но человек – весьма странная конструкция, – только что убеждается, что он последняя тряпка и вошь дрожащая, а уж в следующую минуту видит себя вершителем судеб мира.

Однажды Дядя Фёдор тоже пытался геройствовать. Как говорил поэт:

«Тот человек – в большом был, да и в малом –

Одновременно: жертва и злодей;
Считал себя, конечно, либералом
И не любил, как следствие, людей...»

Сойдясь с коллегой по кафедре, тоже доцентом – Андреем Беликовым, который слыл вольнодумцем, он и глазом моргнуть не успел, как вдруг обнаружил себя вечером 6 мая 2012 года в Москве на Болотной площади, да не просто празднично гуляющим там, а вступившим в потасовку с сержантом ОМОНа, за что был задержан, посажен в автозак, после чего провел ночь в участке, где натерпелся страху и, промочив штаны, многожды пожалел, что спутался с сомнительной компанией. Фёдор Михалыч даже не мог восстановить в памяти четкую последовательность событий – да, собирались по-питерски на кухне у Беликова, шумели, бузили, крыли по матушке власть, силовиков, предстоящую инаугурацию... А потом как-то – р-раз – и вот он уже в митингующей толпе на Болотной.

Вернулся из участка, приехал в Питер напуганный, продолжил привычную жизнь, зарекшись не влезать более ни в какие политические дразги и сторонясь прежней компании. Но вот уже в марте 2013-го вдруг сажают одного из его поделщиков по Болотному прошлому, затем, через месяц – другого, а в июне ему и самому приходит повестка явиться в суд свидетелем. Семейный совет, звонок старинному другу – еще одному однокурснику – в Прагу, где тот уже лет семь как раскрутил фирму по производству лазерной медицинской техники и не раз зазывал Фёдора жить и работать в Чехию. Друг обрадовался и обещал всяческое содействие, устройство в фирму и даже материальную поддержку на первое время. Наташка возликовала – сын как раз закончил школу с отличием – вот теперь будет где получить европейское образование, да и сама она видела себя в кругу сливок русской диаспоры в Праге, покоряющей сердца, взоры и прочие члены души и тела разных там панов (в ее фантазии не просто панов, а таки «приапов») Збышеков и Кржемилеков. Голосование оказалось быстрым и единодушным, набрав, аккурат, аки партия «Единая Россия» 136% голосов присутствовавших, а посему, недолго думая, за две недели порешив со всеми формальностями и не дожидаясь суда, на который герой-горемыка был вызван свидетелем (дабы, чего доброго, еще подписку о невыезде не взяли), с четырьмя чемоданами вылетели в Европу.

Первые месяцы жизни в городе, поражающем глаз пестроцветием домов под крышами из красной черепицы, где чуть ли не на каждом углу висели опознавательные знаки, свидетельствующие, согласно легендам, о том, что там происходили алхимические превращения, опьянили Фёдора Михалыча, пробудив в нем надежду на чудесную трансмутацию и его неуклюжей судьбы. И дело даже не в том, что при помощи друга удалось быстро уладить все бытовые вопросы, получить вид на жительство, устроиться в фирму, и даже не в том, что случилось ускользнуть от российского правосудия, что само по себе могло способствовать некоторой эйфории. Нет, Прага очаровала атмосферой той тайны, которая манила когда-то в детстве и, казалось, уже была полностью забыта.

В выходные и после работы он часами гулял по улочкам и площадям Пражского Града, забредая в удивительные по великолепию и мистической ауре места, где редко ступала нога туриста-зеваки, причащаясь с наслаждением к таинственной мистерии города, в котором жили и творили самые загадочные персонажи Средневековья и Возрождения. Похоже на первую любовь, которая ослепляет лишь единожды. Все дальнейшие попытки отыскать объект вдохновения – это тщетная надежда на туманный отголосок того первого чувства – вспышки сладостного сумасшествия. Вторая, третья и последующие – уже не то, они сначала слегка окрыляют и может даже показаться, что чудное мгновение действительно случилось вновь. Но очень скоро

наваливается вялая апатия. Та же усталость от домогательств чрезмерно чувственной жены, монотонный ритм рутинных обязанностей на работе, и даже прогулки по казавшемуся еще недавно воплощением волшебства городу перестали приносить прежнее вдохновение. Сдулся Федя, сдулся голубчик, подтверждая чей-то затертый до дыр афоризм, гласящий, что куда бы ты ни приехал, от себя-то, как ни крути, не убежишь... И вот этого одержимца чаяниями о самоубийстве он привез в своем дряхлеющем физическом теле в Вильнюс. Двинуть кони волевым усилием перешагнув через инстинкт самосохранения, не представлялось возможным по причине трусости и слабохарактерности, но по сути своей самоубийство, тем не менее, ежедневно совершалось – отсечением себя от Жизни при жизни.

Впрочем, вряд ли среди тех, кто провел свою юность и молодость в России, найдётся много людей, которые в тайниках души своей не желали бы собственной смерти. Это желание, эта тайная страсть проявляется, как правило, неявно. Ненависть к жизни до поры нейтрализуется разного рода надеждами. Рано или поздно человек убеждается, что надежды его эфемерны, и вот тогда обнажается омерзительное внутреннее опустошение. Некоторые, особенно чувствующие эту поглощающую пустоту, пытаются оттянуть надвигающийся конец собственного погибающего Я. И бросаются человеки на поиски мистических доктрин, взыскуя бога. Бога в себе, бога вне себя, бога в стихах и в инстинктах, в дофамине или адреналине, в эстетике природных или городских пейзажей, эстетике прекрасного и эстетике безобразного. И, конечно же, в прекрасных незнакомках – нет, не в накрашенных профурсетках, а в тех, чей блуждающий взгляд, кажущийся невероятным воплощением почти детской наивной невинности и, одновременно, обжигающего сладострастия, – остановившийся на мгновение на тебе, вдруг воскрешает из забвения образ, являвшийся иногда в сладчайших снах о чем-то неохватно большем, чем вся эта земная круговерть. Увы, тех, кто набирается решимости и бросается вослед обладательнице подобного манящего взора, ждет если не мгновенное, то крайне скорое разочарование. Мираж рассеивается, и ты вновь впадаешь в беспросветность бытия-к-смерти – если верить отставному майору Бирюкову – к той Единственной, чья божественная Улыбка не обманывает... Единственной ли? Прав ли Димка Бирюков, утверждавший сие как неоспоримую аксиому? Не-е, надежда на невозможное чудо повстречать-таки этот взор наяву где-то тлеет, удерживая тебя в суперпозиции существа полуживого и полумертвого разом, аки кот Шредингера. Так что обнаружить себя целиком живым может только этот столь желанный и столь же невозможный взор...

Покуда автора занесло в очередной философический пассаж, герой наш достиг поворота на улицу Пилимо, откуда виднелся уже узкий кривой переулочек, ведущий к искомому ресторанчику. Отвлечшись от раздумий, псевдо-самурай собрался было пересечь улицу. Машин на дороге не было – можно смело переходить.

Взоры его оторвались от внутренних экзистенциальных картин и скользнули вдоль улицы. Прямо посередине проезжей части – женщина неопределенного возраста и весьма странного вида. Слегка заплетающимся шагом, что могло свидетельствовать о некоторой степени опьянения – да и початая наполовину бутылка вина в висящей руке тому подтверждение, – босая, в коротком черном платье, она медленно двигалась посреди дороги, не обращая ни малейшего внимания на нескольких глазающих вослед ей зевак, в число коих попал и Фёдор. Человека, пожившего в Европе даже немного времени, трудно удивить диковинными людьми – бомжами, попрошайками, затейниками – зарабатывающими на хлеб насущный кто необычным внешним видом, кто разнообразными фокусами, так что, бросив взгляд в сторону пьяненькой босячки, можно было двинуться дальше. Но, черт побери, Фёдор Михайлович никак не мог оторвать от нее внимание, да что там внимание – с удивлением он обнаружил, что ноги вот

уже минуту несут его вослед за ней, вместо того чтобы перейти улицу и продолжать унылое течение в сторону ресторана.

– Что происходит? Отчего я так взволнован и... даже возбуждён? Эта потаскушка мне нравится? Бр-р-р... спаси и сохрани! Она, скорее омерзительна! Зачем я иду за нею, куда, на что надеюсь? Был бы я человеком спившимся и сбомжевавшимся – да, я бы, вероятно и последовал за такой особой, дабы предаться грубым и быстрым утехам в подъезде. От нее положительно распространяются какие-то флюиды странной сексуальности, какой-то особенно прямой и перченой, как... скажем селёдка с «дымком», вызывающая иногда желание ее откусывать, смешанное с брезгливостью. Боже, о чем я? Зачем не могу остановиться? Ведь не всерьез же я, человек интеллигентный, да и вообще привыкший плевать вослед пьяным уличным женщинам, хочу завязать с ней интрижку? Бред!!! Эти взлохмаченные мокрые волосы, грязные слегка полноватые ноги... Может быть, мне просто интересно узнать – куда направляется это падшее создание, где оно может обитать, с кем общаться?

Мысли, чувства и движения тела оказались абсолютно не согласованы меж собой. Однако несколько успокоив себя предположением, что он движим обыкновенным любопытством, которому иногда полезно дать волю, хотя бы ради отвлечения от мрачных дум, и напрочь игнорируя то, что при простом любопытстве сердце не колотится так быстро и гулко, наш герой решил позволить-таки себе преследовать даму. Немного пройти за ней и поглядеть, далеко ли она – босая и почти не одетая для дождливой октябрьской промозглости – сможет добраться... Женщина меж тем ступив уже на тротуар, обернулась и обратила на Дядю Фёдора беглый взгляд, как будто почувствовав на себе его столь пристальное внимание. Затем направилась все той же, слегка заплетающейся походкой, в сторону подворотни. Взор её практически ничего не выражал, разве что легкий оттенок того презрительного безразличия, какой бывает у нищих в момент, когда очередной откормленный господин бросает монетку в лежащую рядом шляпу или коробку. Волна стыда, брезгливости, оторопи и, вместе с тем, совершенно неопостижимого жгучего желания окатила Фёдора Михалыча с невероятной силой при сей коротенькой встрече с глазами незнакомки. Намокшие русые волосы, не достигающие до плеч, слегка припухшее лицо, чуть вздернутый нос, возраст неопределенный, может быть и тридцать, и сорок пять, но... Очи, ее лавандово-синие очи, несмотря на легкий оттенок презрительного безразличия, окончательно лишили нашего героя рассудка. Подобные состояния, когда разум мутится под воздействием противоречивых и даже совершенно несовместимых чувств и желаний, он, бывало, испытывал и раньше, но всякий раз цепкая хватка природной робости, напитанной к тому же еще воспитанием и образом жизни, брала верх и возвращала в рамки. Сейчас же Фёдор, похоже, хотя и ненадолго, вырвался-таки за их пределы, устремляясь навстречу чему-то вакхическому, не укладывающемуся ни в какие объяснения, ни в привычное поведение, ни в самую его картину мира, где до сей поры чему-то подобному и вовсе не было уготовлено места.

Ускорив шаг, преследователь успевает заметить подъезд, в котором исчезает женщина. Совершенно не узнавая себя, он бегом взлетает на четвертый этаж и, одновременно с надеждой и ужасом, обнаруживает приоткрытую дверь. Минуту или две стоит он, совершенно очумевший, в преддверии Неведомого. Пространство пульсирует и плывет. Явь это или сон, где шестнадцатилетний Федя заморожено глядит на калитку, ведущую в общежитие швейного училища, за которой уже скрылись трое более смелых его товарищей в надежде на обещанные поцелуи. Он же тогда войти так и не осмелился. Выйдя из оцепенения, Фёдор Михайлович резко распахивает дверь...

Думаю, надеюсь, молюсь, что через пару лет, пройдя и переживя всю чехарду, которая выпадет ему на долю, Фёдор поймёт, что в этот момент свершилось, может быть, главное во всей его жизни. Он забыл себя и последовал за зовом судьбы...

Глава 2

*«Мы вкус находим только в сене
И отдыхаем средь забот,
Смеёмся мы лишь от мучений,
И цену деньгам знает мот.
Кто любит солнце? Только крот.
Лишь праведник глядит лукаво,
Красоткам нравится урод,
И лишь влюблённый мыслит здраво.
Лентяй один не знает лени,
На помощь только враг придёт,
И постоянство лишь в измене.
Кто крепко спит, тот стережёт,
Дурак нам истину несёт,
Труды для нас – одна забава,
Всего на свете горше мёд,
И лишь влюблённый мыслит здраво».*
Франсуа Вийон, «Баллада истин наизнанку»

– Таким образом мы и приходим к простому выводу, что в начале было слово, – крепко сложенный, сухощавый мужчина, коему можно было дать и чуть больше шестидесяти, и все восемьдесят, замолчал, – и воцарилась небольшая пауза.

– Душа моя! Десять лет жизни за тебя отдам, но ты говоришь совершеннейшую банальность! Я бесконечно ценю твой опыт, сейчас же, извини, никак не могу проникнуться, к чему ты сие изрек. Проповедовать собравшимся здесь стих первый из Евангелия от Иоанна, согласишься, драгоценнейший, не комильфо. Тысяча извинений, вероятно я не постигаю глубины твоей метафоры, тогда изволь изъясниться полнее!, – эта театральная реплика, произнесена была густым баритоном в лучших традициях мелодекламации и уснащена широкими вальжанными жестами обаятельным человеком лет пятидесяти пяти, с густыми седыми усами и взлохмаченной шевелюрой, сидевшим по левую руку от упомянутого выше лысоватого пожилого господина – обладателя ясного, умного и глубокого взора.

– Какая-то нелепость, – пронеслось в голове Фёдора Михалыча, застывшего в дверях. На него, маячившего там с вытаращенными глазами, никто, казалось, не обращал внимания.

Женщина, привлекая Федю сюда, стояла чуть поодаль от стола, на котором громоздились полупустые бутылки от красного вина и простые граненные стаканы. Помещение выглядело весьма необычно. Судя по всему, это была многокомнатная квартира, но совершенно нежилая. Наш герой, слегка успокоившись, принялся осматривать компанию, в которой он очутился и, по ходу фокусировки зрения, всё более убеждался в том, что все присутствующие здесь – те еще черти верёвочные, да и сама квартирка как-то по-булгаковски нехороша. Одна открытая дверь, возле которой как раз стояла босоногая, вела в смежную комнату, начисто лишенную мебели. Там возле окна виднелась обшарпанная батарея. Со стен, куда не глянь, сыпалась штукатурка. Над столом, вокруг которого расселась шайка гротесковых персонажей, болталась лампочка весьма веселого нрава. То и дело подмигивая, она погружала всю квартиру в таинственный полумрак.

Те, что сидели за столом, несмотря на гротесковость, смотрелись достаточно презентабельно по сравнению с босячкой в коротком донельзя платьице, ради которой Фёдор сюда и ворвался. Кроме неё, упомянутого уже пожилого господина, облаченного в тёмный твидовый костюм с бабочкой и его артистичного соседа слева, присутствовало еще двое. Прямо напротив Фёдора Михалыча располагалась пожилая женщина лет шестидесяти с короткими седыми волосами. На ней красовалась изысканная тёмно-бардовая блузка, украшенная устрашающих размеров брошью. Между ней и пожилым любомудром сидел молодой человек лет тридцати пяти – сорока, с длинными волосами, собранными в хвост. Одет он был в коричневую клетчатую рубаху навыпуск и вельветовые брюки. Об его обуви, торчащей из-под стола, следует сказать отдельно: туфли из шикарной змеиной кожи были разного цвета – одна туфля черная, другая же – желтая. Впрочем, пережившего лютый стресс Федю такого рода детали уже не шокировали.

Вальяжный баритон, вступивший в велеречивые пререкания с главарем шайки, был для нашего героя узнаваем, ибо с таким типажом ему уже однажды случалось иметь дело. Было это в далекие девяностые: один из первых совместных с молодой женой отпусков он провел в доме отдыха на Черном море – в Анапе. За одним столиком с ними трапезничал такой вот бывший артист провинциального театра, застрявший лет на десять в характерной роли Несчастливцева из пьесы Островского «Лес». Так что Фёдор Михалыч сходу прилепил к седым усам спорившего ещё и прозвище – Актёр Актёрыч.

В краткую паузу, после фразы Актёрыча, и его взор и взор пожилого господина обратились в сторону вошедшего, но не выразили ни удивления, ни замешательства. Старший молча кивнул, и жест этот обозначал, мол, присаживайся. Хвостатый малый мигом наполнил граненый стакан до краев вином и протянул гостю. Тот судорожно схватил его обеими руками и, жадно присосавшись, опустил на стул. Дальнейшего внимания он не удостоился. Старик же изрёк, обращаясь к Актёр Актёрычу:

– Ты не дал мне завершить. Да, Евангелие от Иоанна отмечено тобой весьма вовремя и остроумно, но мы копнём глубже!

Единственной, кто выделялся из этой компании, была та загадочная женщина, с которой всё и началось. Сейчас она стояла, опираясь на стену, полуприкрыв глаза и скрестив руки на груди. Украдкой поглядывая в ее сторону, Фёдор, все-таки, начал прислушиваться к продолжению разговора, который с каждой фразой увлекал его внимание все больше и больше. Следует отметить, что с того самого рокового момента, как он преследовал босоногую, его внимание как будто бы направлялось внешними силами. Редкий человек отдает себе отчет, что он не является хозяином внимания, напротив, о внимании нельзя сказать «мое» – оно само руководит человеком. Впрочем, автор немного забегает вперед.

Так вот – это самое внимание сыграло с нашим героем шокирующую и, вместе с тем, интригующую шутку. По ходу рассказа старого продувного лиходея (а сие прозвище пожилого господина явилось Феде уже при первых фразах оно), мысли заплясали буквально вприпрыжку, понуждая тело немедленно дать стрекоча из этого гиблого места, да вот комиссия – тело-то как раз будто приклеилось к стулу и даже онемело настолько, что стакан с недопитым вином застыл в захваченной кататоническим ступором вытянутой руке. Вскоре и мысли отодвинулись куда-то на задний план, став почти не различимыми. В таком вот натурально гипнотическом состоянии и пришлось выслушивать зловещую историю до самого конца.

– Душный август 1953-го. Вот уже третий вечер я обретаюсь в одном захолустном баре алжирского квартала Телемли. Нервы на пределе – не сегодня так завтра, судя по информации, полученной от сообщников, именно здесь появится тот, кого я должен буду отправить в мир иной. По моим сведениям, у жертвы закончились деньги, а передать ей средства к существованию может лишь один человек – однокурсник обреченного – некто Жак, по случаю и сам прибывший сюда из Парижа на каникулы к родителям.

ДЕЙСТВИЕ 2.1

Действующие лица:

Деррида¹ Жак – коренастый юноша лет 20-23 с взлохмаченными густыми волосами, одет по последней моде – голубые джинсы и светлая футболка

Хейтин Жорж – примерно его ровесник, тонкие усики, волосы на пробор, одет не по сезону – тёмный костюм, помятый и пыльный

Бармен – мужчина лет 40-ка, метис с изможденным испуганным лицом, тих, вежлив, услужлив и расторопен

Пьяный матрос – итальянец средних лет

Фулканелли² – старик

Сцена 1

Алжир, квартал Телемли, бар Le Tonneau, 8 августа 1953г, поздний вечер, полуподвальное помещение. Из патефона доносится песня «Если ты думаешь» на стихи Ж-П.Сартра в исполнении Жюльетт Греко. Духота усугубляется запахом тухлой рыбы и множеством роящихся мух. Освещение тусклое. Посетителей двое. Пьяный матрос с итальянского судна дремлет возле стойки, положив голову на стопку газет. Хейтин в напряженной позе за столиком, перед ним стакан с ромом. Рукой Хейтин постукивает по столику, но совсем не в такт музыке.

Хейтин: (обращаясь к бармену) Месье, послушайте, у вас есть что-нибудь съедобное? Круассаны, шоколад?

Бармен: (испуганно улыбаясь и разводя руками) Ничего нет, господин. Простите, господин, хозяин говорил, что завезет завтра.

(В бар спускается Деррида. Видимо он слышал диалог – направляется к столику Хейтина.)

Деррида: Сразу видно, что вы не местный. С ними нужно жестко! (Бармену) Эй ты, баран! Чтобы через десять минут здесь было четыре круассана! Хоть из-под земли достань! Потом принесешь мне кофе и абсент.

Бармен: Будет сделано, господин! (Стремительно выбегает на улицу)

Деррида: (Хейтину) Будем знакомы. Жак. (Пожимая руку) Что это у вас трясутся руки? Устали? Давно из Франции?

Хейтин: Меня зовут Жорж. Не спал, знаете ли, две ночи... В Париже был в конце мая, а здесь уже пять дней, приплыл из Барсело...

Деррида: (Перебивая) Две ночи без сна? Ну и как вам здешние девчонки?

Хейтин: (Смущенно) Вы, полагаю, неверно поняли. Я не спал по иной причине...

¹ Жак Деррида – (1930-2004) величайший философ 20 века, чьи работы по деконструкции всего корпуса предыдущей мировой философской мысли привели к радикальной трансформации философии в конце 20 века. Француз, алжирского происхождения.

² Фулканелли – (1839 – неизвестно – в последний раз встречали в 1953 году в весьма хорошей форме) – последний великий алхимик, ставший легендой. Автор фундаментальных трудов «Философские обители», «Тайны готических соборов» и др.

Деррида: Помилуйте, да как же так можно? Уже пять дней в Алжире, и до сих пор не вкусили местных красоток? Я сам уже два года как парижанин, сюда приезжаю на месяц к матери. Парижанки, конечно, хороши, не поспоришь, но готов биться об заклад, алжирские шлюшки на порядок горячее! Послушайте, давайте через часик, как спадет жара, отправимся в Сустару. Развлечься там можно очень дешево, но такого качества вы больше нигде не встретите, ручаюсь! Как раз – дождемся еще одного коллегу, и пойдем все вместе. Вы студент?

Хейтин: (Вздрагивает, но быстро берет себя в руки) Да, в Колледж де Франс на курсе у Дюмезиля.

Деррида: Ого! Два года назад я зачитывался его «Образом трикстера в европейской традиции»! А я учусь в Высшей Нормальной Школе. Вы не слышали о Мишеле Фуко? Я очарован его лекциями, а он всего лет на пять старше меня! Гений!

Хейтин: (Оживляясь) Конечно слышал. Я подрабатываю в редакции «Критики», мы часто говорим о нем.

Деррида: (Возбужденно) Так вы с самим Батаем знакомы? Потрясающе! Как же мы с вами до сих пор не встречались? Я бывал на его семинарах несколько раз и, конечно же, восхищен! Эстетика безобразного и выход за пределы человеческого...

Хейтин: Где же ваш приятель?

Деррида: Будет с минуты на минуту. Мы заболтались о студенческой жизни, но сейчас каникулы, и нас ждут веселые шлюшки на улочках Сустары.

Вбегает запыхавшийся Бармен. У него на подносе два круассана.

Бармен: Господа, пощадите, во всей округе я нашел только два.

Деррида: Каналья! Я твою рожу об асфальт размажу! Неси мне быстро кофе и абсент! (Хейтину) Круассаны для вас. Сколько я вижу, вы голодны. (Услыхав чьи-то шаги наверху) Ну, вот и Жерар.

Хейтин: (Глядя на лестницу, по которой кто-то спускается) Это не Жерар. Какой-то старик.

Сцена 2

Те же и Фулканелли

Фулканелли: (Бармену) Месье, бутылочку Бордо для троих. (Хейтину и Деррида) Молодые люди, позвольте мне угостить вас?

Деррида: (Презрительно) Здесь что – свободных столиков нет? Кто вы, и что может быть между нами общего?

Фулканелли: (Монотонным заволаживающим голосом, как будто, не слыша вопроса) Фальсификации и подделки стары как мир, и история, не терпящая хронологических пустот, зачастую вынуждена к ним обращаться. Но с приходом ночи подспудное тайное брожение наполняет глубокие подвалы странными вибрациями. Не находите?

Деррида: Что за чушь вы несете? Какие фальсификации и подделки?

Фулканелли: (Чуть повысив голос) Фальсификации и подделки это вы! Вы оба! Я спустился в этот подвал, почуяв смрад, но это не смрад гниющей рыбы, это смрад ваших разлагающихся душ.

Деррида: (Пытаясь возразить, но уже очень вяло) Каких душ? Середина двадцатого века...

Фулканелли: (Спокойно и мягко) Молчите! Молчите и слушайте! Просто слушайте, что я скажу вам. Я вижу ваши души. Они омерзительны: анатомированные органы, части ске-

лета, почерневшие беззубые черепа, отвратительные своей замогильной grimасой, подвешенные человеческие утробные плоды, сухие и скрюченные, выставленные напоказ несчастные крошечные тельца с пергаментным лицом и бессмысленной жалкой улыбкой. А эти круглые стеклянные золотистые глаза – глаза совы с выцветшим оперением. Страшная рептилия как бы выплывает из темноты – цепь позвонков на низких толстых лапах, тянущая вверх костистую пасть с жуткими челюстями... Вот что являют собой ваши души. Но именно омерзение и смрад, которые я ощущаю, и которые привели меня сюда – именно они вселяют в меня надежду, что вы двое, как никто другой во всем Средиземноморье готовы сейчас к Деланию. Вы ждали третьего, один, дабы облагодетельствовать его и уберечь от гибели, другой, чтобы предать его смерти. Вместо него третьим явился я. Этой ночью должна была случиться смерть. А может быть, и спасение. Или – или. Теперь же произойдет и то, и другое вместе.

К столику подбегает Бармен с подносом – на нем чашка кофе, рюмка абсента, три бокала и бутылка с вином.

Фулканелли: (Бармену) Налей полные бокалы, голубчик. (Пауза. Бармен откупоривает бутылку и наливает вино в бокалы). А теперь ступай. (Хейтину и Деррида) Поднимем бокалы и медленно, очень-очень медленно,... ощущая как прохладная жидкость тонкой струйкой... наполняет внутренности... и растворяет их в крошечной тишине... наблюдаем... просто наблюдаем... как исчезает весь видимый мир... лишь мой голос в звенящей тишине... но и он смолкает...

(Долгая пауза. Бармен также застыл за стойкой. По прошествии нескольких минут, вдруг проснувшись, начинает шевелиться Пьяный матрос)

Пьяный матрос: (Еще не полностью проснувшись – Бармену) Кто ты?

Бармен: Я...

Фулканелли: (Громко, обращаясь ко всем присутствующим) Достаточно! Не нужно других объяснений. Просто – Я. (Хейтину и Деррида) Друзья мои, что было, покуда не прозвучало слово «я»?

Хейтин: (Попытка невнятного жестикулирования) А... (Нечленораздельная речь)

Деррида: (В оцепенении) Э... (Нечленораздельная речь)

Фулканелли: В эти несколько вечных мгновений не было абсолютно ничего. Ничего, что можно было бы как-то назвать...

(Конец ДЕЙСТВИЯ 2.1.)

– Стало быть, все остались живы, и ты никого не убил? – осведомилась мадам с громадной брошью, дождавшись завершения невероятной истории.

– Увы, Наина Карловна, в тот раз – никого, – отвечал загадочный оратор.

– В тот раз?, – округлила глаза женщина.

Ее перебил Актёр Актёрыч:

– Душа моя, сколько я понял, ты тогда ни сном ни духом, что опростал бутылочку «Бордо» с последним из великих алхимиков?

– Конечно. О том, что нам с Жаком явился Фулканелли собственной персоной, я догадался лишь спустя полтора десятка лет. А узнал ли Деррида, кто попытался роковым образом изменить его судьбу, сие неведомо. Мы с ним никогда больше про тот вечер не судачили. Что до Фулканелли, то он не позволял себе роскоши делать что-то, не убивая несколько зайцев к ряду. К тому же, практически любое его появление среди людей имело множество явных и скрытых

судьбоносных последствий, большинство из которых либо вообще не доходило до сознания, либо осознавалось годы спустя. Такие люди крайне редки. Но с Деррида всё оказалось не так просто, ибо те тонко рассчитанные диверсии, которые были проведены среди ученых и деятелей культуры, начиная с шестидесятых, даже Фулканелли был не в силах предвидеть.

– Ух ты, – всполошился хвостатый парень, – а можно подробнее об этих диверсиях?

– Это отдельная и очень большая тема, которую мы обсудим после. Сейчас не об этом.

– Сколько же лет было Фулканелли на момент вашей встречи? – не унимался Актёрч.

– Сто четырнадцать. В своих воспоминаниях его единственный достоверный ученик Эжен Канселье пишет, что он последний раз встречал Учителя в марте 1953-го в окрестностях Севильи. Стало быть, мы с Жаком столкнулись с автором «Философских обителей» пятью месяцами позже. В ту пору меня живейшим образом притягивали две темы. Первая была связана непосредственно с магистерской диссертацией, над которой я работал у Дюмезиля, – она являлась продолжением его фундаментального труда по образу трикстера в европейской традиции. Вторая тема касалась того же трикстерства, но уже не с мифологической стороны, а с позиций радикального выхода за пределы всего человеческого. То, что так жадно и неистово искал и проповедовал Батай, но применительно к театру и мистериальным действиям. А это уже дело всей жизни одного из его наследников – Пьера Клоссовски, в кружке у которого я в ту пору подвизался.

Воцарилось молчание.

– Да ты, драгоценнейший мой, сам являешь собой образ заправского трикстера. Случись Дюмезилю писать свою книгу в наше время, пожалуй, более сочного экземпляра сыскать ему было бы невозможно! – вновь проявился неугомонный баритон.

– Жорж, а что же касается слова, которое было в начале? – вмешался молодой человек в разноцветной обуви, – верно ли я понял из этой истории, что слово сие – отнюдь не Бог, как сказано у Иоанна, а «Я»?

– А вот здесь, мой юный друг, ты передернул! – интонация Жоржа резко поменялась. Если ранее его повествование текло в уши аки мёд, то обращение к хвостатому малому походило на короткий и резкий удар в поддых. И это оказалось не просто метафорой: молодой человек вдруг стал хватать ртом воздух, скрючился, медленно сполз со стула на пол, где полулежа в нелепой позе, долго еще откашливался и отплевывался. Никто из присутствующих, однако, не уделил произошедшему с ним ни малейшего внимания. Видимо, в этой шайке подобные воспитательные меры были в порядке вещей.

Магистр, тем временем, продолжал, и речи его струились вновь мягко и даже обволакивающе:

– Всё намного сложнее. Существовал ли ты как ты, пока не было этого слова «я» или Юрис? – старик кивнул в сторону корчащегося на полу молодого человека, нарочито игнорируя его плачевное состояние. Кстати, из этой фразы наш Фёдор Михальч узнал имя дерзкого умника. Тот, в свою очередь, прохрипел что-то невнятное, нелепо взмахнув рукой. Маэстро, как показалось Феде, сел на своего конька, оживившись пуще прежнего, – Нет, конечно, в восприятии существует только то, что названо. И до некоего таинственного момента, в который слово «я», Юрис и какие-то еще слова, к тебе относящиеся, склеились с ощущениями тела, а главное, с тем образом, который ты увидел в зеркале, – никакого тебя, в смысле, того, кто переживает я как именно «я», пардон за тавтологию, в принципе не было. Для твоих родителей и других взрослых людей ты существовал с момента рождения, а для мамы с той поры, как она узнала, что беременна тобой, однако же, изнутри все обстояло иначе. Да и самый термин «изнутри» в этом случае не совсем корректен, поэтому я, конечно, существенно упрощаю.

Скажем так – существовал не поименованный расплывчатый хаос восприятия, который не был заполнен чем-то различаемым.

– Ну ты, брат, завернул! – продекламировал Актёрыч, – тебе бы плавильщиком работать – мозги словами плавить, хе-х.

– Альгис, наши мозги уже давно в его алхимическом Атаноре, в состоянии полного разложения и брожения, – вклинилась Наина Карловна, – я ими и не пытаюсь чего-то понять.

– А вот и зря, кума! – продолжал юродствовать Альгис...

– Кума без ума, – прохрипел задира, явивший повод для бурных обсуждений, откашливаясь и кряхтя взобравшись обратно на стул, – Понимание-то работает, только в другом режиме. До меня так все, что ты, Жорж сказал, стало более чем убедительно и ясно. Не было меня как того, кто таковым себя переживает, пока это слово действительно не склеилось со всеми видимыми и невидимыми потрохами.

– Воображаемыми!, – подхватила седовласая кума, – Когда у меня, например, болит желудок, то самое слово «желудок» я подразумеваю лишь в воображении. Я конечно, не раз листала анатомические атласы, но свой-то живот, хвала богам, вспарывать не приходилось.

Продолжая пребывать в гипнотическом ступоре с одеревеневшей рукой, вот уж почти битый час удерживающей помимо воли на весу стакан с недопитым вином, Фёдор, тем не менее, очень ясно воспринимал происходящее. К нему, до сей минуты являвшимся лишь безмолвным, практически не мыслящим созерцателем, даже постепенно возвратилась способность думать. Однако возможности управлять телом он, казалось, был начисто лишен. И вот какая мысль принялась отчаянно вращаться в его головушке: «Весь этот невероятный спектакль, похоже, проигрывается, нарочно для меня. Зачем, право? Что я за птица такая, чтобы так хлопотать? Или все это сон? Как во сне, бывает, пытаешься бежать, но стоишь как вкопанный на месте. Так и со мной». Мысль эта плясала по кругу, никак не развиваясь. И это было хорошо, ибо если бы она развернулась во всю ивановскую, как это обычно было свойственно для нашего героя, то непременно привела бы его к ощущению того, что вообще весь подлунный мир вокруг него одного и крутится. Видимо, что-то внутри его, убедившись на примере Юриса, что в этой компании за любую эгоцентрическую позицию достаточно жестко наказывают, заворачивало мысль в замкнутый круг...

Вернемся, пожалуй, к действующим лицам. Пожилой господин, удовлетворенно выслушав поднявшийся под действием его реплики гвалт, и даже одобрив сие широкой улыбкой, продолжил:

– Тогда, в августе 53-го мы с Деррида просидели в компании Фулканелли до самого рассвета. Тот, за кем я охотился, насытился после жизнью досыта и умер своей смертью всего пять лет назад. За девяносто два года он прожил очень насыщенную и яркую жизнь. Кстати, наверняка, вы могли даже слышать замечательную музыку, которую он создал.

– Душа моя! А вот это обстоятельство я слышу в первый раз, – всполошился Актёр Актёрыч, – И кто же сей загадочный Жерар? Вспоминается экранизация «Пармской обители» Стендаля, где играл Жерар Филипп... Не он ли был еще и сочинителем музыки?

– Отнюдь!, – старый плут резко оборвал пустившегося было в воспоминания артиста, – Та история связана с композитором Жераром Кальви. В 53-м он как раз работал над музыкой к мюзиклу «Ах, эти прекрасные вакханки!». Кстати, на следующий год она звучала уже в одноименном фильме, где тогда еще малоизвестный Луи де Фюнес сыграл полицейского-моралиста, вознамерившегося ушучить в непристойности устроителей фривольного водевиля. Переодевшись, он является на репетицию, где действительно вольность по тем вре-

менам зашкаливает, но походу сам вовлекается в действие, да так, что под конец от консервативности героя Луи де Фюнеса и следа не остается.

– О как! – крикнул Альгис, – И что же, вакханки не разодрали его в клочья, аки царя Пентея?

– Французский водевиль двадцатого века – это тебе не древнегреческая трагедия. Очаровательные вакханочки разодрали на куски лишь личину сурового моралиста, под которой прятался весьма жизнерадостный и любвеобильный мальчик.

– В советском кинопрокате эту ленту, поди, не демонстрировали?

– Естественно. Но Жерар написал потом еще множество замечательных мюзиклов в оригинальной по своей раскованности и вольнодумству французской манере. Так что, считай, Фулканелли сохранил для мира гения.

– И не одного в тот раз, – усмехнулась Наина. – Всех троих, пожалуй... О чем же вы с ним судачили до утра?

Во взорах Жоржа черти завели хоровод, он широко и загадочно улыбнулся:

– После того, как мы оправились от остолбенения, сопутствующего переживанию Невыразимого, Фулканелли общался с нами, в основном, загадками. По поводу большинства из них тогда ни я, ни Деррида сказать ничего внятного не смогли, зато все последующие годы и десятилетия занимались поисками ответов на эти странные вопросы, разрушавшие здравый смысл и наивный реализм восприятия.

Альгис, видимо разогретый диалогом и окончательно утративший контроль над одолевшими его эмоциями, перебил учителя:

– Ну а к шлюшкам Сустары вам таки удалось сходить?

– Душа моя! – старик удивительно точно скопировал интонации и манеру Актера Актерича, – а не находишь ли ты, что сей вопрос в этот момент совершенно неуместен? – тон его вновь стал жестким, но это были уже другие оттенки жесткости, чем в случае с Юрисом. Кроме того, расфокусированный до той поры взгляд его, метнулся в сторону Альгиса и, казалось, впился в самые зрачки несчастного, случившегося следующей жертвой, наказанной, в этот раз за бестактность. Актерич замер, и минуты две, затаив дыхание, находился в состоянии кролика, приближающегося к пасти удава.

Внутренний голос Фёдора Михалыча в эту минуту также остановился, и уже упомянутая выше мысль о том, что он попал на спектакль, разыгранный аккуратно для него, прервалась. Затем вдруг в голове прозвучал короткий диалог из фильма «Белое солнце пустыни», из эпизода, когда отважный красноармеец Сухов был захвачен врасплох бандитами, и их главарь Абдулла, жонглируя двумя наганями, обратился к нему с ехидным вопросом: «Тебя сразу прикончить или предпочитаешь помучиться?», на что находчивый Сухов отвечивал: «Лучше, конечно, помучиться». На этой фразе внутренний диалог вновь затих. Напряжение в комнате достигло высокого градуса, но Магистр вдруг отвел взгляд от нашкодившего великовозрастного ученика. Тот моментально сник, осунулся, побледнел и, закрыв глаза, сидел, подобно сдувшейся резиновой кукле, не смея проронить ни слова еще минут десять.

Выражение лица Жоржа вновь приняло благодушные оттенки, он продолжил свой рассказ как ни в чем не бывало:

– Вот вам простой вопрос, который тогда озадачил нас с Жаком: как выглядит эта комната, когда в ней никого нет?

– Никак не выглядит, – отозвался Юрис, уже вполне оклемавшийся и даже бодрый. – Для того, чтобы она как-то выглядела, нужен наблюдатель, ведь именно он выбирает откуда смот-

реть. Вид комнаты зависит от точки расположения смотрящего, а этих точек – тысячи даже в этом небольшом помещении, включая затейливые ракурсы с потолка или с той стороны открытой форточки. А ежели еще учесть специфику именно человеческого взгляда? Он же ограничен особенностями строения глаза, отличного от такового у кошки, мухи, случайно залетевшей птицы и приборов, настроенных на инфракрасный или ультрафиолетовый спектр. Наблюдателем-то оказаться может не только человек. В итоге мы получим еще больший парадокс – чем обозначенный в первоначальном вопросе. Получается, что даже находясь в комнате, мы воспринимаем ее совсем не таковой, какая она есть на самом деле, – молодой человек, разгорячившись, принялся уснащать речь все более широкими жестами, да так, что опрокинул стакан – пролившееся вино заструилось по неровному столу в сторону Актёрыча и вскоре полилось ему на брюки, что, впрочем не вызвало никакой реакции последнего, продолжавшего пребывать в позе сдувшейся куклы. Юриса собственная неуклюжесть тоже ничуть не смутила, и он, уже скороговоркой, завершил свою реплику:

– Стало быть, вообще нет никакого «на самом деле»!

– Резонно, – заметил старик, – более того, давайте вспомним о некоем универсальном Вездесущем Наблюдателе. Назовем его, вослед за Гермесом Трисмегистом – умонеспостижимой бесконечной Сферой, центр которой в каждой точке, а периферия отсутствует. Если этот Вездесущий наблюдает из каждой возможной точки, во всех возможных ракурсах, да еще и неким совершенным взором, включающим весь спектр оптического диапазона, то совокупностью всех этих миллиардов взоров – является почти полнейшая абстракция!

– Белый шум? – хвостатый малый, видимо, решил блеснуть эрудицией, но вопреки ожиданиям Фёдора, в этот раз Магистр оставался благодушен, и вместо того, чтобы, как и прежде, прищемить ему язык, даже одобрительно кивнул:

– Почти белый! Ведь эта комната все же отличается от соседней и от тех, что ниже этажом, и от миллионов других комнат на Земле. В ней по-своему расставлена мебель, своя гамма красок, освещения и других мелочей. Поэтому я и сказал, что не полнейшая абстракция, а почти полнейшая. Это малюсенькое «почти», так много значащее порой для конкретного человека, для Всевидящего Ока воображаемой бесконечной Сферы даст всё-таки некоторую индивидуальную окраску абстракции, являющей собой эту комнату. Если, допустим, ограничить наблюдение радиусом квартала, то разница индивидуальных оттенков совокупного восприятия этой комнаты и соседней, также как и других, находящихся в этом радиусе – еще будет как-то заметна. Но такое обрезание Сферы – лишь мысленный эксперимент, ибо по определению она бесконечна. Да взять хотя бы масштаб города – разница уже будет исчезающе мала, а коли мы выйдем на масштаб Земли, а тем более, к примеру, Галактики... И тут ты, мой юный друг, прав – все есть белый шум или, скажем, абстракция, созерцающая сама себя.

– Ух ты, – вновь не удержался Юрис, – выходит, что для Бога или как Его поименовал Трисмегист – Сферы – ничего не существует, ведь для того, чтобы из масштабов Галактики сфокусироваться хотя бы до размеров Земли, нужно столько энергии, что случись у Него желание это сделать, на месте Земли мгновенно оказалась бы черная дыра! Выходит, нас нет для Бога? Но, тем не менее, мы каким-то образом существуем для самих себя.

– А вот это – величайшая загадка, которой, похоже, кроме Фулканелли и Гермеса Трисмегиста, практически никто озаботиться не удосужился.

– Ну вы-то с Жаком вослед за великим алхимиком тоже озаботились? А в том соприкосновении с Неназываемым, поди и пережили себя как эту самую абсолютно бескачественную абстракцию?

– О, да! – Жорж помолчал немного, – а озадачились мы не одной лишь этой загадкой. В ту ночь Фулканелли чуть не убил нас парой десятков вопросов, разрушавших наше верование в здравый смысл и в то, что реальность – это то, что дано нам в ощущениях, как учили философы времен модерна. Деррида, конечно, как я упомянул ранее, как и подавляющее большинство учёных, оказался марионеткой могущественных и совершенно недружелюбных к человечеству сил. Всю жизнь он посвятил тому, чтобы разобрать всю предшествовавшую ему философию и метафизику на кирпичики и собрать вновь. И это замечательно, если бы не было повернуто в определенную сторону. Но так как мы сейчас толкуем о другом, то я хочу подчеркнуть, что сию разборку и сборку он и иже с ним провели в условиях, когда уже невозможно было игнорировать, что мы являемся субъектами бессознательного. А сие означает, что не у нас есть бессознательное, а мы у него. Увы, реальность не дана нам в ощущениях, напротив, мы сами создаем её своим восприятием. А оно, в свою очередь, разделено строением органов чувств на, казалось бы, отдельные – зрение, слух, осязание, вкус и обоняние, кстати мы об этой разорванности постоянно забываем. Но и это не главное: сказав, что мы создаем реальность восприятием, я специально допустил ошибку, дабы подготовить к дальнейшему развороту – мы, как то, что отождествляет себя с сознательной личностью, сами по себе ничего не творим, этим занимается бессознательное, а оно, в свою очередь, структурировано языком, сиречь дискурсом. И не спрашивайте меня – как же язык, появившийся в ходе эволюции человека, сотворяет мир – пускай этот парадокс пока останется для вас неким коаном. Я и так уже в достаточной мере приоткрыл его, пустившись в утомительное разжевывание простого тезиса, заявленного мною два часа назад – вначале было Слово! Слышишь, Альгис?

– Слышу, слышу, – вяло промямлил Актёрыч, уже безо всякого налета мелодекламации.

Заумный накал беседы попыталась разрядить Наина Карловна:

– Как говорят в таких случаях в Одессе, вы, господа ученые мужи таки изрядно шлифовали мои уши!

– Ба! А я и не знал, что мадам родом из Одессы! – хохотнул Юрис.

– Не кидай брови на лоб, ты таки делаешь мне смешно! – парировала обладательница громадной броши. Затем, придав лицу серьезность, обратилась к Маэстро:

– Жорж, а все-таки, как Фулканелли удалось вас с Деррида так быстро погрузить в состояние внутреннего безмолвия? Вероятно, он использовал приемы эриксоновского гипноза? Впрочем, в те времена Эриксон еще не был столь знаменит, а его гипнотические речевые шаблоны были систематизированы лишь в семидесятых годах...

Учитель резко прервал ее:

– А ты что, манда старая, порисоваться захотела? Какой, к чертям, гипноз? А?

Карловна стойко выдержала сию оплеуху:

– Можно подумать, что ты хер молодой!

Взрыв всеобщего смеха сотряс помещение. Один лишь Фёдор Михалыч не смеялся. Во-первых, он не мог даже улыбнуться – тело хотя и чувствовалось уже, но управлять им не было никакой возможности. Во-вторых, вечер совершенно переставал быть томным, хотя и до этого момента, таковым он нашему герою не казался. А потому переход от интеллектуальных изысков к казарменному юмору ни в коей мере его не повеселил.

Тем временем, продолжая смеяться, хвостатый парень вытащил откуда-то из-под стола очередную бутылку, ловко ее откупорил и разлил вино по стаканам. Наина, отхлебнув пару глотков, вновь обратила речь к Жоржу:

– Шутки в сторону! Будь так любезен, расскажи, что лично для тебя, кроме созерцания Невыразимого, инициировал последний из алхимиков?

– А может ли быть что-то, хоть как-то сравнимое с созерцанием Невыразимого? – старик задумчиво улыбнулся, – впрочем, раз уж ты намекнула на мою дремучую старость, отвечу – Фулканелли напомнил мне, кем я являюсь в недрах души своей.

– Поди, рассказал тебе историю про Вечного Жида? – принятый одним махом стакан вина, привел Альгиса в чувство, и его баритон вновь звучал мелодично и вальяжно.

Опять общий смех. Федя же, постепенно обретающий способность размышлять, не мог взять в толк, чем Актерыч развеселил компанию. Однако он заметил, что Жорж, посмеиваясь вместе со всеми, смутился, поспешив сменить тему:

– Что касается гипноза, – молвил он, постукивая пальцами по столу, – дело не только и не столько в знании словесных шаблонов, помогающих ввести человека в транс – все это поверхностные формы, которыми владеют многие. Гипнотическими приемами в состояние безмолвного знания никого погрузить невозможно. Суть же того, что произвел с нами Фулканелли, прежде всего в некоем внутреннем действии – передаче состояния. Сам он, вероятно, практически все время жил в этом состоянии. А оно уже за пределами чар всемогущего бога Гипноса. Кстати, сама процедура склеивания Гипносом слов с образами и ощущениями, непрерывно происходящая в нашем мозгу, и творит ту, так называемую реальность, которую мы воспринимаем. Об этом, конечно же, мало кто осведомлен.

При этих словах мудрого деда, босоногая женщина, стоявшая все это время у стены со скрещенными руками, открыла глаза, затем медленно приблизилась к нему, наклонилась, и приобняв сзади, заговорила. Голос ее Фёдор слышал впервые, и его сердце вновь гулко забилося. В этом голосе звучала невероятная гамма интонаций – детской наивности и искусственности, нежности и строгости, задумчивости и безумия, и вся эта гамма, вдобавок приправлена была удивительным шармом усталой хрипотцы:

– Уж нам бы ты об этом мог и не говорить? К чему весь этот спектакль?

Жорж кивнул в сторону Федора Михалыча:

– Отчего же спектакль? Среди нас, между прочим, есть и новые лица.

Наш герой тотчас обрел способность двигаться, встрепенулся, физиономия его изобразила целый спектр противоречивых чувств, а тело стало послушным – он резко встал со стула.

Остальные тоже вдруг поднялись со своих мест. Мэтр, взявши Альгиса под руку, увлек его в одну из соседних комнат. Босоногая, взявши со стола пачку сигарет и зажигалку, отправилась на лестницу. В пустую комнату, куда дверь была и прежде открыта, направились Наина и Юрис. Фёдор решил, что настало самое время делать ноги из этой зловещей квартиры. Тем более, что на лестнице он вновь увидит предмет своего непостижимого вожделения, хотя, вряд ли наберется духу, чтобы попытаться заговорить с ней.

Он уже в некоторой степени пришел в себя. Но надобно сказать, что слово «себя» здесь уже совершенно не соответствует тому субъекту, коим он являлся еще два-три часа назад. Озираясь по сторонам, Федя сделал попытку ретироваться к выходу. Не тут-то было! Юрис и Карловна, заметив растерянную позу нашего героя, принялись жестами приглашать его к себе. Наш послушный мальчик и здесь не смог отказаться, и последовал приглашению.

– Вы здесь, как я вижу, новый человек, – обратился к нему хвостатый пройдоха, неожиданно сократив дистанцию и ухватив за пуговицу плаща. Так иногда поступают определенного рода субъекты «с раёна».

– Абсолютно новый. Мне кажется, я ошибся адресом.

– Ну и не беспокойтесь! – энергично заверил его молодой человек и представился, – Юрис. И хотя логики в этом «ну и не беспокойтесь» не было никакой, Фёдор Михалыч вдруг ощутил расслабленность и неожиданное доверие к собеседникам.

Наина, учув перемену в его состоянии, также вступила в разговор. – А давайте-ка съедем на «ты»!

– Непременно «на ты»! – воскликнул молодой человек.

– Фёдор, – кивнул наш герой, – но позвольте, где я?

Хвостатый мгновенно ответил:

– Эвона, какими категориями ты мыслишь! Где я? Кто мы?.. Как там называется картина великого импрессиониста Поля Гогена? «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?». Высоко берешь, так держать!

Наина Карловна подхватила:

– Не волнуйтесь так, голубчик! Пройдет немного времени, и вы всё поймете, поймете даже гораздо более того.

– Более того что «всё»? – парень явно был остер на язык, – Ну ты, кума, вдупила!

– А что тут такого? – женщина пожала плечами, – нет пределов у запредельного.

Несколько времени они перебрасывались каламбурами, отвлекшись от Феди, хотя парень продолжал вертеть его пуговицу. Наконец, прервав очередную шутку, Наина Карловна положила ладонь на его плечо:

– Ты, голубчик, поди, напужался тем, что услышал?

Не найдясь, что сказать в ответ, Федор Михалыч недоуменно пожал плечами.

Глава 3

*«Пережитое гонится за мной.
Я – неожиданное воскрешенье
Двух Магдебургских полушарий, рун
И строчки Шефлеровых изречений.
Я тот, кто утешается одним:
Воспоминаньем о счастливом миге.
Я тот, кто был не по заслугам счастлив.
Я тот, кто знает: он всего лишь отзвук,
И кто хотел бы умереть совсем.
Я тот, кто лишь во сне бывал собою.
Я это я, как говорил Шекспир.
Я тот, кто пережил комедиантов
И трусов, именующихся мной».
Хорхе Луис Борхес, «The Thing I am»*

– Расслабься, Федя!, – Наина панибратски хлопнула по плечу растерявшегося мужчину, – Жорж не бандит, а история, о которой он поведал, связана с философическими изысканиями французских интеллектуалов-безумцев. Ты, поди, слышал о нашумевшей в середине двадцатого века секте Батая «Ацефал»?

Фёдор вновь пожал плечами, а Юрис принялся хохотать, при том еще и приседая:

– Ну, Карловна, ты напрочь потеряла контакт с нормальными людьми! Тридцать лет уже витаешь в эмпиреях. Ты нынче не от всякого студента, прослушавшего общий курс философии, услышишь ответ про Батая да про «Ацефал».

– Отвали, дурень – дай умным людям спокойно беседовать, – огрызнулась на него Наина, – не слыхал, так сейчас в популярной форме всё и узнает. Короче, в конце тридцатых один совершенно съехавший с катушек философ – Жорж Батай – создал в Париже так называемый «Социологический колледж». Сам он бредил эстетикой безобразного, чем быстро заразил своих учеников, внушив им, что, дескать, через эту тему можно выйти за пределы человеческого – в некие глубины глубин. Ну и принялись они рассуждать и писать о разных мерзостях, типа как разглядывая разлагающиеся трупы, в которых роятся опарыши или трахая в усмерть пьяную тетку, можно испытать просветление. Это бы еще ничего, но Батаю показалось мало, просветление всё не случалось, и тогда он из самых долбанутых учеников создал небольшой кружок – типичную секту – Ацефал – слово это обозначает некое обезглавленное божество. Батай был упертым малым и предложил сделать опыт, который должен был уже наверняка привести к желанному результату. Члены кружка должны были разделить на жертв и палачей – натурально, чтобы совершить ритуальное жертвоприношение. Так как члены секты были отнюдь не кадровыми военными и не зэками, а, в большинстве своем, философствующими маменькиными сынками, то сей ритуал явил бы для них шок такого размаха, что и палач, и жертва в кульминационный момент, по лихому замыслу Батая, испытали бы просветление вселенского масштаба, которое самому Будде не снилось. Батай даже слово смастерил для этого – трансгрессия. Но, опыт не удался – жертвой готовы были стать почти все, а вот на роль палача никто не решился.

Слушая Карловну, Юрис продолжал хохотать и приседать. Наконец, выпрямился, и вновь взялся теревить Федину пуговицу:

– Кума, ты опять оболгала высокие идеалы! Всё было несколько иначе...

– Я же сказала, что объясню в популярной форме, – парировала «кума».

– Популярно-то получилось, а вот суть опошшила. Федя, там дела были крутые и люди отнюдь не совсем рехнувшиеся, да и не робкого десятка. Впрочем, про это прочтешь в Википедии на досуге. Палачом действительно никто не отважился стать. Но ведь кто такой палач? Это отнюдь не мясник, не тупой убийца, как его могут показывать в дешевых фильмах или описывать в бульварной литературе. В Средние века и в Эпоху Возрождения, как правило, палач проходил очень серьезную подготовку. Это был аскет, все свободное время посвящающий молитвам и духовным упражнениям. Его работа была священнодействием – он должен был дать шанс душе казнимого за несколько минут или даже секунд – очиститься и возвыситься. Это уже когда наступило время так называемого «прогресса», палач, как духовный сан – выродился, и с конца восемнадцатого века, к революционной гильотине допустили даже отпетых мерзавцев, а дальше и подавно. Но Батай и его ученики знали, что значит быть Палачом с большой буквы. Именно поэтому никто и не взялся – все понимали, что обычное убийство ни к какой трансгрессии не приведет. На том «Ацефал» и распался. Однако, среди бывших ацефаловцев было заронено зерно, которое дало всходы в начале пятидесятых в кружке Пьера Клоссовски – философа, любителя мистики и художника.

– А еще он был большим почитателем маркиза де Сада, о коем как раз в конце сороковых издал скандальнейшую книжку, а позже написал книгу о Бафомете – то бишь, о дьяволе – и тоже весьма Бафомета нахваливал. Что же до художника – видела я его рисунки – типичная порнографическая мазня, – не сдержалась Наина Карловна.

– Не мешай нам, о старушка-божий-одуванчик, – Юрис обратил к женщине умоляющий взор, – всё не так просто и однозначно. Клоссовски был очень серьезным мистиком, но любил эпатировать публику – это было модно в те времена. А кружок его был тайным, и прежде, чем осуществить эксперимент по трансгрессии, участники несколько лет практиковали медитацию и другие восточные и западные методы для достижения духовной отрешенности. Наш Жорж и был тем, кому досталась роль Палача. А жертвой выпало стать Жерару Кальви. Вот он-то и спраздновал труса. Возможно – к лучшему, кружок после этого тоже быстро распался. Но те, кто несколько лет там подвизались, прошли мощную школу. К теме Жертвы и Палача Клоссовски подвёл их далеко не сразу. Ученики постепенно получали задания, для выполнения которых приходилось перешагивать сильнейшие внутренние и, тем более, социальные барьеры – а каждое такое действие, совершенное не по дурости или пьяному куражу, а как способ тренировки воли и крепости духа, высвобождало колоссальные силы. Идеалом был, конечно, ницшевский образ Заратустры. Каждый месяц собравшиеся должны были вытянуть одну карту Марсельского Таро. Карта в символическом виде содержала задание.

– Да-да, – вновь встряла Наина, – выпала тебе, допустим, семерка Кубков – иди, дружок и предайся самому изощренному разврату в группе каких-нибудь подонков, да не ропщи – а извлеки из этого духовный опыт.

Юрис уже не засмеялся, а лишь рукой махнул:

– Будет тебе куражиться. Допустим, даже с семеркой Кубков не всё так просто. Но, как бы там ни было, речь шла об очень серьезных трансформациях личности, о разрушении привычных для простых смертных оценочных суждений, всех этих «добро и зло». Пройдя эту школу, человек становился не циничным распутником – хотя, наверное, и такое случалось, а отрешенным созерцателем, способным на Поступок. Вишенкой на этом торте и были карты Повешенного и десятки Мечей, которые Клоссовски до мая тысяча девятьсот пятьдесят третьего года намеренно изымал из колоды. Ну а дальнейшее ты слышал.

Фёдор Михалыч находился к этому моменту в состоянии лихорадочного возбуждения и, одновременно, какого-то зачарованного паралича. Хоровод разнообразнейших чувств кружился, побуждая то бежать из этого безумного места без оглядки, то напротив – внимательнейшим образом вслушиваться в речь Юриса. Тело безвольно топталось на месте. Мысли же

роились и прыгали в самые непредсказуемые стороны. В ту минуту, когда хвостатый прервал свой монолог, Феде удалось как-то осознать эту столь ранее незнакомую разобщенность внутренних членов и сделать отчаянную попытку собраться, да вот поймав пронзающий взгляд Наины Карловны, всё вновь рассыпалось.

– Не стал палачом и Жорж, хотя намерение у него было наисерьезнейшее – появление Фулканелли ли тому причиной или этому помешали бы другие обстоятельства – сие неизвестно, – Наина, всматриваясь внимательно куда-то сквозь Фёдора, медленно, по слогам произнесла:

– А вот в твоей судьбе, голубчик, этот эксперимент, похоже, найдет свое завершение и решение!

Юрис, впрочем, успел вмешаться и предотвратить очередной шок:

– Бро, не слушай эту дуру юродивую!

– Что ты там мелешь, гадёныш?, – взорвалась Карловна и схватила парня за грудки.

Наш герой почувствовал себя обязанным предотвратить намечающееся рукоприкладство:

– Пойдите! Вы тут все рассказываете такие вещи, в которые невозможно поверить. Неужели это действительно столь легендарный человек. Ни он, ни вы ничего не выдумываете?

Юрис и Наина мгновенно расцепились и, как ни в чем не бывало одновременно одарили Дядю Фёдора сияющими улыбками.

– Весь мир – вымысел. Один вымысел губителен, другой исцеляет...

– Но, Жоржу тогда должно быть около девяноста лет? А выглядит он никак не старше семидесяти. Он действительно родился в 1930 году?

– Может быть и намного раньше. Можешь ли ты представить курьез о том, кто родился, но не умрет – это как-то представимо, а случай про того, кто не родился, но должен умереть – та же бесконечная жизнь.

На этих словах Фёдор Михалыч смекнул, что ему зубы заговаривают.

– Вы хотите сказать, что он никогда не родился?

– Эх ты хватил! – усмехнулся хвостатый парень, – Ну, не то, чтобы никогда, но вот копыта отбросить никак не может, а пора бы.

– Давно пора, – подхватила Наина, – последние пару столетий он уже совершенно невыносим.

– А, вот как!, – Фёдор вдруг расслабился, всё более убеждаясь, что его разыгрывают, – Как в фильме «Формула любви»: «Про тысячу лет не знаю, но те 300, что я возле него, он ничуть не изменился».

– Нет, голубчик, – Наина стала серьезной, – Я как раз тысяча девятьсот пятьдесят третьего года – родилась двумя месяцами позже тех событий, о которых давеча шла речь.

– А я и вовсе юн еще, родился в тысяча девятьсот восьмидесятом, – подмигнул Юрис.

Атмосфера смягчилась, Фёдор тоже смог улыбнуться:

– А я семьдесят первого года.

– Ну, вот, а Жорж примерно третьего или пятого.

– Час от часу не легче? Ему как Фулканелли нынче сто тринадцать или даже сто пятнадцать?

– Ну кто же такими цифрами оперирует. Ты остроумно вспомнил «Формулу любви» про Калиостро. Помнишь, веселый доктор рассказывал, что писарь в деревне ставил только год рождения, вот и живут в деревне Иванов – 2 года от Рождества Христова, Петров – 4 года, так вот и наш Жорж.

– Вы серьезно?

– Дружище, ты же сам назвал Жоржа легендарным человеком, вот тебе и легенда! А Карловна, конечно, любит брехать.

– Что значит – брехать?, – вновь наехала на молодого человека Наина.

Между ними вновь возникает потасовка, и Фёдор Михалыч в очередной раз примеряет новую для себя роль спасителя, пытается разнять бодающихся неожиданным вопросом:

– А почему тогда столь легендарная личность обретается в такой маргинальной обстановке и,.. пардон, компании?

– А это особый вопрос, – Наина Карловна театрально воздевает перст, – Пробовал он учить людей из высших слоев общества, и очень много лет на них угробил, но – не годятся они, только те, кому нечего терять, могут представлять для него интерес. Но не пролетарии, как в своё время отметил классик, а именно маргиналы – тут ты, голубчик в самую точку попал!

– Здесь что – секта?, – испугался Дядя Фёдор.

– Хуже, – подмигнул ему Юрис.

– Как это? Впрочем, эээ... благодарю вас за беседу, было очень интересно, а теперь я пойду...

– Куда же ты пойдешь теперь? – пожал плечами Юрис, – Как говорить, ты теперь слишком много знаешь!

– Вы что угрожаете? Так я не в Литве живу, – наш герой разворачивается и делает решительный шаг в сторону выхода.

– Да хоть в Новой Зеландии! – закричала на него Карловна, – Жорж тебя из-под земли выкопает! Мы сами уже который год, а кто и десяток лет вырваться не можем. Хоть бы этот гад двинул кони, наконец, да вот же – никак! – тон ее стал грустно-ожесточенным.

– Ладно, дружище, не бери в голову. Как уже говорила Наина – весь мир – большая легенда, сотканная из легенд поменьше. Оставайся-ка еще на полчаса, сейчас самое интересное начнется!, – смягчился Юрис. И добавил, после недолгой паузы:

– Выбраться из паутины старого лиса действительно невозможно... У него свои люди везде, и в полиции тоже.

– Но я не местный.

– Это ничего не меняет. С того момента, как ты попал в поле его внимания, он найдёт тебя в любой точке планеты.

– Что же делать?

– То же, что и мы. Ждать, пока эта живучая сволочь – воплощение всех пороков мира – помрет наконец!

– Только непонятно, произойдет ли это когда-нибудь, – вмешалась Наина. – Я лично ожидаю освобождения уже около тридцати лет... В этом бешеном гении выпукло отражено все, что впитала в себя наша больная цивилизация за всю историю...

– Кстати, и мудрость тоже, – заметил Юрис.

– И доброту, щедрость, обаяние, невероятные знания, которыми он охотно делится, любовь ко всем нам, наконец, – подхватила Наина.

– Да, личность его крайне непростая, не заурядная, хотя и заурядность нет-нет да и проскочит в его поведении, – добавил молодой человек, вновь ухватив Фёдора за пуговицу.

– А еще он похотлив как павиан, – весело воскликнула Карловна и, кивнула в сторону комнаты, в которую, воротившись с лестницы, отправилась та, из-за которой наш герой попал во всю эту переделку, – эту бедняжку трахает с восемнадцати лет.

– Да и тобой Наина он никогда не брезговал, – хохотнул Юрис.

– Ну, меня-то хоть с тридцати...

– Зато по сей день!

Дядя Фёдор не заметил, когда в помещении появился Альгис, а он прохаживался вокруг увлеченной беседой троицы, как минимум минут пять, так как уж концовку разговора застал точно:

– Если говорить про павианов, то это не самый удачный пример похотливости, гораздо более подходящим к Жоржу является пример шимпанзе бонобо, – уснащая свою зычную речь озорными жестами, Актёрыч пустился в подробные описания, смакуя отдельные детали и, видимо не давая себе отчет, что со стороны его седины сочетаются с предметом рассказа не иначе как паясничание. Впрочем, возможно, он нарочно старался произвести такой эффект:

– Бонобо называют типичными хиппи мира животных, потому что они предпочитают заниматься любовью, а не воевать. Любые свои проблемы эти мудрые животные решают при помощи секса, и самого что ни на есть изощренного! Этих обезьян называют сексуальным сюрпризом эволюции. Они единственные в мире животные, способные заниматься сексом в «миссионерской позиции». В среднем бонобо любят друг друга каждые полтора часа. Они ведут себя так, как будто прочли «Камасутру». Эротика – универсальный язык бонобо, которым они пользуются с большим успехом, чем мы своей членораздельной речью. Секс позволил им добиться того, в чем не преуспели самые красноречивые из наших пророков, дипломатов и священников: бонобо никогда не воюют. Каждый раз, когда возникает чреватая агрессией ситуация, обезьяны не дерутся, а совокупляются. Бонобо, например, не ссорятся из-за еды. Сообщество бонобо, как коммуны хиппи, объединяют сексуальные узы, которые оказались прочнее и надежнее, чем власть и деньги. Свободные в любви, как пушкинские цыгане, бонобо упразднили право собственности друг на друга. В сущности, они живут в той утопии, о которой мечтали Платон, да и Александрой Коллонтай тоже.

Впрочем, Фёдора мало занимала история наших любвеобильных пращуров. Его внимание вновь прилепилось к босоногой, но сейчас он переживал острое чувство возмущения и жалость к несчастной:

– Бедная женщина, – произнес он с жаром в голосе. Присутствующим было очевидно, что сия реплика относится не к Найне Карловне, которая, кстати, мгновенно среагировала:

– Не такая уж она и бедная, потому что по себе знаю – Жорж – бог в сексе, и это невыразимое счастье – принадлежать ему. Среди всех нас Анне-Марии досталось больше всего его любви. Он постепенно открыл в ней Афродиту. С ее первоначальными данными этого бы никогда не случилось. А сейчас ни один мужчина не может устоять, когда она просто проходит мимо, причем в любом виде, хоть в косметике, хоть покрытая грязью и в драной холстине, – у тебя неизбежно встанет – шлейф Афродиты чувствуется за километр.

В этом как раз Фёдор Михалыч имел давеча несчастье (или счастье?) убедиться.

– Кто же, черт возьми, этот ваш Жорж?, – вопрошал бедолага.

– Да мы сами не знаем, он каждый раз предстает в совершенно новом облики, – Юрис пожал плечами, – такое впечатление, что этот человек набрал невероятное количество гештальтов и ни один из них не закрыл. Теперь он отрывается на всех нас, да что там! – на всех, кого угораздит попасть ему на глаза!

– Да он же шизофреник! – пробормотал наш герой.

– Увы, это так, но разве наша цивилизация в целом нынче не заслужила того же диагноза?, – надрывно вскричал Актёрыч, и продолжил в том же тоне, – Друзья мои! Я знаю Жоржа долее, чем вы все. Он гениален, но, как и многие гениальные люди, не встретив сразу же признания своих талантов, настроил против себя очень многих, а потому долгое время с ним никто не хотел не то, что считаться, но даже общаться. Он стал обижен, и обида сквозит положительно в каждом его взгляде и жесте. Это чувствуется, согласитесь! Он обижен на весь

мир. С другой стороны, что было бы со мной, если бы я не повстречал его? Он вынул из меня столько дерьма, сколько я бы и за десять жизней в психоанализе не выковырял.

Фёдор, слушая все противоречивые характеристики, даваемые его новыми знакомцами своему гуру, совершенно запутался:

– Он же ваш учитель, как же вы его обсуждаете?

Юрис усмехается:

– Обычное дело. Чем ещё заниматься ученикам, как не обсуждением Учителя, в кулуарах, разумеется? Обычная такая подленькая привычка. Чем мы отличаемся в этом отношении от многих?

Альгис подхватил:

– Да, когда-то мы говорили с ним о предательстве, вернее он создал ситуацию, в которой я предал его. Предал по-крупному. Надо сказать, что его реакцией на мою подлость был просто смех. Я ожидал, что он проклянет меня, прогонит к чертям, будет мстить, потому что это решительно в его силах – уничтожить человека – ты, друг мой, видел это нынче, и это еще сотая часть его возможностей, легкая разминка, так сказать. В ответ же на мое предательство он только смеялся, говоря, что все люди изначально склонны к предательству, только раньше, в прежние века, люди предавали под пытками, за золото, за деньги, женщин – за многое, но, по крайней мере, нужен был какой-то стимул. Ныне же мы предаём друг друга просто так, нам уже не нужно ничего предлагать, нас не нужно пытаться, нас не нужно покупать – большинство делает это даже не задумываясь.

– Да уж, – пробормотал Юрис, – иудино семя есть в каждом из нас.

Наина встрепенулась:

– Готова поспорить с тобой! Отношение к Иуде сформировано кем-то нарочно нарицательно – не было бы Иуды, не было бы всей этой истории с Голгофой и воскресением. Очевидно же, что это был самый преданный ученик и именно ему выпала самая сложная задача. Так когда-то и тебя, Альгис, Жорж поставил в ситуацию предательства, и ты до сих пор мучаешься, вспоминая эту историю. Что же до Иуды, то Иисус скорее всего поручил ему самое ответственное и тяжкое бремя. Жорж расскажет об этом лучше. Конечно, версия эта высказана впервые не мной и даже не им, а впрочем, может быть, и им. Кажется, с Борхесом он тоже имел какое-то общение. А у Борхеса есть рассказ «Три версии предательства Иуды», в котором некий богослов неожиданно приходит к выводу, что Иисус и Иуда – две стороны одной медали. Причём если Иисусу достались все почести, хвала и слава, то Иуда даже в большей степени является Спасителем, ибо он знал, на что шёл, и отдавал себе отчет, что будет проклят в веках и само имя его станет нарицательным. Взойти на крест, когда ты знаешь или хотя бы веришь, что ты станешь символом света, добра и любви – всё же не так страшно, как если идти почти на такой же крест, даже ещё более тяжкий, зная наверняка, что с тобой будет связан худший из грехов человеческих. А много ли людей, которые сейчас понимают диалектику Иисуса и Иуды, диалектику предательства как высшей формы любви? Вряд ли ты найдёшь их.

В комнате, где стоял стол с вином и стаканами, раздался шум. Любители философии, а с ними и наш герой отворили дверь, интересуясь, что там происходит. А там, между прочим, нерешительно топтались несколько новых персонажей – три женщины лет тридцати пяти – сорока и юноша, вероятно, студент. Навстречу им из другой комнаты уже выходил Жорж:

– Ну что, народ к разврату готов?

Глава 4

*«Встречаются, чтоб разлучаться...
Влюбляются, чтобы разлюбить...
Мне хочется расхохотаться,
И разрыдаться – и не жить!
Клянутся, чтоб нарушить клятвы...
Мечтают, чтоб клянуть мечты...
О, скорбь тому, кому понятно –
Все наслаждения тщетны!..
В деревне хочется столицы...
В столице хочется глуши...
И всюду чужды лица
Без человеческой души...
Как часто красота уродна
И есть в уродстве красота...
Как часто низость благородна
И злы невинные уста».*
Игорь Северянин, «Поэза странностей жизни»

– К какому разврату?, – раздался тревожный и растерянный голос одной из вошедших дам.

– К очень простому, можно сказать – обыкновенному, бытовому, без всяких вычурностей и приспособлений, коими пользовался небезызвестный маркиз, – весело ответил Жорж, и самый тон его голоса, как показалось Фёдору, будто бы набросил на мрачное запущенное помещение и всех находящихся в нём, тончайшую паутину беззаботной расслабленности.

Выждав паузу и убедившись в том, что публика готова уже ко всему, чтобы он не предложил, старик продолжил:

– После... назовём это – эротических практик, Юрис покажет вам комплекс психо-энергетических упражнений для быстрого расслабления и максимальной мобилизации всех сил, ну а я сейчас оглашу домашнее задание на пару недель. Отчитаетесь потом Наине Карловне. Ежели вы со всей этой начальной программой справитесь, то сделаете первые серьезные шаги к неуязвимости.

– А если не справимся?, – поинтересовался юноша.

– А не справитесь – грош вам цена, и встречаться с вами в следующий раз не вижу никакого смысла. Итак, задание на дом. В социальных сетях, вы должны будете сделать несколько десятков постов от своего имени и без всяких смайликов о том, что, дескать, всё это не серьёзно. Нужно будет затронуть как можно больше самых животрепещущих тем, и аргументированно обозначить в них совершенно противоположное мнение и позицию тем, которых вы придерживаетесь. Тех, кто будет вас читать, важно не только удивить, но разозлить, раздосадовать, возмутить – ведь до этого они считали вас совсем другими людьми. Многие от вас отпишутся, но появятся и новые друзья. На комментарии отвечать, сохраняя совершенно серьёзную приверженность написанному, приводить дополнительные аргументы, ожесточенно защищая ваши новые взгляды, не бояться вступать в конфликт...

– А на личности переходить?

– Если для вас это совершенно не свойственно – то – обязательно, если же вы, наоборот, привыкли отвечать в этом стиле, тогда – наоборот, оперировать только фактами. Повторюсь

– попробуйте охватить как можно больше острых тем! Если вы придерживаетесь либеральных взглядов – люто разгромите либерализм, ну а коли вы напротив, к примеру, националист – напишите предельно либеральный текст, пройдясь по проклятым нацикам, от которых все беды. Ненавидите власть – без малейшего намёка на стеб, сочините хвалебную оду ей. Вы склонны к ревности? Тогда напишите про поощрение свободных отношений, пуще того, как это славно – когда изменяет жена или муж. А склонны к свободным отношениям – защищайте с пеной у рта моногамию. Искренне пишите! Если считаете себя крутым интеллектуалом, запостите цитаты из Донцовой или Правдиной, если же любите гламур – произведите разбор какого-нибудь текста Лакана или Делёза. Любите прозу Германа Гессе и стихи Бродского? Раскритикуйте их в пух и прах. Считаете себя порядочной женщиной? – Замечательно будет выложить дюжину откровенных фоток. И так, как минимум, по двадцати темам – создайте публичный образ себя во всем противоположного себе вчерашнему. Если вы этого не сделаете, значит вы убийственно отождествлены сами с собою – о чём тогда нам дальше говорить? Задача ясна, надеюсь?

В ответ – несколько робких реплик, мол, «попробуем», впрочем, старый плут отвечать на них не стал, выдержав длинную театральную паузу.

Наина Карловна, схватила Фёдора за руки и, притянув к себе, принялась громко и выразительно шептать ему на ухо:

– Понял теперь, почему он Юриса давеча загасил? Мы считаем мысли своими, но ведь само слово – оно же ничьё. Слово, даже такое как «я» – не принадлежит мне, как это ни парадоксально – меня нет вообще...

Жорж, бросил внимание на эту милую сцену, рассмеялся и, обращаясь ко всем, вытянул руку в сторону Наины и Дяди Фёдора:

– Вот вам пример умников, то бишь, идиотов, иллюстрирующих толпу засранцев, о которых Карл Юнг писал в своей «Красной книге», как о глупцах, поклоняющихся Духу Времени и не ведающих Дух Глубин!

– Господь с тобой, Жорж, – возмутилась Карловна, – мы же как раз о глубинах!

– Вот именно, Господь со мной, а с вами хрен знает кто, – оборвал ее гуру, показав абсолютное нежелание оспаривать возражения.

Возникла пауза. Вновь пришедшим (впрочем, как и Феде), видимо стало неловко от показного авторитаризма старика, которого они почитали как Наимудрейшего. Студент, попытался затушевать сей неловкий момент:

– Уважаемый... эээ... Жорж, я слышан, что вы общались со многими замечательными людьми. А вот с Юнгом вам доводилось встречаться?

– Я что похож на человека, который встречается с мудаками?, – в той же манере отвечал старый лис.

В это время Наина шепчет Фёдору:

– В конце пятидесятых Жорж был очень дружен с Юнгом, регулярно выступал на его конференциях «Эранос» в Швейцарии.

Нетрудно догадаться, что у нашего горемыки Фёдора от переизбытка противоречивых впечатлений дня, голова, мягко говоря, буквально идёт кругом. Одна большая мысль, которую, вопреки заверениям, без сомнения, образованнейших людей, он упрямо считает своей, вертится в этой бедовой головушке: «Это не просто секта, из которой, пожалуй, действительно не вырваться, но это еще и какой-то нелепый цирк с конями! Как мне удрать отсюда? Меня, вроде бы, никто не держит, но вот на волевое усилие, дабы покинуть этот зловещий аттракцион, я

положительно не способен. Меня как будто в какой-то водоворот затягивает непонятная сила. Что делать?». Понятное дело, что вопрос сей – риторический, и никакого ответа на него Федя не найдёт, чувствуя только, что его крепко держит какая-то невидимая, но невероятно сильная рука. Знал бы он, куда эта «рука» поведёт его еще сегодня!

В комнате, несмотря на недавнее замешательство, вновь, как по мановению невидимой режиссерской палочки, воцаряется атмосфера беззаботной лёгкости. Лишь одна из женщин, видимо, умом понимая множество несоответствий между увиденным и услышанным, пытается задать вопрос, и вопрос этот, обращенный к Жоржу, даже звучит, но, к удивлению самой вопрошающей, в реплике ее слышится отнюдь не тревожность, сообразная смыслу слов, а кокетство, переходящее в жеманность:

– Позвольте, но ведь написав за пару недель тексты, по рекомендованному вами... эээ... рецепту, мы потеряем не только большинство подписчиков, но рискуем поссориться с давними друзьями. Как же это? Мы ведь пришли сюда, чтобы, наконец, найти крепкий стержень в вихре нашего противоречивого времени, некую стабильность, как основу для саморазвития...

– Крепкий стержень, о свет очей моих, ты найдешь уже через десять-двадцать минут, – хохотнул Альгис. Жорж же, напротив, взял совершенно серьезный тон и отвечал барышне:

– Стабильность, надёжный тыл, распорядок и прочие благоглупости – всё это ведёт к остановке, застыванию, деградации. Это касается всех сфер жизни, а особенно тех случаев, когда человек обманывает себя, собираясь на фоне стабильности заниматься так называемым саморазвитием. Настоящее развитие возможно только в непрерывно меняющейся среде, к которой приходится приспосабливаться. При этом главное условие: именно среда окончательно контролирует ситуацию, а не человек. «Мы хотим жить, а не выживать» – говорят искатели саморазвития. Они не понимают, что жизнь вне рамок выживания невозможна в принципе, жизнь изначально возникла именно как выживание, она заточена только на выживание! Вне выживания носитель жизни самой жизни не нужен, он избыточен и паразитарен. Жить и выживать – это – синонимы. Другой вопрос, что очень немногие хотят жить, а вы до сей поры под жизнью понимали беспорядочное убийство времени в погоне за шаблонными, предсказуемыми, и стабильными удовольствиями. Я же прямо сейчас предлагаю вам выйти за свои пределы, сделать тот самый порочный шаг, который ведет за черту идиотской «нормальности». И, кроме прочего, это уже не стабильные удовольствия, а опасные и рискованные наслаждения. Но в наше время тот, кто не рискует – как раз рискует более всех. Так что, дамы и господа – каждой твари – по паре или как вам угодно. Комнат в этом прекрасном, изысканном особняке как раз хватит на все пары, хе-х!

Актёр Актерыч звонко хлопнув в ладоши, со словами «Люблю тебя, душа моя, вот за эти прекрасные моменты!», направляется к одной из пришедших женщин, которую даже Фёдор Михалыч оценил как весьма аппетитную особу. Барышня, вероятно, не ожидала, что слова Жоржа нужно понимать буквально, но как бы она не была ошарашена, паутина легкости и беззаботности, невесть каким образом накинутая пожилым магистром на всех присутствующих, позволила Актёрычу ловко и без малейших усилий увлечь ее в одну из комнат. Студент и две другие женщины застыли в неуверенности, но и их участь была решена ловкими и, даже в какой-то степени, фамильярными импровизациями Юриса: сложив, без каких-либо усилий, ладони юноши и одной из дам – той, что выглядела чуть старше своих спутниц, он с комедийным гротеском воскликнул:

– Дети мои, объявляю вас мужем и женой, – помедлив, – на ближайший час! Спешите же исполнить свой первый супружеский долг вот в этой восхитительной опочивальне!, – с этими словами «новобрачные» были препровождены в комнату напротив той, где Фёдор общался с новыми друзьями-сектантами. Наш герой, когда Юрис открыл дверь «опочивальни», успел

заметить, что она начисто лишена какой-либо мебели, так что устроиться там можно было либо на полу, либо же на подоконнике.

Затем Юрис воротился в большую «залу» со столом, ловким движением руки скинул с одной половины стола бутылки и стаканы, и галантно приобняв третью женщину, сообщил ей тем тоном, каким обращаются к любовницам, с которыми провели уже не один год в самых невероятных приключениях:

– Нам с тобой, родная, повезло сегодня – у нас, в отличии от остальных, в распоряжении нынче шикарное ложе! Располагайся. Одежды можешь сбросить прямо на грязный пол – в этом будет особая перчинка. Я изнемогаю от нетерпения, но вынужден на одну минутку отвлечься, дабы уладить кой-какие вопросы вот с этим неловким господином, – обратил свой смеющийся взгляд к Феде, и двинулся к нему.

Дядя Фёдор ошалел от увиденного и услышанного. И уже который раз за этот сумасшедший вечер спасительная для рассудка мысль о том, что происходящее ничем другим кроме сна решительно не может являться, несколько успокоила его. Он заворожено смотрел как барышня, выбранная хвостатым малым, не то что безропотно, но, пожалуй, даже в охотку исполняла его повеления – скинув плащ, юбку и блузку, оставшись в светло-голубом белье и сетчатых чулках телесного цвета, она, взобравшись на стол, принялась расстёгивать лифчик. Хвостатый проказник, уже схвативший нашего героя за руку, в этот момент обернулся, и остался довольным увиденным:

– Голубушка, чулочки, пожалуй, оставь. Так пикантнее будет.

Из комнаты, в которую удалился Актёр Актёрыч со своей избранницей, послышались громкие ритмичные стоны, с других сторон также доносились какие-то звуки, свидетельствующие пока что о приготовлениях. Куда исчезли Наина и Жорж – было непонятно. Фёдор Михалыч, чувствуя нарастающее возбуждение, столь не свойственное ему, и догадываясь, что, быстрее всего, ему без «эротических практик», как их ехидно назвал старый лиходей, отсюда не уйти – еще не смея думать – с кем, тем не менее, предпринял слабую и неловкую попытку сопротивляться:

– Как это? Что такое?..

– Дружище, – озорно подмигнул Юрис, – как говорил один питерский художник: «то, что начинается идеалами, кончается под одеялами». Впрочем, как раз одеяла предоставить не могу, но это не отменяет исполнение твоей давней и заветной мечты, – он еще раз подмигнул, – тебя ждут, и ждут, поверь мне, с нетерпением. Только не говори, что не мечтал об этом.

Он развернул Федю в сторону комнаты, откуда они полчаса назад вышли с Карловной и Альгисом, отворил дверь и мягко втолкнул уже не сопротивляющегося мужчину вовнутрь.

Фёдор Михалыч оцепенел от неожиданности, но, в большей степени, даже от другого – никогда не знакомая ему прежде волна бешеной страсти охватила всё его существо. Тугая плоть, взрываясь, вздыбливала брюки (сие не менее удивительно – Наташке, дабы принудить мужа к супружеским обязанностям, приходилось достаточно долго растеребливать его пенис руками и губами). У окна, облокотившись на подоконник, стояла босоногая. Она курила, неспешно затягиваясь. И без того короткое платье её, подобравшись, благодаря приглашающей позе, обнажило ягодицы. Трусиков не было. Фёдор подошел ближе и вновь застыл. Она, несомненно, чувствовала, что с ним происходит:

– Будь смелее. Я уже готова. Ну же – входи!, – этот чарующий голос с легким налётом усталой хрипотцы, с теми же переливами наивности и опытности, заботы и безумства – голос из забытого, но такого близкого сна... И, в то же время – обстановка, отсутствие не то, чтобы

даже элементарного знакомства и ухаживаний, но и прелюдии – всё это не шивалось в одну картину, было в высшей степени абсурдно и столь же пленительно. Вдобавок он чувствовал какую-то совершенно не присущую ему прежде легкость и свободу действий.

– Это действительно бредовый сон, – произнёс неловкий гость, будто бы, для оправдания, хотя и эти слова прозвучали лишь по привычке из старой жизни, которая – это было ясно ему – завершилась, захлопнулась еще два часа назад, когда он решился войти в эту обитель несообразной и дикой премудрости. Приблизившись к обворожившей его, сладчайшей, упоительной женщине, к этой странной пьяненькой потаскушке с грязными ногами, к этой пленительной волшебнице, к суке, опустившейся ниже вокзальной шлюхи, к богине – мечте всей его жизни, как он теперь понимал – он резким движением освободил восставшую тугую плоть от стесняющих брюк и возложил ладони на тугие ягодицы женщины. Она ответила негромким, но сладчайшим стоном. И стон этот взорвался в груди новоиспеченного любовника – именно в груди – фейерверком невыразимого блаженства – если рай существует, то вот он – в одном мгновении! И нет никаких препятствий. Нет – это он тоже понимал сейчас совершенно отчетливо – его ожидал не блуд, не паскудный перетрах с грязной нимфоманкой, не разврат, как поименовал это Жорж, являвшийся, видимо, искуснейшим колдуном. И, скорее всего, в других комнатах творилось нечто подобное – священнодействие, даже нечто большее, что невозможно уже поименовать словами, разве что, тем Словом, которое было в Начале.

Анна-Мария (имя её было произнесено Наинной Карловной в беседе, касающейся «похотливости» Жоржа) приподняла правую ногу и возложила ее на подоконник, полностью открывая вход нашему герою, а он еще крепче вцепился в её ягодицы и...

О, дорогой читатель! Автор имеет о тебе лишь самое туманное представление – может быть, ты предвкушаешь живописание страстной эротической сцены, обильно слюноточа, а, возможно, в ярости готов уже захлопнуть книгу и желчно выругаться; весьма вероятно, что ты брезгливо морщишься, желая как можно скорее пробежать очами дальнейшие строки, с трудом преодолевая рвотный рефлекс – но всё же – преодолевая, ибо товарищи рекомендовали тебе сию повесть как нечто, превосходящее мудрость наимудрейших в сочетании в фантастическими приключениями героев, и ты готов даже простить автору несколько страниц пошлости... Впрочем, в каком бы настроении ты нынче не пребывал – сделай глубокий вдох-выдох и расслабься! Ибо... Инь и Ян не суждено будет соединиться в обстановке заброшенной грязной комнаты.

За секунду до свершения священнодействия стряслось нечто, полностью разрушающее наметившийся, было, сценарий. Со стороны комнаты, в которой азартно трудился Актёрыч со своей прелестницей, раздался раскальвающий душу вопль, уносящийся вниз, где – на уровне земли, он так же внезапно угас, сменившись коротким пренеприятнейшим шлепком. Тут же сам Альгис заорал благим матом. Захлопали двери, шум спешащих на крик людей – всё это принудило и нашу пару прервать то, что так и не началось, и устремиться вослед за остальными. И вот что предстало взорам совершенно уже ошалевшего Фёдора Михайловича, когда он, одним из последних пробрался к месту происшествия: несколько полуголых мужчин и женщин столпились у окна и вглядывались в темноту. Альгис, обхватив голову руками, в нелепой позе, голый сидел на полу. Он уже не кричал, и не мелодекламирал. Бормотал, мотая головой:

– Какой-то идиотизм! Это невозможно, я держал её очень крепко! Как она могла вырваться? О боги...

Фёдор хотел, было, протолкнуться к окну, но его постоянно отпихивали. Прозвучал чей-то сдавленный голос:

– Кончено. Лежит без движения. Еще бы – четвертый этаж.

– Нужно немедленно звонить в полицию, у кого близко телефон?, – завершала подруга несчастной.

В эту минуту со стороны лестницы в комнату спокойно, но ловко и быстро вступил Жорж. Он был полностью одет, на лице его – выражение сдержанной сосредоточенности. Взор направлен на Фёдора. Взор этот, подобно магниту, выдергивает несостоявшегося любовника из гущи событий – именно так – всё, что творится возле окна, за ним, да и вообще в этой комнате, будто бы невидимым экраном отделяется от Феди, и заставляет сделать шаг навстречу старику. Тот тихо, но отчетливо произносит:

– Молодой человек, я вижу в ваших глазах мечту о самоубийстве – оставьте её, это моя, увы, не могущая сбыться мечта. Но сейчас не об этом. Если мы не поторопимся, то через пять-семь минут сюда ворвётся полиция, а встреча с представителями закона не входит в наши с вами планы. Следуйте за мной!

«А как же остальные», – хотел, было, возразить Федор Михалыч, но не возразил, а незамедлительно направился вослед за Жоржем. Несмотря на почтенный возраст, старик столь стремительно сбежал вниз по лестнице и устремился через дорогу в сторону темнеющего впереди сквера, что Фёдор едва не потерял его из виду, и лишь припустив во всю прыть, тяжело дыша, догнал уже на дорожке, ведущей вверх между кустами.

Глава 5

*«Пусть ты последняя рванина,
пыль под забором,
на джентльмена, дворянина
кладешь с прибором.
Нет, я вам доложу, утрата,
завал, непруха
из вас творят аристократа
хотя бы духа.
Забудем о дешевом графе!
Заломим брови!
Поддать мы в миг печали вправо
хоть с прищем крови!»
Иосиф Бродский, «Пьяцца Матейи»*

Сквер, по которому они бегут во всю прыть, раскинулся между улицей Пилимо и параллельным переулком, именующимся Театро – это место (не сквер, а две эти улицы) более-менее знакомы Фёдору Михалычу. Где-то левее, там, где переулок упирается в широкую улицу Басанавичуса, располагается Русский Драматический Театр Литвы. Позавчера Фёдор имел удовольствие лицезреть там с женой постановку «Короля Лира». Надобно сказать, что спектаклем наш герой остался в высшей степени доволен. Пьеса была поставлена, конечно, на современный лад – все актёры и актрисы были облачены в телесные трико, а декорации напрочь отсутствовали, но вот режиссура, игра и атмосфера оказались в лучших традициях старой советской драматургии. Такой уровень, вдобавок, явился совершенной неожиданностью для Фёдора – до этого, в пору прошлогодней командировки в Ригу, он со скуки решил сходить в местный русскоязычный театр, где давали «Дачников» Горького, и, не дотерпев до середины представления, ушел, отплёвываясь, ибо более бездарной игры не встречал даже в исполнении районной самодеятельности. А надобно признаться, что он являлся изрядным театралом и знатоком этого дела.

Вполне возможно, что интрига бегства и возможной погони занимает читателя в гораздо большей степени, чем суждения о Мельпомене, однако автор рискнул отвлечься в эту сторону не ради красного словца. Упоминание об искушенности героя в сфере драматургии и режиссуры окажутся в нужное время весьма кстати. Впрочем, сказанного уже более чем довольно, двинемся же вослед за беглецами.

Итак, сквер расположился меж двух параллельных улиц, и при этом – с весьма значительным перепадом по высоте – пять ярусов, где произрастали деревья и кустарник, к тому же наклонных еще и сами по себе, соединялись в различных местах неширокими лесенками, так что, в совокупности, перемещение от улицы Пилимо к переулку Театро можно, по нагрузке, соотнести примерно с подъемом на пятый-шестой этаж. Жорж, однако, совершенно не сбавил темп, что для человека его возраста казалось практически невозможно. Дядя Фёдор измучился до серьезной одышки, и то и дело вынужден был делать небольшие остановки, дабы перевести дух, а старикан мчался буквально вприпрыжку. Федя едва различал его силуэт. Присутствовала еще одна несообразность – вместо того, чтобы между ярусами подниматься по лестницам, что было бы намного удобнее, проворный пожилой плут бежал по траве и скользким после дождя листьям. Зачем – это невозможно было взять в толк, но, даже несмотря на одышку и слабость, Фёдор следовал по его стопам. При всём том, размышлять о несуразностях маршрута

не было возможности – мыслительный процесс замер под действием испуга и крайней фантастичности обстоятельств.

Поднявшись наверх и буквально падая от изнеможения, наш герой застал старика, рыскающим вдоль строительных заграждений, видимо и для него появление последних на месте единственного выхода к переулку, явилось неприятнейшим сюрпризом. Метрах в ста влево строительная ограда соединялась с высокой решеткой, окружающей хорошо освещенное изящное здание в три этажа. Жорж сделал знак следовать за ним туда. Возле решетки беглецы обнаружили ящик. Ежели встать на него, можно было бы, употребив изрядные усилия, перемахнуть через решетку, однако такому предприятию препятствовали прутья. Недолго думая, старик приказал Феде снять пальто и накинуть его поверх решетки. К слову – шляпа и портфель, в котором, помимо малозначимых бумаг, находился паспорт, в суматохе оказались забыты в злополучной квартире, правда герой наш об этом казусе покамест не вспомнил и, признаться, не вспомнит еще достаточно долго. Трюк с перекинутым пальто помог сообщникам кое-как перебраться на ту сторону. Оставалось опростетью пересечь двор и, повторив тот же фокус, оказаться уже напротив театра.

Не тут-то было! Раздался вой сирены, а далее и вовсе как в кино – из небольшой пристройки выскочили как из ларца – двое с автоматами. Направив оружие на возмутителей спокойствия, один охранник громко произнёс по-литовски, а другой по-украински (автор сразу даёт вольный перевод на русский язык):

– Вы незаконно пересекли границу суверенного государства и находитесь на территории украинского посольства! Немедленно руки за голову и лечь на землю, иначе мы будем стрелять на поражение!

Для Фёдора Михалыча такой оборот событий выдался последней каплей в череде стрессов и без того лютого вечера. Упав ничком и успев лишь заложить руки за голову, он теряет сознание, успевая, однако, заметить, что Жорж, как ни в чём не бывало, остаётся спокойненько стоять.

Дяде Фёдору показалось, что очнулся он практически сразу же, вот только сознание прояснилось полностью при еще более странных обстоятельствах, чем те, которые вынудили его упасть – они шли со стариком, бережно обнимающим и поддерживающим его за пояс, по направлению к открывающейся, как раз на переулок Театро, калитке посольства. Офицер, стоящий подле калитки, вытянулся во фронт и козырнул. Федя уже не удивился. Выйдя за ворота, он почувствовал неожиданный прилив сил и даже какую-то свежесть.

Он будто бы откуда-то знал, что они направятся в театр. Почему именно там старый прохиндей решил спрятаться от погони, да и гнался ли за ними кто-то взаправду – вопросы сии оставались открытыми. Тем не менее, Фёдор Михалыч без лишних слов следовал за Жоржем. Спутники вошли в здание театра через оказавшуюся не запертой дверь, лишённую опознавательных знаков и табличек – возможно, это был чёрный ход. Сразу за дверью начиналась лестница – проход на первый этаж, где, собственно, и располагалась сцена, гардероб и театральный буфет – отсутствовал. Еще до того, как войти, Фёдор заметил, что все окна в здании темные – оно казалось пустым. Однако, поднявшись на второй этаж, выяснилось, что там кипит бурная жизнь – ярко горел свет в коридоре, а за несколькими дверьми слышались оживленные голоса и классическая музыка. Окна были очень тщательно занавешены, и, скорее всего, кроме штор, полную светомаскировку обеспечивала специальная драпировка. Старик, впрочем, жестами увлек своего сообщника в дальний конец коридора – он, казалось, прекрасно

ориентировался в здании. Их путь лежал в гримерные. В одной из них магистр загадочных наук оставил Фёду, велел ему переодеться в праздничный костюм, случившийся тому впору, да еще и лаковые туфли аккуратно подошли. Над такими «мелкими» совпадениями вчерашний малохолный малый, а ныне – новоиспечённый авантюрист, более не задумывался. Хотя, всё же подивился, когда на пороге его уборной явился преобразившийся маэстро – на нём был не только великолепно подогнанный фрак, но и несколько медалей и значков, а главное большой медальон на груди, в виде золотого равноконечного креста с раздвоенными и закруглёнными концами, в центре которого ярко сверкал крупный восьмиконечный рубин.

– Нас ждут! Вся вильнюсская русскоязычная аристократия сегодня здесь, – провозгласил он торжественно, и подхватив Фёдора под руку, повёл к тем дверям, за которыми слышались музыка и голоса.

В просторной зале находились около тридцати-сорока человек – мужчины в строгих фраках, женщины в бальных платьях. Несколько пар вальсировало, остальные образовывали небольшие группки по два-четыре человека, располагавшиеся по периметру зала. Три пронзительных официанта разносили бокалы с шампанским и бутербродики с икрой. Стоило нашим героям предстать на пороге, как старик юрко скользнул куда-то в сторону, а к Фёдору торопливо направился, раскрывая объятия, улыбчивый джентльмен средних лет. Заключив недомевающего гостя в объятия, затем прочувственно тряс руку и, со словами: – «Ну, наконец-то! Мы, признаться, заждались!», развернулся к публике и захлопал в ладоши, призывая музыку и говорящих смолкнуть. В воцарившейся тишине изрёк:

– Дамы и Господа! Прошу одарить вашим вниманием нашего дорогого гостя из Праги – Фёдора Михайловича Романова, кандидата физико-математических наук и просто замечательного человека!

«Черт возьми, откуда такая осведомлённость?», – только и успел подумать Фёдя под гул аплодисментов. В руке его оказался бокал с шампанским, да тут же некая пожилая дама схватила его под локоть и повела в сторонку. Бал продолжился, новая знакомая зашебетала:

– Какого вы мнения, голубчик, о недавно опубликованном в «Physical Review» обзоре профессора Пардо?

Вот тебе, батенька, и «Юрьев день»! Конечно же, Фёдор читал этот обзор – он просто обязан был знакомиться с новыми статьями Виктора Пардо – крупнейшего специалиста в области полупроводниковых лазеров из Чили, – ведь его работа в пражской фирме, занимающейся разработкой медицинского оборудования, как раз основывалась на теории чилийского профессора. Тут бы, конечно, задуматься – откуда у всей этой незнакомой доселе публики, столь глубокие познания о различных сторонах Фединой жизни, и не разыграна ли вся эта партия заранее, – впрочем, как они могли рассчитать, что он увяжется на улице за босоногой? Однако, после всех треволнений вечера, думать в эту сторону решительно не было никаких сил – гораздо проще продолжить беседу как ни в чём не бывало. Дама, прицепившаяся к нему, выказала незаурядные знания в области физики лазеров. Фёдор сел, что называется, на своего конька, и вскоре оживлённо отвечал на её профессионально задаваемые вопросы. Спустя несколько времени, боковым зрением он уловил на себе чей-то пристальный взор. Обернувшись навстречу ему – замер. Он думал, было, что удивить его уже невозможно, ан нет! Взгляд, пронзающий его, принадлежал босоногой! ... Или её двойнику. Разве что здесь она предстала в совершенно ином облики.

На балу она отнюдь не босоногая: шикарное бальное платье, великолепная укладка волос и макияж, жемчужное ожерелье и браслет с изумрудами на руке. Рядом с ней – осанистый гос-

подин лет эдак пятидесяти с аристократическим профилем лица. Дядя Фёдор невольно отмечает, что изысканный наряд не увеличил, но и не уменьшил степень её удивительной притягательности – она желанна любая. Смотрит на него неотрывно и, кажется, не слышит речь своего спутника. Федя инстинктивно порывается сделать шаг в её сторону, тоже совершенно позабыв о пожилой даме, интересующейся физикой и приборостроением. Заметив его порыв, Анна-Мария быстро отворачивается, затем вновь, на несколько секунд обернувшись, скользит по Фёдору отстранённым, не узнающим и, даже, слегка презрительным взором. Этот знак удерживает нашего героя от дальнейших движений в её сторону, на какое-то время он даже решает, что это и не Анна-Мария вовсе, а просто очень похожая женщина, да и как могла босоногая оборванка обернуться Золушкой на балу? Тем более так быстро – даже если её кто-то подвёз сюда на машине, всё равно за те пятнадцать – двадцать минут, пока Фёдор Михалыч и Жорж бегом добирались до этого места – невозможно было тщательно помыться, переодеться и сделать укладку волос и макияж.

Фёдор возвращается к увлечённой старушке, деликатно извиняется за минутное отвлечение внимания от разговора и, попросив повторить вопрос, заданный ей о коэффициенте расходимости безрезонаторного лазера на полупроводниках, вновь погружается в научную беседу. Хотя, надобно отметить, краем глаза продолжает следить за незнакомкой, так похожей на предмет его мечты. Минут через десять, пожилая дама, видимо, насытив своё интерес, раскланивается, осыпав своего информатора множеством благодарностей. Сей ритуал на некоторое время отвлекает нашего героя от наблюдений. Однако отыскать взором женщину – копию роковой возлюбленной, после обмена любезностями со старушкой, решительно не удаётся. Более того, на ее месте, подле её кавалера – Жорж. Судя по выражениям лиц и жестуляции, они обмениваются остротами. Впрочем, старый лис достаточно быстро ловит на себе Федин взгляд, и, опять же, ежели судить по жестам, извиняется перед собеседником и, прервав беседу, направляется прямёхонько к пылкому влюблённому:

– Друг мой, вы не ошиблись, это она – Анна-Мария. Вернее будет сказать, что здесь она Анна, а в прежней обстановке – Мария.

Фёдор порывается спросить о несовпадении во времени, однако Жорж не даёт ему и слова вымолвить:

– Она – воплощение Души, да-да, той самой *Anima Mundi* (сноска). У неё множество граней. Вы влюблены и воспламенены, и это прекрасно. Хвала богам, что ваше посвящение случится именно с Анной. Анна отличается от Марии даже в большей степени, чем Персефона разнится с Корой (сноска). Её явление для вас предшествует совершенно новому этапу в судьбе. И мечтать о самоубийстве уже не нужно будет. Ступайте. Вы найдёте ее в последней комнате влево по коридору.

– Но..., – пытается возразить Федя. Магистр вновь прерывает его:

– Ни слова против! Вы, голубчик, нынче уже совершенно иной, чем давешним вечером. При всём том, сия трансформация не завершена. Так не дайте процессу вернуться вспять, сейчас нужен обжиг и кристаллизация. Ступайте!

Глава 6

*«Круча над кручею, чаща дремучая
С пнями, корягами, мхами, оврагами.
Воды – живители пустынножителей.
Львы к ним у пропасти ластиятся с кротостью,
Чтя сокровенное место священное.
Pafcer exstacticus – Отец восторженный
Жар сверхъестественный муки божественной,
Сердце пронзи мое, страстью палимое,
Копьями, стрелами, тучами цельми.
Корка под палицей треснет, развалится,
Мусор ответся, сущность зардеется,
Льющая свет всегда вечной любви звезда».
И. В. Гёте, «Фауст»*

Весьма просторное помещение, в котором он оказался, не было похоже ни на залу, ни на гримёрки. Возможно, оно являлось кладовой для крупных театральных декораций. Здесь находились ширмы, несколько различных столов, стулья – старинные и современные, ковры, вешалки, огромный шкаф, зеркала... Однако, все эти предметы не стояли беспорядочно – Фёдор узрел какую-то странную гармонию в их взаиморасположении. К тому же, между ними был и некий простор. В левом дальнем углу располагалась настоящая жемчужина – не каждый театр мог себе позволить такую декорацию – огромная кровать... нет, пожалуй, просто кроватью нельзя называть это воистину королевское ложе, обтянутое атласным покрывалом под роскошным балдахином на четырёх изящных столбах резного дерева.

Женщина, еще более пленительная и манящая в этой обстановке, уловила Федин взгляд, брошенный на ложе, хотя, естественно, брошенный туда ненадолго, ибо с первой же секунды внимание его было приковано к ней – той, что превратилась за этот вечер в единовластную хозяйку его сердца, да и всего его существа. Она, всё так же нарядная, сидела, как могло показаться, с выражением решительно не характерным для её прежнего облика скромности и смирения, на элегантном кресле, поджав ноги под себя. Дорогие бальные туфли стояли по правую руку от кресла:

– Да, действительно – не простая декорация, а царская опочивальня, доставшаяся театру от потомков литовского монарха Ладислава. Лишь Король и Королева имели право возлежать и соединяться на этом ложе.

О, боги! Тот же, сводящий с остатков ума, чарующий голос, но сейчас он излучал совершенно иную атмосферу: манил и отталкивал, раскрывал неведомые глубины и ставил, казалось, непреодолимые барьеры, возбуждал и остужал, призывал к действию и, одновременно, настраивал на долгую паузу. Фёдор не мог взять в толк, как ему вести себя – на чердаке всё было предельно ясно, хотя и требовалось справиться со смущением и робостью, здесь же он уже не робел, его удерживало нечто иное. Положим, он знал, что ни что уже не помешает, и этой ночью Анна станет его возлюбленной в полной мере, и, в то же время, их разделяло нечто, что необходимо было преодолеть, и не просто преодолеть, но еще и заслужить. Вот только чем? Какими поступками?

Будто бы услышав его мысли, Королева души его тихо произнесла:

– Состояние... необходимо состояние. Настройся на меня, просто посиди рядом, – она указала на низкий табурет в полуметре от себя. Удивительно, но выглядела эта роскошная женщина абсолютно трезвой, хотя горячительного этим вечером было выпито немало. Да еще и шампанское на балу... Опустившемуся на табурет Феде нужно было немного задрать голову, чтобы видеть желанные очи, излучавшие тихую нежность и глубокий покой. А вот заботился наш герой быстротечными противоречивыми порывами, то ему чудилось, что надобно действовать настырно, и, не взирая, на её игру в эдакую скромницу, идти напропалую в атаку, то, вдруг, его одолевала тревога, что с ним пошутили, и его чувства будут отринуты. И всё это – на фоне того же острейшего возбуждения и жгучего желания, что он испытал на чердаке за минуту до рокового случая, прервавшего священнодействие, которое почти состоялось.

Всё же, спустя несколько времени, Федя с удивлением отметил, как смелые и дерзкие образы, а равно и картины постыдного поражения начали таять, а затем и вовсе прекратили роиться перед его внутренним взором. В груди вновь взрывался фейерверк невыразимого блаженства. На чердаке он взрывал героя-любownika, раскидывая, как чудилось тому, не только флюиды чувств, но всю его плоть во все стороны, сейчас тот же фейерверк был невероятно мягким и столь нежным, что автор даже решается употребить для описания снизошедшего на мужчину чувственного потока, оборот, взятый из, пожалуй, самого древнего библейского текста – «Книги Иова»: «истаивает сердце». Да, именно так: истаивало сердце, да что там сердце – всё существо Фёдора. В сей миг он предельно ясно понял, что ничего большего уже даже и не нужно, он готов годы сидеть подле Анны, если будет нужно – находиться вдали от неё, свершая те деяния, кои уготовит ему один лишь только взор возлюбленной.

Анна, Аня, Анята – загадочно, нежно и, вместе с тем, лукаво улыбнулась и протянула руку. Он принял её осторожно и бережно, едва заметное касание, затем оконтуривание пальчиков, прежде совершенно незнакомые ему – тончайшие ласки, заставляющие застыть самое время... Он не сможет потом уже вспомнить ту грань, когда нежнейшее переплетение пальцев в дрящемся упоительном мгновении, вдруг наполнилось силой и страстью – она легко, но требовательно притянула влюблённого к себе и, закрыв глаза, отдала губы для поцелуя.

Неужто сбылось?! Он и представить себе не мог, что поцелуй может быть таким сладким, таким долгим, таким манящим в неведомые дали наслаждения. С Натальей – женой – все было намного прозаичней, примитивней, с аспиранткой Любой – единственный неожиданный случай супружеской неверности Дяди Фёдора на кафедре – он попросту не помнил себя от волнения. Здесь же всё обстояло иначе. Здесь, у алтаря, коим являлось королевское ложе, начиналась тропинка в райский сад, обещающий нечто неземное. И ощущение, что это уже было когда-то. Эти мягкие влажные губы, этот аромат дрящегося мгновения, это слияние двух сладостных пустот: его и ее.

...Он двигался очень медленно. Он не жаждал оргазма, ибо каждое мгновение, каждое осторожное движение было сладостнее любого оргазма. Он жадно пил застывший момент. Видимо и она, полностью обнаженная и невероятно прекрасная, распростертая внизу, переживала нечто подобное. Они вступали в обитель вечности; туда, где стираются границы не только губ и тел, но и самое «я» и «ты» бывшие разделенными, соединяются и тают в остановившемся движении, остановившемся дыхании. Не раз потом вспоминая эту ночь, Фёдор понимал, что происшедшее не было банальным соитием, но оказалось таинством, которого он причастился за непонятно какие заслуги.

Когда время вновь застопорилось, губы их еще раз соединились, скрепив печатью молчания то неведомое, что не имело названия. Он хотел, было, нарушить тишину и сказать о том, что случилось что-то непостижимое. Впрочем, эти несколько слов были бы пошлой банальностью. Слова сейчас были не нужны. Они оттеняли то, что потрясло мужчину. Это нечто было вспышкой какого-то очень далекого воспоминания. И узнавания: узнавания неумолимого, безжалостного, мучительного, прекрасного, горького. Вне всякого сомнения, его «пустота» уже знала, знала множество раз ее чарующую «пустоту». Хотя, это была не «её», Ани «пустота», а «Пустота» некоего Первообраза Женского Существа: вот что, вопреки всякой логике, подсказывала ему сама его Суть. В полузабытьи их тела прижимались друг к другу, проваливались друг в друга, растворялись в чем-то ослепительно огромном, безнадежно забытом. Затем губы соединились еще раз. Губы, руки – переплетающиеся пальцы, говорящие: «Знаю тебя! Знаю! Помню!» Плоть мягко, бережно, мучительно медленно устремилась в плоть... И вечность, таинство причастия вечности – повторилось...

Прошло минут сорок. Они лежали, обнявшись: голова ее покоилась у него на груди. Вдруг, как бы очнувшись, он внятно произнес то, что уже многожды говорили друг другу их губы, руки, тела:

– Я это не я... Точнее, я даже не могу найти слов, чтобы описать то, что случилось...

Аня перехватив его мысль, прошептала строки из Хуана Рамона Хименеса:

– Я – не я, это кто-то иной,
С кем иду и кого я не вижу
И порой почти различаю,
А порой почти забываю.
Кто смолкает, когда суесловлю,
Кто прощает, когда ненавижу,
Кто ступает, когда оступаюсь,
И кто устоит, когда я упаду...

Пребывание в растворении освобождало Федю от тисков его прежней личности. Пытаясь изредка припомнить свою прошлую жизнь, он с удивлением, восхищением и какой-то доселе незнакомой дерзостью, отмечал, что смотрит на все пережитые ранее события и свистопляски, как на обрывки фильма про совершенно постороннего человека, чем-то даже неприятного, но не настолько, чтобы это доставляло хотя бы какую-то долю стыда или вины за поступки этого без двух лет пятидесятилетнего домашнего мальчика.

Волшебство длящегося момента постепенно рассеивалось, и, хотя Фёдор чувствовал себя совершенно иначе – что именно в нем поменялось он не мог бы внятно описать – но еще жив был в нём неугомонный, категоричный и оценивающий рассудок. Трезвея не только от вина, но и от послевкусия чудесной близости, он думает о том, что всё произошло без презерватива, и... он же видел свою возлюбленную в совершенно ином образе: нетрудно догадаться, что у неё множество других мужчин...

Анна, заметив, как он едва заметно напрягся, вероятно, догадалась что с ним, но безо всякой надменности или брезгливости, с прежней нежностью и теплотой, ответила вслух на мысли горемыки:

– Вечная дилемма Аполлона и Диониса – либо ты всю жизнь живешь в презервативе, оставаясь наблюдателем жизни, критиком и оценщиком, либо ты погружаешься в ее поток, получая наслаждение и риск. Жизнь сама по себе рискованна. Человек смертен и смертен вне-

запно, как ты помнишь из Булгакова. Да – так. При этом, мало кто отваживается прожить всю жизнь или, хотя бы, какую-то её долю на градусе Диониса. Основная масса людей и рождается в презервативах, и, так не снявши их за всю жизнь, в презервативах же и умирает. Впрочем, бог для подавляющего большинства на Земле сейчас, как бы они его называли – даже не Аполлон, а Рассудок, маскирующийся под любым называемым именем, будь то Иисус, Яхве, Аллах или Кришна.

Слова эти, произнесённые с любовью и принятием, помогают Фёдору внутренне посмеяться над всколыхнувшимся, было, беспокойством ума, а затем и вовсе воротиться к беззаботному покою. Аня осторожно высвобождается из его объятий, накидывает невесть откуда появившийся легкий халатик, встаёт, и подойдя к старинному шкафу, надувшемуся на добрую четверть помещения, достаёт электрический чайник, чашки, заваривает чай. Федя тоже облачается в брюки и сорочку, присаживается к столу. Люди, прожившие вместе, пожалуй, десяток лет – так может показаться чуткому стороннему наблюдателю, окажись подобный в той же комнате, и улови он царящую там атмосферу. Но, конечно же, это не некий посторонний, это сам Фёдор Михалыч наблюдает со стороны за неспешным чаепитием двух очень близких людей. Впрочем, тела и души их близки уже целую вечность, а разум – всё же тоже требует пищи.

Новоиспеченному любовнику не терпится узнать, наконец, кто же такой этот таинственный и удивительный Жорж. Начинает он издали, с невинного вопроса «Который час?», но услышав в ответ, что уже около четырех утра, вдруг вспоминает про нестыковку во времени. Впервые сия несуразность поразила его в тот миг, когда он увидел Анну на балу – для того, чтобы столь радикально сменить облик ей понадобилось бы не менее часа, а на балу она оказалась даже раньше, чем они с Жоржем. И второй вопрос мучил нашего героя: откуда присутствующие знали о нём так много. Он обращает свои сомнения к возлюбленной. Её ответ, в который уже раз, обескураживает Федю:

– Действительно, в посольстве вы с Жоржем пробыли более часа. После «задержания» ты потерял сознание, чем Маэстро воспользовался – привел тебя в чувство, но оставил в транс-овом состоянии: хотя внешне ты был вменяем, но до выхода за ворота посольства, твоему подсознанию была дана установка на то, чтобы ты забыл, что происходило за этот час. У Жоржа было достаточно времени, дабы, расспросив тебя как следует, разузнать довольно многое. Затем он попросту позвонил сюда. Я в это время как раз приводила себя в другой образ в гримёрке.

– А почему мы вообще попали в это посольство. Да еще таким путем?

– Жорж, сколько я понимаю, не планировал этого, он хотел явиться на бал раньше всех с тобой, но ограждения навели его на мысль о шутке. Можно было, конечно, обойти ограду стороной, это бы заняло минут десять-пятнадцать, но он, как любитель авантюры и розыгрышей, выбрал именно этот ход.

– Кто же он такой? Почему с ним так почтительно обошлись в посольстве, несмотря на явные нарушения закона? Такое никому не сходит с рук, даже послам бы не сошло.

– Кто такой Жорж – рассказать коротко решительно невозможно, что же до сего случая – в каком-то смысле, на неофициальном уровне, он много больше, чем любой посол. Он – уникальный специалист, которого приглашают для решения самых сложных задач – очень многие организации, в том числе и украинское посольство. Он востребован во всём мире. Таких, как Жорж, на всей Земле – несколько человек, они нигде не работают официально, но их консультациями пользуются самые разные влиятельные организации и частные лица.

– Зачем же тогда, при эдаком-то масштабе, весь этот маргинальный цирк на чердаке?

– О, это очень сложный вопрос. Постепенно ты всё узнаешь и поймёшь, но нынче еще не время.

– Там, на чердаке, действительно женщина выпала из окна и разбилась?

– Всякое может быть, я лично не видела тела. Об этом ты также еще узнаешь позже, – Аня встала, потянулась всем телом, – надобно одеваться и возвращаться в зал. Муж, поди уже обеспокоился...

– Муж?.. Этот тот, который был возле тебя в зале?

– Ага.

– Кто он?

– Помощник украинского консула.

– Час от часу не легче! Он догадывается, что ты ему, ммм... неверна?

– Он слишком озабочен карьерой, моя личная жизнь мало его заботит. Наши отношения давно уже стали формальными, разводиться ему нельзя – это скажется на продвижении по служебной лестнице, так что основная моя функция – периодически сопровождать его на официальных мероприятиях.

Аня скинула халатик и её волшебная, пьянящая нагота пробудила в нашем герое новый приступ сладчайшего возбуждения. Он поднялся со стула и сделал в её направлении шаг.

– Нет-нет!, – лукаво улыбнулась проказница, после чего многозначительно подмигнула, – у нас еще много всего впереди, – начала неспешно одеваться: светло-розовое кружевное бельё, нейлоновые чулки на подвязках... Понимая, что её кавалер едва не сгорает от вожделения, наблюдая за ней, произнесла:

– Хочется немного покурить. Зайди, пожалуйста, в зал – попроси сигареты у Агасфера.

– Что? У кого?

– Извини, я замечталась... У Жоржа, конечно же.

Федя выходит из комнаты уже полностью обескураженный, сбившись со всяческого понтальку. Войдя в зал, спотыкаясь и нарушая этикет, прерывает разговор Жоржа с какой-то приятной и симпатичной молодежкой дамой, и спрашивает у него сигареты. Старик обращает его неловкость в шутку. В этот момент двери зала со стуком распахиваются: на пороге вооруженные полицейские. Обращение на литовском языке, но даже Фёдору не сложно понять, о чём речь:

– Всем оставаться на своих местах!

Глава 7

*«Я – Агасфер; не сказка Агасфер,
Которою кормилица твоя
Тебя в ребячестве пугала; нет!
Я Агасфер живой, с костями, с кровью,
Текущей в жилах, с чувствующим сердцем
И с помнящей минувшее душою.
Я Агасфер – вот исповедь моя.
О нет! язык мой повторить не может
Живым, для слуха внятным словом
Того, что некогда свершилось, что
В проклятие жизнь бедную мою
Преобразило. Имя Агасфер
Тебе сказало все... Нет! в языке
Моем такого слова не найду я,
Чтоб то изобразить, что был я сам,
Что мыслилось, что виделось, что ныло
В моей душе и что в ночах бессонных,
Что в тяжком сне, что в привиденьях,
Пугавших въявь, мне чудилось в те дни,
Которые прошли подобно душиным,
Грозою полным дням, когда дыханье
В груди спирается и в страхе ждешь
Удара громового; в дни несказанной
Тоски и трепета, со дня Голгофы
Прошедшие!..»
Василий Андреевич Жуковский, "Агасфер"*

Не составит большого труда для читателя догадаться – по чьи души на бал вдруг явилась полиция. Впрочем, задержание прошло вполне либерально – никакого выкручивания рук, побивания дубинками, наручников – Жоржу и Фёдору было предложено последовать в полицейскую машину, вскоре доставившую их в участок. По причине нагромождения событий и так уже сверх всякой меры для одних суток, Фёдор Михалыч даже не поинтересовался у стражей порядка о причине задержания. Жорж также не выказал ни малейшего желания вступать с полицейскими в диалог. Офицер, руководивший задержанием, плохо владел русским языком, и не пускаясь в долгие объяснения, ограничился комментарием, что, дескать, час уже поздний и утро вечера мудренее. На тот факт, что у них не взяли документы, не провели элементарный обыск, Федя, в силу обозначенных выше обстоятельств, внимания, опять же, не обратил.

Узники были помещены в камеру, причем, гораздо более походившую на скромный номер в одно-двух-звёздочном отеле: две деревянных кровати с матрацами, одеялами и подушками, тумбочка, за ширмой сортир и умывальник, тусклое освещение ночника.

После вихря давешних переживаний, сие событие даже не воспринималось Фёдором, как нечто из ряда вон выходящее. Спать ему не хотелось, старик тоже находился в весьма бодром состоянии, так что, скинув фраки, пленники расположились каждый на своей кровати, приготавливаясь завязать беседу.

Забегая вперёд, стоит уведомить читателя о том, что разговор происходил в весьма спокойной и непринуждённой атмосфере, речь Жоржа струилась размеренно и плавно, да и Фёдор Михалыч, повидавший виды за минувший вечер и часть ночи, не обнаруживал особых эмоций. Можно лишь отметить, что, в результате «обжига и кристаллизации», да и предшествующей им «возгонки и коагуляции (разделения)» (сноска о стадиях алхимического Делания), он обрел ранее неведомую ему решительность и вольнодумство, так что, ежели бы ранее в подобной переделке он нервничал, суетился и мельтешил, а то и вовсе бы спраздновал труса, то нынче не только держался молодцом и вёл беседу практически на равных, хотя и с должным почтением, однако, при случае, позволял себе дерзить и пререкаться. Так что автор, до определённого момента, с лёгкой совестью позволит себе допустить достаточно простой стиль изложения, в виде прямой речи без описания мимики, жестов, интонаций, внутренних монологов и прочих, безусловно, важнейших атрибутов любой беседы.

Ф.: – Да уж, вечер и ночь задались! Как вам удалось создать такую плотность событий?

Ж.: – Расскажу, не спеши. Кстати, нам здесь еще долго куковать, так что предлагаю перейти на «ты».

Ф.: – Идёт!

Ж.: – Ты, мил человек, проходишь своего рода ускоренный курс молодого бойца. И, надобно отметить – на твёрдую тройку с плюсом. Ежели так и далее пойдёт, то через месяц-два сможешь дать фору самому Агенту 007.

Ф.: – Джеймс Бонд никогда не был моим кумиром.

Ж.: – А я вовсе не Бонда вспомнил, а одного из величайших алхимиков шестнадцатого века – Джона Ди, который, помимо Делания, не чурался шпионажа в пользу королевы Англии Елизаветы, в том числе – благодаря своему дару провидца. Его агентурным позывным служили цифры 007. Кстати, Агентом 006 являлся сэр Уильям Шекспир.

Ф.: – Весьма любопытно! Живя в Праге, я два раза посетил «Башню Келли», где во времена императора-алхимика Рудольфа Второго, как раз и работал Ди со своим помощником – авантюристом и проходимцем Келли. Меня еще удивляло, что помимо разнообразных алхимических приборов и приспособлений, на чердаке этой башни присутствуют три восковых фигуры – две из них изображают Джона Ди и Келли, а вот третья удивительно напоминала мне Шекспира. На мои вопросы – он ли это, и если это действительно он, то зачем его фигуру поместили в этой башне? – ни один экскурсовод ничего путного не ответил.

Ж.: – Келли не был проходимцем! История о том, что у него отрезали уши, сослужила печальную службу – искуснейшего Мастера принизили и оболгали. А в этой башне мы частенько собирались вчетвером...

Ф.: – Кто это – «мы»?

Ж.: – Ди, Келли, Уильям и твой покорный слуга, хе-х!

Ф.: – Не понял. Или... Неужели Анна не оговорила? Но в это решительно невозможно поверить!

Ж.: – А ты и не верь! Слушай, да смекай. Прошлое столь же вероятно, как и будущее, вчерашний день ещё держится в памяти более-менее крепко, и то – лишь десятком-другим впечатлений, промежутки между которыми весьма смутны. И чем более точные детали требуется вспомнить – тем это сложнее. Да что там вчерашний день – попробуй в точности воспроизвести все свои мельчайшие движения и мысли, а также то, что ты услышал от меня за последние пять минут – не выйдет. Память имеет два важнейших для нас свойства, первое из которых действительно необходимо – именно благодаря памяти мы осознаём себя индивидуальностью. Живи мы исключительно в настоящем моменте, без памяти о прошлом, мы потеряли бы свою уникальность, переживая себя одновременно никем и всем. К слову, Шекспир сетовал, что его часто посещали подобные состояния, вероятно от перенапряжения воображения

– ведь он не просто писал пьесы – у него была удивительная способность вживаться в каждый создаваемый им образ. В тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году, находясь в Буэнос-Айресе, я не отказал себе в удовольствии общения с великим Хорхе Луисом Борхесом. Помнится, мы много судачили про Шекспира, и я вскользь обмолвился об этом казусе. Борхес не преминул взять сию версию на карандаш, и вскоре написал один из своих гениальных коротких рассказов «Everything and Nothing». Впрочем, сейчас не об этом, а о памяти. Второе же её свойство играет с нами весьма злую шутку, которая, вкупе с несколькими другими вбитыми в нас догмами так называемого «здорового смысла», жестко пригвозждает нас к одной и той же унылой версии воспринимаемого мира, принимаемого нами, вследствие этого, за единственную «реальность». Это свойство – выстраивать обрывки воспоминаний, к тому же, щедро приправленные воображением, в одну как бы непрерывную линию. А этих линий – множество – мы гораздо более объемные существа, чем можем себе вообразить. Ежели исходить из этого допущения, то, разорвав тиски «здорового смысла», мы получаем возможность убедиться, что воображение и память – суть две стороны одной медали. Об этом, кстати, прекрасно был осведомлён Джордано Бруно – величайший маг, создавший невиданную до него технологию использования памяти и воображения для создания целых миров.

Ф.: – Почему маг? Он же был ученым – последователем Коперника, насколько я помню из школьной программы.

Ж.: – Вот именно – из школьной программы! Учёный – революционер, ха-ха, держи карман шире! В конце шестнадцатого века рассуждать о вращении Земли вокруг Солнца можно было совершенно спокойно. Для Ноланца же (ссылка) сии рассуждения являлись мало значащей каплей в огромной системе магической практики им созданной. Он ведь на костер-то пошел вполне сознательно – хотел стать чем-то вроде нового Иисуса, со всеми вытекающими – только вместо новой религии, по его лихому замыслу, на Земле установилось бы совершенно не догматическое мировоззрение, открывающее доступ к таким ресурсам, что... Эх! Не суждено было, ибо опоздал он – меньше чем на сто лет опоздал, и понимал, что опоздал, но надеялся на силу своего влияния. Увы, большая трагедия, для невооруженного взгляда практически незамечная, явилась в конце пятнадцатого века и, набирая скорость, приближает нас к коллапсу в ближайшие два-три года.

Ф.: – Какая трагедия?

Ж.: – Узнаешь, ежели пройдешь еще ряд превращений.

Ф.: – Но почему именно я?

Ж.: – Забавный вопрос! Вероятно, почти каждый подросток лет в десять-двенадцать вдруг задаётся этим вопросом – «почему я» – по самому большому счёту, мол, как такое случилось, что точка, воспринимающая огромный мир, явилась именно через меня?

Ф.: – Я не об этом...

Ж.: – И об этом тоже. Ежели ты имеешь в виду контекст нашего знакомства, твоих приключений и превращений, задачи, тебе предуготовленной и всего прочего в этом духе, то изволь – до вчерашнего вечера я не имел ни малейшего о тебе понятия, хотя некто и должен был занять место, которое, как в Общей Теории Относительности Эйнштейна уже заготовило пространство, искривившись так, что в него попался первый встречный, вписывающийся в определённые параметры.

Ф.: – Неужели эти параметры совпали с моей более чем скромной персоной?

Ж.: – С персоной – нисколько, а вот с потенциалом Души – очевидно!

Ф.: – Как это?

Ж.: – В этом месте мне, вероятно нужно было изобразить из себя кастанедовского Дона Хуана Матуса или Кончиса из фаулзовского «Волхва» и, воздев палец к небу, торжественно вещать что-то типа: «ты избран силой!»! Скажу как на духу – хер знает кем и чем ты избран, и избран ли вообще, но факт в том, что именно тебя угораздило увязаться за Машей...

Ф. – За Анной-Марией?

Ж. – Да. И оказаться в достаточно странной компании. Но атмосфера этой более чем диковинной компании не только тебя не вышвырнула, но и закрутила в цепочку интереснейших событий. Так что – попал ты, братец!

Ф.: – Я, наверное, настолько переполнен впечатлениями, что твои слова меня ничуть не тревожат.

Ж.: – Да, пережил ты за половину суток больше, чем иные за столетие!

Ф.: – Вот о столетиях как раз. Расскажи мне про Агасфера.

Ж.: – Правильная постановка вопроса. Ежели ты бы сформулировал свою просьбу как «расскажи мне про себя», то я бы тебе, пожалуй, ничего бы и не ответил, только бы плечами пожал. А про Агасфера можно. Причем, где-то от первого лица, а где-то – совершенно со стороны, как легенду о ком-то далёком, с кем можно отождествить себя, пожалуй, лишь по Духу, примерив на себя Архетип. И где здесь память, а где воображение? Сам решай. Это как выбрать характеристику какого-то воистину лишь как-то туманно представляемого объекта в квантовой механике – тебе это, как никому другому знакомо – выбираешь либо координату этого «чего-то», либо импульс, понимая, что всё равно имеешь дело со спрессованной суммой вероятностей. А вероятность – уже не объект, а чёрт знает что такое. Так и в нашем случае: я и Агасфер. С именем этим связано множество легенд, так что прошлое у Вечного Жида, как его еще называют – самое, что ни на есть, неопределённое. Однако, все легенды произрастают из одного корня, располагающегося в Писании, где сказано, будто бы, неся крест на Голгофу, Иисус хотел, было, передохнуть и остановился возле дома некого Исаака Лакедема. Но тот не дал Спасителю такой возможности, пуще того, еще и погнал взашей. За это Сын Божий, обернувшись, сказал мерзавцу, что тот будет жить до Второго Пришествия. С тех пор несчастный скитается по миру, ища смерти и не находя, и прозвали его люди Агасфером.

Ф.: – Я слышал про это.

Ж.: – Так вот – в моей памяти-воображении, всё происходило положительно не так. Во-первых, он не Жид, хотя семитские крови в нём тоже есть. Вечного Странника – вот это название очень верно и точно отражает суть – первоначально звали Нисон, так как рождён он был в первый месяц весны – Нисан. Он вырос в семье богатого сановника в Дамаске, и в возрасте шестнадцати лет был отправлен учиться в Александрию. Там он изучал математику, музыку и медицину, после чего сподобился десять лет подвизаться у пифагорейцев. Лет около тридцати в Храме бога Солнца Ра в Луксоре, с ним приключается сильное потрясение, следствием которого становится глубокое мистическое переживание.

Ф.: – Мистическое переживание? Для меня слово мистика было синонимом каких-то фантастических видений, уводящих от реальности.

Ж.: – Всё как раз наоборот. Мистическое переживание и есть соприкосновение с так называемым Реальным, а оно ошеломительно, ибо не может быть описано ни языком, ни образами. Тем не менее, его ни с чем не спутать, ибо в этот момент с тебя спадает вся шелуха образов и понятий, через которые мы с рождения вынуждены воспринимать мир. В этот момент очевидно, что «реальность, данная нам в ощущениях» является огромной коллективной суггестией. Но то, что ты переживаешь – никак не описать. Более того, возвратясь в наш суггестивный мир, ты еще несколько времени помнишь ту ужасающую, величественную, прекрасную и невыносимую суть Бытия, коей сподобился причаститься. А потом и само воспоминание уходит как вода в песок, хотя сам факт прикосновения к Тайне ты запоминаешь навсегда. Многие пытаются уже из новой вовлеченности в массовый гипноз как-то описать то, что с ними приключилось. Но описывают, увы, словами, принадлежащими этому миру иллюзий, рождающими такие же ассоциации. Поэтому, попытка передать мистический опыт приводит к недоумению – слышащие и читающие неизбежно соотносят слова того, кто заглянул за покры-

вало Тайны, сообразно своему опыту посюстороннего и еще больше погрязают в иллюзиях, но теперь уже считают эти свои иллюзии чем-то особым, божественным и духовным.

Ф.: – Что же делать?

Ж.: – Подавляющему большинству – ничего. Они настолько сродняются с суггестивным миром, что переживание Реального может послужить для них катастрофой, привести к смерти или сумасшествию. Однако, Нисон был подготовлен десятилетним подвижничеством в пифагорейской школе в Александрии. После того, что с ним приключается в Луксоре, он остаётся служить в Храме Ра, и вскоре становится учеником Верховного Жреца. Проходит еще несколько лет. Однажды Учитель приглашает молодого человека на прогулку, в ходе которой повествует о видении, которое его тревожит. Согласно этому видению, в Иерусалиме вскоре может произойти Событие, в результате которого человечество будет вовлечено в очень опасное русло, которое в будущем приведёт к необратимой катастрофе. Связано это с появлением нового Мессии. Он уже явился, его ждёт мученическая смерть, но найдутся люди, задумавшие исказить учение этого, по сути замечательного человека, и превратить знание для немногих посвященных в спрофанированное массовое верование, которое охватит огромную часть мира. Нисон получает задание отправиться в Иерусалим и передать новоявленному Мессии видение Жреца. Возможно, удастся склонить его к тому, чтобы он с небольшим количеством учеников удалился от мира.

Ф.: – Я так понимаю, что он опоздал?

Ж.: – Не совсем, но задание выполнено не было. Нисон явился в Иерусалим в ночь перед судом и казнью Иисуса. На утро, когда был вынесен приговор, и толпа ревела «Распни его!», молодой человек в полной мере ощутил, что значит знать и быть абсолютно бессильным.

Ф.: – Выходит, Нисон мог бы поменять ход истории? Представляю его отчаяние!

Ж.: – Да, это, пожалуй, самое страшное чувство из всего, что довелось мне пережить за долгую жизнь. Хотя пережито было практически всё, что только может изведать человек. Однако, я еще не рассказал, как обстояло дело. В состоянии обреченности Нисон решился на поступок, который, вероятно, никто бы не смог понять, даже Жрец, его пославший. Он рассуждал таким образом: ежели распятие произойдёт, а затем слова Мессии о воскресении сбываются, то драматичность и торжественность казни как раз и могут послужить поводом для возвеличивания Иисуса, а затем подтасовке его учения и вброса в широкие массы. Следовательно, оставался единственный вариант – убить несчастного до того, как его распнут на кресте, убить так, чтобы эта смерть никак не могла быть представлена как нечто торжественное и великое. Сбить с ног, чтобы крест придавил беднягу, а затем нанести еще несколько точных ударов ножом, дабы мучения оказались минимальны. Молодой человек встал на пути процессии, как раз возле дома незадачливого легионера Исаака Лакедема, также находившегося рядом, и чье имя на века станет проклятым и нарицательным. Иисус приближался, и в самый момент перед тем, как Нисон был готов наброситься на него, чтобы сбить с ног, а затем убить, их взоры встретились. Во взгляде Иисуса была величайшая скорбь, какую я когда-либо видел... Скорбь и знание – на что ему, по сути, приходится идти. Видимо, он и сам понимал то же, что передал Нисону Жрец бога Ра. Но понимал он ещё и другое – что такой вариант развития событий является единственно верным, остальные еще более чудовищны. Всё это было передано мне в одном взгляде, мы узнали друг друга, как узнают братья, разлучённые с самого рождения. И еще – в этом Его взоре была Передача. Передача миссии и бремени – отныне Нисон был единственным, кто знал, что же происходит. Драматизм усугублялся еще и тем, что объяснить это ученикам Иисуса или кому-то ещё, даже Учителю из Храма Ра не представлялось возможным, так как встретило бы полное непонимание. Отныне Нисону предстояло, где только возможно и насколько возможно, предугадывать развилки в развитии цивилизации и стараться в этих ключевых точках вмешаться, дабы хоть как-то подготовить людей к тому, что их ждёт. Нече-

ловеческая задача. Ученики Иисуса, воспринявшие его учение чересчур буквально, запустили наихудший сценарий, впрочем, иного варианта от них сложно было ожидать.

Молва спутала Нисона с Лакедемом, который, кстати, благополучно скончался через десять лет. А я мелькал то там, то тут. Пока не стал Агасфером, вписанным в легенду, также, кстати, скрепляющую уготованный сценарий.

Ф.: – Бессмертие – это же наказание, проклятие! Жить две тысячи лет!

Ж.: – Отнюдь, мой молодой друг. Та версия, так называемой, суггестивной Согласованной реальности, на восприятии которой удерживается внимание большинства людей, действительно устроена так, что жизнь, превышающая восемьдесят – сто лет, кажется мучением. Это самовнушаемая настройка, и она действительно оправдывает себя, ежели жизнь изо дня в день проходит по одним и тем же маршрутам, как в пространстве, так и в сознании. В этом случае, набрав должное количество впечатлений, человек вынужден передать их создавшей его структуре – некому Демиургу, сотворившему и поддерживающему общий сценарий суггестии. А это возможно только через смерть.

Ф.: – А зачем Демиургу человеческие впечатления?

Ж.: – Это то, что поддерживает и укрепляет сценарий суггестии, то топливо, которое её питает.

Ф.: – А кто такой Демиург?

Ж.: – Люди называют его Богом. Если выражаться метафорически, то это просто некая форма, лекало, по которой, скажем так, отливаются человеческие существа. И далее, они должны соответствовать и форме, и правилам, заложенным в этой форме. В том числе, и правилу – умирать. И морочиться от слишком долгой жизни. Если же выйти за пределы хотя бы части правил и посмотреть абстрактно, то для тех, кто сподобится усомниться в правилах – они становятся необязательными. Как в анекдоте: пришел в лес царствовать лев, и сразу зачитал зверям правило, что кого-то из них он будет кушать на завтрак, обед и ужин. Волку предложил быть съеденным на завтрак, лисе на обед – волк и лиса плачут, но – делать нечего – правило надо соблюдать. А заяц, которым лев возжелал закусить на ужин, засомневался, и спрашивает: «А можно я не приду?», – «Можно, – отвечает лев, – зайца вычёркиваю, вместо него придёт косуля». Большинству людей не выгодно выходить за рамки правил – ведь тогда придётся выстраивать собственные правила, а их этому никто не учил, это кажется неведомым и страшным. И действительно, для неограниченно долгой жизни необходим постоянный интерес к каждому мгновению жизни. А интерес требует выхода за привычные траектории, риск, опасность неизвестности, и, главное, концентрации внимания, причем, концентрации без усилия. Это возможно лишь при очень высоком событийном градусе, типа того, на каком прошёл твой вчерашний вечер и часть ночи. Мало кто на это способен, ибо для этого нужно иметь много сил. А человек, особенно – современный человек, всю свою силу делегирует вовне, различным инстанциям, в частности, корпорациям теологии, медицины, юриспруденции, и другим, лишь бы они за него самого решали большую часть его проблем и задач.

Ф.: – Я так понимаю, что такой градус возможен только если попадаешь в ситуации, созданные кем-то извне?

Ж.: – Вот и ты, мой дорогой, о том же. Да, ты справился с обрушившимся на тебя событийным потоком крайне высокого градуса, но этот поток действительно был создан извне, то есть, это всё та же форма делегирования кому-то вовне, хотя и очень сложных функций. А поди создай такой событийный градус сам себе!

Ф.: – Но, получается, что Агасфер сумел-таки сам себе создать подобный градус?

Ж.: – Да! Хотя и тут первоначальная причина находилась вовне – то самое чувство предельного отчаяния в момент, когда его взор встретился со взором Иисуса. Иисус передал в одно

мгновение тому, кого он, возможно, искал долгие годы и так и не нашел среди своих учеников, мощнейший импульс. Я чувствовал тогда, что после оглашения приговора, он, вдруг, осознал то, что было вне его внимания до того. Он ведь был уверен, что идёт на подвиг ради спасения людей, а в последний момент оказалось, что его втянули в тот же сценарий, что и прочих. Мимолётная встреча с Нисоном оказалась его последней надеждой. Что же до Агасфера, то, вопреки всем вариациям существующих легенд, я никогда не уставал от жизни, ибо меня с того самого момента вела задача, подобной которой ни у кого в этом мире не было, более того, не на кого было её возложить, так как до настоящего времени не находилось людей, сумевших бы в полной мере понять Агасфера.

Ф.: – Почему же? Мне кажется, что я понял то, что ты мне рассказал, и у меня не возникает ни грамма осуждения. А разве не понимают тебя Альгис, Юрис, Анна-Мария, Наина Карловна?

Ж.: – В полной мере – никто из вас, каждому я открываюсь лишь частично. Пока не в ваших силах вместить всё сразу. Хотя, в отличии от прежних лет, нынешняя компания – наиболее толковая, надёжная и крепкая. А Агасфер ни разу за огромное время не повторялся – можно сказать, что вся его история, это сплошная импровизация. И, конечно же, то, что он делал, настолько противоречиво, что какая-то грань этой истории может для кого-то оказаться совершенно неприемлемой, другая грань – для иного человека и так далее.

Ф.: – Зачем нужна была постоянная импровизация, приведшая к тому, что нет человека, способного понять и вместить все её грани? Было бы проще, найдя какие-то приёмы создания и проживания событий, надёжно использовать их в большинстве случаев?

Ж.: – Задача требовала очень долгой жизни, а как я уже говорил тебе раньше, это возможно только при наличии ни на минуту не гаснущего интереса. В свою очередь, сие возможно лишь когда ты балансируешь на грани неустойчивого равновесия, а значит – любая определенность – гибельна. Имея перед собой задачу того масштаба, что была передана Иисусом, я не могу позволить себе роскоши успокоиться, где-то осесть, перестать странствовать и жить не импровизируя. Когда задача будет решена – возможно, мне и захочется отдохнуть, а, значит, вскоре и уйти в мир иной.

Ф.: – А как же воскрешение Иисуса? И другие чудеса?

Ж.: – В то время плотность суггестии была еще не такой как нынче. Можно сказать, что она была гораздо тоньше, и в ней было множество разрывов. Поэтому, происходили явления, которые сейчас уже, практически невозможны. И помимо Иисуса было множество целителей, лечивших словом, и даже воскрешавших умерших. Да, уже тогда, например, хождение по воде и воскрешение считалось чем-то из ряда вон выходящим, но, при должной подготовке и силе внимания и воображения – творить все эти вещи мог не один только Иисус.

Ф.: – А твоя задача близка к решению? Ты ведь, сколько я помню, упоминал уже, что до коллапса человечества осталось всего несколько лет.

Ж.: – Два-три года, максимум пять. В том-то и дело, что иногда кажется, что всё складывается так, как нужно, и до развилки, выводящей людей из прежнего сценария – рукой подать. А возле самой развилки вдруг вмешивается некая неизвестная доселе сила или обстоятельство, и всё вновь идёт по накатанной к очень жуткому финалу. Первый раз Агасфер посчитал, что дело почти в шляпе накануне Вселенского Никейского Собора. Он к тому времени уже, как ему казалось, запредельно долго – целых триста с лишком лет, готовился, обойдя всех магов и учителей, подвизавшихся на обширной территории Средиземноморья, и Малой Азии, и переняв их искусство. Но этого искусства, представь себе, не хватило для дела, хотя и сложного, но не запредельно – Агасферу нужно было убедить Собор и, прежде всего, императора Константина – не включать Откровение Иоанна в число канонических текстов Писания, а вместо

него внести туда несколько тех свидетельств жизни и смерти Иисуса, коих ныне именуют апокрифами. Какая там была баталия, друг мой! Жалкие политические дебаты, демонстрируемые в наше время по зомбо-ящику, все вместе не дотягивают до десяти процентов накала, случившегося тогда. И, представь себе, – Агасфера, к тому времени владевшего, как он считал, всеми доступными ресурсами влияния на людей – таки отгеснили на второй план. Был принят тот вариант Писания, который, увы, заложен в изначальном сценарии.

Ф.: – Как же так?

Ж.: – У этого сценария много очень могущественных служителей. Будь это один человек или даже пять-десять, – Агасфер без труда справился бы с ними. Их оказалось несравненно больше. Ведь кроме натренированных могучих стражей, служителем этой версии суггестии является практически каждый человек на Земле. Так что, имя им действительно – легион. Я принял это поражение, и несколько столетий практически не вмешивался в сколько-нибудь судьбоносные события, странствуя по Востоку, и накапливая силы.

Ф.: – Ты вскользь заметил, что чудеса в ту пору отмачивали многие. А можешь привести какой-то пример?

Ж.: – Изволь, расскажу пару случаев. Спустя несколько времени после событий Голгофы, Нисона, еще не превратившегося в Агасфера, очень заинтересовали истории, рассказываемые о Симоне Маге. Сей удивительный человек являл собой пример величайшего кудесника. В ту пору к ученикам Иисуса – тогда их еще не называли Апостолами, прибывались сотни страждущих. Как правило, тогда это были калеки, нуждающиеся, болящие всех мастей и прочий сброд, которым адепты Христа весьма эффективно помогали. Однако, среди аристократии учение Иисуса практически не почиталось, как раз в силу того, что за последователями Иисуса ходили толпы больных и нищих. Для Агасфера, кстати, это был хороший знак, он надеялся, что на том дело и завянет, особенно, ежели он приложит руку к посрамлению адептов. А Симон Маг был вхож в самую, что ни на есть, элиту. В ту пору императором был Нерон, скандальнейшая и противоречивейшая личность – невиданного размаха тиран, деспот и содомит, однако же не лишенный живого ума и разнообразных талантов. Образ жизни император вёл с юных лет, мягко говоря, крайне нездоровый, а посему уже двадцати с лишним лет имел дюжину неприятнейших болячек, отягощенных, в придачу, еще и тяжелой депрессией от чувства вины за приказ об убийстве собственной матери. Во все концы отправились гонцы, зазывающие целителей различных мастей. Многие тогда являлись к Нерону, но полностью облегчить его муки никто не смог. И вот, к императору прибывает Симон в сопровождении пяти учеников, среди которых и Нисон. Надобно отметить, что Симон, как и Нисон обучался в Александрии, а позже был одним из близких учеников Иоанна Крестителя. После гибели Учителя, он вновь возвратился в Египет, где Нисон и застал его за год до путешествия в Рим к Нерону.

Ф.: – Что делал Симон?

Ж.: – Я уже говорил, что это был искуснейший из чародеев, которых я когда-либо видел. В Александрии он развил бурную деятельность среди местной знати. Причем, надо отметить, бытовыми чудесами себя не утруждал. У него были грандиозные замыслы. Симон, кстати говоря, также видел в событиях Голгофы нечто подозрительное, но несмотря на то, что Нисон довольно быстро стал его ближайшим учеником, Маг даже с ним не стал обсуждать эту тему в подробностях, ограничившись лишь комментарием, что ученики Иисуса принесут в мир большие беды. Кудесник вообще слыл очень замкнутым человеком, а Нисон еще не владел достаточной силой, позволившей бы ему раскрыть Симона к душевной беседе. Жаль... Он был одним из очень немногих людей, владевших огромной силой, кто мог бы разделить то, что открылось Нисону при краткой встрече с Иисусом.

Ф.: – Чем Симон занимался в Александрии?

Ж.: – После того, как Александрия попала под юрисдикцию Рима, а, особенно, после того, как Октавиан, посетивший гробницу Александра Великого, приглашенный еще и осмотреть усыпальницы фараонов, произнёс знаменитую фразу: «Я пришел увидеть Царя, а не собрание трупов», что произошло еще за тридцать с лишним лет до голгофских событий, город стал приходить в запустение. Собственно, Нисон и застал его в не самом лучшем состоянии – слова Августа явились чем-то вроде проклятия, и работало оно отменно – оседали и даже обрушивались дома, Библиотека дважды подверглась частичному затоплению, и, хотя еще сохраняла своё величие, многие сильные учителя и маги постепенно покидали Александрию, так что к первому приезду Нисона – Симон обучался там несколькими годами позже него – в городе осталось всего несколько более-менее сильных школ. Та же печальная атмосфера сохранялась и в пору второго визита туда Симона с учениками. Маг развернул кипучую деятельность – собрав местную знать, он заявил, что он будет в буквальном смысле лечить город. Город как пациент – потрясающая идея! Лишь в тысяча девятьсот семьдесят пятом году, на одном из семинаров знаменитого «Эраноса» в райском уголке Швейцарии – Асконе, я почувствовал, что эта идея вновь востребована – почти через два тысячелетия, и обсудил её с Джеймсом Хиллманом, создателем архетипической психологии, учеником и приемником Карла Юнга. Джеймс моментально заразился этой идеей, благо аппарат его архетипической психологии вполне подходил под подобную задачу. Он пестовал её с той поры и до конца своей жизни, умер он восемь лет назад. Увы, после его смерти и этот великий замысел пошел под откос.

Ф.: – Ты отвлекся от описания деяний Симона Мага.

Ж.: – Да, вернёмся к ним. Я как раз застал Симона во время этих занятий. Он водил нас по улицам древнего города и требовал, чтобы мы запоминали все малейшие детали, вплоть до небольших трещин на домах или расположения ветвей на редких деревьях. Затем мы упражнялись в визуализации возрождения города – сам Симон, и мы, пятеро его учеников, пять за пятью совместно не только восстанавливали каждый дом, улицу или превращающийся в развалины дворец, но и возводили новые прекрасные здания, очищали рукописи библиотеки от последствий подтоплений, привлекали людей – ремесленников, мастеровых, учёных, торговцев. Всё это – по несколько часов в день, тщательнейшим образом – в совместном воображении. И чудо свершилось – уже на наших глазах через несколько месяцев в город потянулись люди, были отремонтированы дворцы и здания, появились новые постройки. Александрия вновь процветала. Симон начал подумывать о подобном же эксперименте в самом Риме – и тут судьба пошла ему навстречу – Нерон нуждался в исцелении. Для Симона это было самой простой задачей, решив которую, он надеялся завоевать доверие императора, и исцелить в этот раз не столько архитектуру Рима, но ту заразу, которая овладевала душой практически всякого императора и аристократов – все они увязли в отвратительной содомии и самодурстве, что виделось Симону как некая грязная вуаль над Вечным Городом, которую нам предстояло снять, и, тем самым, установить в Риме самые добрые нравы и порядки.

И вот, настал день, когда мы – пятеро учеников и сам Маг – явились в Рим. Симон велел нам не вмешиваться в то, что будет происходить, до того момента, пока он не подаст знак. Забегая вперед – этот момент, увы, так и не настал. Нисон наблюдал за развитием событий со стороны. Мага представили императору, и в первые же несколько минут у того прекратились все мучавшие его боли и поднялось настроение. Симон был объявлен придворным чародеем Нерона. За несколько месяцев пребывания в Вечном Городе, Симон подружился с Сенекой – философом и воспитателем императора, и еще многими знатными гражданами. Фортуна явно складывалась в его пользу, и он постепенно готовил императора и патрициев к началу осуществления своего замысла. Некоторое время Нерон, всё более здоровея телом и душой, оставил свои вакханалии, изрядно бесившие аристократов, даже выдавших виды при прежних императорах, и занялся реформами – снизил налоги, выделил средства на благотворительность, а свободное время посвящал стихам, музыке и беседам с Сенекой и Симоном. Однако,

префект преторианцев и военачальник Софоний Тигеллин – один из самых отпетых мерзавцев того времени, уловив момент, когда Сенека с Симоном, обрадованные переменами, уехали в небольшое путешествие, склонил Нерона к продолжению оргий. Вернувшийся Маг застал императора, облаченного в шкуру животного. В сём одеянии император набрасывался поочередно на привязанных к столбам женщин, мужчин и даже подростков, удовлетворяя с каждым необузданную похоть. Возмущённый Маг кричал на Нерона, и был тут же отправлен в темницу.

Ф.: – Я слышал, что Нерон был тираном и сластолюбцем, склонным к поэзии и театру, но то, что ты рассказываешь, говорит о том, что в одной личности умудрились уместиться самые крайние противоречия. Это потрясает!

Ж.: – Для Римской Империи, как, впрочем, и вообще для любой империи, подобные явления являют своего рода норму, ибо сам принцип империи порождает чудовищный раскол как между элитой и народом, так и внутри отдельных личностей, в первую очередь, конечно – самих императоров, и приближенных к ним людей. Но случай Нерона действительно уникален, тут еще и наследственность добавилась. Вернёмся, всё же, к Симону. Будучи помещен в темницу, он продемонстрировал два из ряда вон выходящих волшебства. Посреди ночи он в буквальном смысле испарился из тюрьмы, и собрался в физическом теле аккурат в опочивальне Нерона. Император едва дар речи не потерял, как тут же Симон потребовал отрубить ему голову, обещая на третий день воскреснуть. Нерон выполнил это пожелание, спрятал голову Симона в мешок и хранил в своей спальне. Через день Нерон обнаружил, что в мешке голова барана. А на третий день явился сам Симон живой и невредимый. И потребовал от императора дать обещание вернуться к добродетельному образу жизни. Потрясённый Нерон признал могущество Мага и дал необходимое обещание. Вновь на месяц воцарился покой и гармония. И тут, возьми, да и появишься в Риме Пётр – тот, что спал в Гефсиманском саду, а в день казни трижды отрёкся от Учителя. Решив загладить предательство, он яростно проповедовал.

Ф.: – Я слышал, что Нерон настолько ненавидел первых христиан, что казнил их тысячами?

Ж.: – Всё было иначе. Новое верование, сторонниками которого были по большей части низшие слои общества, не было запрещено в Риме. Гражданам не возбранялось верить в любого бога – главное, чтобы вера не мешала почитанию императора. А посему Пётр со своими проповедями ничуть Нерона не тревожил. Однако, будущий Апостол оказался столь ревнив, что, прослышав о Симоне Маге, нагрянул ко двору и заявил, что надобно устроить соревнование между ним и Симоном, дабы выявить – чья магия действительно божественная. Нерон, будучи любителем различных состязаний, воодушевился этой идеей, созвал аристократов и даже плебеев, дабы они стали свидетелями «битвы магов». Как раз, прошло не более суток, как умер племянник императора, и Нерон отдал приказание Симону и Петру воскресить его. Первым за дело взялся Симон. Юноша ожил, ко всеобщей радости, однако уже через час стал слабеть и вновь скончался. Тогда уже Пётр, вставши на колени, молился несколько часов – молодой человек вновь воскрес. Пётр потребовал, чтобы его тут же отправили к матери. К слову сказать, по дороге он вновь умер – уже навеки. Но граждане присудили победу Петру.

Ф.: – Выходит, Пётр был хитрец?

Ж.: – Ещё какой! И ему, и Симону было, вероятно, ясно, что юноша при любом раскладе – не жилец, сколько его не воскрешай. Поэтому Пётр и отослал его с глаз долой. Но за последующую хитрость поплатился не только он сам, но и вскоре прибывший Павел, а затем и еще несколько тысяч новоиспеченных христиан, проживавших в Риме.

Ф.: – Как это случилось?

Ж.: – Толпа восхитилась победой Петра, а над Симоном стали смеяться. Маг вознегодовал. Взобравшись на башню, он крикнул с высоты о том, что римляне предали его, он их

покидает и более не будет помогать городу, и действительно воспарил. Пётр, видя это начал неистово молиться и зычным голосом приказал бесам отпустить Симона. Тут же Симон упал с большой высоты и разбился. Нерон ждал еще три дня, в надежде что Симон снова воскреснет, но этого не произошло.

Ф.: – Как же так, ведь когда Магу отрубили голову, он без труда воскрес на третий день, почему же в этом случае он умер?

Ж.: – Фактор неожиданности. К казни он готовился заранее, а здесь всё произошло внезапно.

Ф.: – Он действительно левитировал?

Ж.: – Сейчас об этом сложно говорить. Все находящиеся тогда на площади видели его парившим высоко над землёй. С точки зрения сегодняшнего дня можно говорить о том, что Маг обладал необычайной силой внушения, и все присутствующие были загипнотизированы, а он просто сидел на башне. Но! Пойми важнейшую апорию – это нынче такое объяснение было бы верным, тогда же он действительно левитировал. И, опять же, причину такой неохватной разницы я тебе уже озвучивал – в те времена так называемая «действительность», которую мы с тобой договорились называть коллективной суггестией, была еще очень тонкой и зыбкой, именно поэтому то, что нынче практически невозможно, тогда вполне имело место случаться и быть зафиксированным многочисленными наблюдателями.

Ф.: – Пётр действительно разогнал бесов, которые удерживали Симона в воздухе?

Ж.: – Помилуй, каких бесов? Один из последователей Петра втихаря метнул в Симона камень, надеясь, что хитрость пройдет незамеченной. И никто не заметил... Кроме Нерона, который отличался незамыленным глазом. Правда, в тот день император ничего не сказал, но, вероятно решил отомстить за убийство полюбившегося ему Мага. Пётр, торжествуя победу, продолжил свою проповедь в Риме. А через несколько дней, когда в город прибыл еще и Павел с доброй сотней учеников, в Риме вдруг выдался необычайный пожар. Перед Нероном встала задача найти виновников трагедии, и тогда он осуществил задуманную месть, правда, с невиданным размахом – помимо Петра, под горячую руку попали все адепты новой религии. Нерон объявил именно их виновниками пожара. Павла, как гражданина Рима, казнили путём отсечения головы, Петра же распяли с особой жестокостью – вниз головой. А следом – все дороги вокруг Вечного Города заставили крестами, на которых умирали в мучениях первохристиане.

Ф.: – В Евангелии написано, будто Пётр сам просил, чтобы его распяли вниз головой, дабы подчеркнуть, что его муки несопоставимы со страданиями Спасителя.

Ж.: – Нет, для него было бы честью оказаться распятым, подобно Иисусу. Нерон возненавидел Петра за убийство Симона, и приказал палачам, чтобы казнь была особенно жестокой.

Надобно заметить, что, увлекшись беседой, Фёдор и Жорж и не заметили, как настал рассвет. Дверь камеры неожиданно распахнулась – на пороге стоял, улыбаясь, ... Актёр Актёрыч, или же, как вначале из-за неправдоподобности увиденного, показалось Феде – его брат близнец или двойник – в форме полковника полиции. Безо всякой мелодраматичности, он обратился к узникам:

– Друзья мои, хвала богам, опасность миновала, хотя, возможно, и ненадолго. Сейчас же едем завтракать, а затем – ко мне – обсудим дальнейшие действия.

Уже в машине Альгиса, Фёдор спохватился, что оставил на чердаке паспорт, ВНЖ и водительские права. Жорж на это отвечал, что прежние документы ему более не понадобятся, равно как и о связи с прошлой жизнью можно начисто забыть. Альгису, в свою очередь, тоже эта идея пришлась по душе:

– Душа моя, документы я тебе сделаю новые. Настоящие, только с другой фамилией. Кто ты там был – Романов? Теперь будешь Ульянов!

– А дальше – предполагается следующая инициация и смена фамилии на Джугашвили?, – иронизирует Федя.

– Зачем, мы не пойдём по ступенькам длинной лестницы – времени нет. Перепрыгнем повыше, и, ежели следующая инициация, случиться, то будешь сразу Горбачёв!

– А вот о фамилии после Горбачёва уже нужно будет очень серьёзно подумать, – подмигнул ему старик.

Глава 8

*«Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорёк пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ глядели из травы.
Природы вековечная давиленья
Соединяла смерть и бытиё
В один клубок, но мысль была бессильна
Соединить два таинства её».*
Николай Заболоцкий, «Лодейников»

Завтракать приехали в квартиру Жоржа, располагающуюся в трехэтажном особняке на центральной улице Вильнюса – проспекте Гедеминаса. Там их уже ждали старые знакомцы – Анна-Мария, Наина Карлона и Юрис. Фёдора Михалыча встречали как давнишнего друга, с теплотой и уважением к тому, насколько достойно он прошёл испытания и треволения вчерашнего дня. Теплые объятия, улыбки, подбадривающие шутки, не говоря уже о долгом и горячем поцелуе, подаренном Аней. Федя, признаться, несколько растерялся, потому как не мог взять в толк – какие меж ними теперь отношения, была ли близость этой ночью неким актом инициации, после которой надлежит остаться друзьями, либо, как ему, конечно же, жаждалось, это означало начало долгого романа. Осведомляться что она сама думает на сей счёт на людях наш герой не стал, но отнюдь не по причине утраты запала решительности и дерзости. Фёдор задумал улучшить момент, дабы очутиться с ней наедине, и тогда уже настоять на продолжении любовных отношений – как бы то заранее не планировалось Жоржем или ей самой.

Анна и Наина готовили завтрак, Юрис расположился на диване в гостиной, углубившись в какой-то манускрипт, Альгис с Жоржем направились в кабинет. Фёдор, осмотрев просторные четырёхкомнатные апартаменты, нашел, что они чрезвычайно уютны, да и обставлены с отменным вкусом и даже роскошью. В подробное описание мебели, картин, статуэток мы пускаться не станем, так как чуть позже выяснилось, что квартира не является собственностью Жоржа – он вообще живёт в Вильнюсе не более четырёх месяцев. На вопрос – в какую цену обошлась аренда, старик заявил, что при выборе жилья он просто занимает понравившееся ему пространство, исходя из принципа удобства и функциональности. Фёдор подивился:

- А ежели это квартира, в которой живут её собственники?
- Чаще всего именно так и происходит.
- Как?
- Ты же знаешь, что отказать Магистру невозможно, – вмешался Юрис.
- А что же происходит с жильцами?
- В квартирах такого уровня живут отнюдь не бедняки, так что, на время, пока тут гостит Жорж, надеюсь, они находят, где разместиться.
- Хм... Сколько я понял, это, как правило, совершенно не знакомые ему ранее люди?
- Да.
- Насколько это этично?
- Как тебе сказать? Смотри на это проще. Мэтр настраивается на нужное ему пространство, звонит, и не открывает ему, и не пустит осматривать квартиру – трудно. А после десяти-пятнадцати минут общения с тем, кто может создать атмосферу божественного обаяния, жильцы, без лишних слов собирают необходимые им вещи, и отбывают к родственникам, в загородный дом, в апартаменты или отель, в крайнем случае. Но, заметь, – всё время, пока им

приходится несколько ущемлять себя в отношении жилья, они пребывают в состоянии очарования, можно даже сказать – счастья от сознания своей благотворительности.

– Гипноз?

– Нечто гораздо более сложное, что я тебе в двух словах объяснить не возьмусь.

– Хм... Кстати, а что с той женщиной, что давеча выпала из окна? Бедняжка умерла?

– Господь с тобой? Зачем же умерла? И почему бедняжка? В падении её оргазм многократно усилился – эту технику мы изобрели лет восемь назад на Кипре – вначале просто прыгали с утёса – метров двадцать в полёте, затем скатываешься по песчаному склону. А затем затейник Альгис придумал, что вначале можно заняться сексом, стоя на краю утёса, а при наступлении оргазма – оба, слившись в едином порыве, прыгают вниз.

– По песчаному склону – понятно, но вчера-то женщина упала на асфальт.

– Внизу была огромная куча рыхлого песка, так что – не изволь сомневаться – жива, невредима и в высшей степени довольна! А вот Альгис, как ты видел, был до крайней степени огорчён – ему прыгнуть не удалось – стареет – не успел вовремя среагировать.

Женщины, тем временем, приготовили замечательный кофе с добавлением домашнего ликёра, омлет с ветчиной, картофельные драники со сметаной и вкуснейшие горячие кибинаи (национальное блюдо – пирожки с курицей и бульоном). За столом собралась та же компания, и как бы разительно не отличались обстановка, стол с яствами, посуда, одежда присутствующих, даже их манеры – неизменными оставались два фактора: чувство, что эти люди как будто бы знакомы Феде уже очень много лет, и атмосфера – он по-прежнему не мог понять – разыгрывают ли его или же, напротив, всё, что говорится – чистейшая правда. За завтраком он узнал любопытнейшие детали образа жизни учеников Магистра. Всего, как он уразумел, у Жоржа было около пятидесяти близких и верных учеников, большинство из которых, как и он, вели кочевой образ жизни, собираясь вместе небольшими группами – с присутствием самого гуру или же без него, для решения общих задач или выполнения каких-то более или менее длительных поручений. Все эти люди рассеивались большей частью по городам Европы, Азии и России, некоторые находились в данный момент в странах Северной и Южной Америки. Иногда, двое или трое учеников засылались в какой-то город на несколько лет, для создания там своеобразной базы людей или событий, на которой затем разворачивались основные действия с участием Учителя. Из присутствующих здесь Анна-Мария и Альгис были десантированы в Вильнюс пять лет назад, как раз, когда начинался российско-украинский конфликт: Альгиса Жоржу удалось внедрить в руководство местной полиции, а Анну – удачно выдать замуж за сотрудника украинского посольства. Впрочем, и эти двое достаточно свободно располагали временем, и могли выезжать куда-либо на общие сборы, порой на несколько недель. Юрис и Наина несколько лет курсировали между Венной, Прагой, Братиславой, Брно, Будапештом и Белградом, а в Литву прибыли одновременно с Магистром четыре месяца назад. Сам гуру явился сюда из Германии. К слову, Альгиса звали Алексеем, а Юриса, как нетрудно догадаться – Юрой. Похоже, что почти все пятьдесят учеников Жоржа были русскими или, по крайней мере, русскоговорящими. Почему Маэстро, скитаясь по всему миру, выбирал учеников именно по этому принципу, оставалось покамест неизвестно.

В беседах о том, как проходит жизнь этих странствующих чудаков, завтрак растянулся часа на полтора. Фёдор слушал внимательно, задавал уточняющие вопросы, и, при всей несообразности некоторых объяснений и произошедших событий, компания, в которую его затянуло, становилась ему всё более симпатична, а образ жизни новых друзей завораживал какой-то совершенно ранее невообразимой для него легкостью, свободой и непринуждённостью – столь он отличался от его однообразных, давно уже опостылевших будней. Открывающаяся возможность присоединиться к такой вот вольной и непосредственной жизни-игре – не было

ли это воплощением тайных мечтаний, в коих он боялся сам себе доселе признаться? Вот он – шанс позабыть о прошлом, о порядке осточертевшей работе, о нелюбимой жене – к слову, сын уже заканчивал университет и намеревался вскоре жениться, а любвеобильной Наташке, с его – Фединым исчезновением, откроется полная свобода действий – благо обеспеченных поклонников у неё – пруд пруди. Таким образом философствовал про себя Дядя Фёдор, отгоняя, всё же, на задний план, несколько беспокоивших его мыслей. С недосыпу отгородиться от сомнений было не сложно. Мы, однако же, попробуем, вместо самого героя, додумать то, что самому ему в сей час неприятно. Первое: и во время застолья на чердаке, и нынче – речи присутствующих были обращены будто бы специально на него – обсуждать все эти вопросы между собой им не было никакого резона. Вкупе со странными событиями прошедших вечера и ночи, всё это походило на заранее срежиссированный спектакль для одного лишь зрителя – для него, Фёдора, – постепенно втянутого в этот спектакль и превращающегося в главного героя. Но с какой целью? Впрочем, вся эта катавасия, вполне могла явиться разрозненным набором случайных событий, которые именно ему, по причине недосыпа и череды неожиданностей, могли казаться нарочно срежиссированными вокруг него. Второе: странный ночной рассказ старика. Совершенно переиначенный миф об Агасфере – правда, сам Жорж не настаивал на том, что в его мудрёную историю необходимо верить, более того, даже намекал на то, что всё это можно воспринять и как метафору. Но какую цель преследовал старый лис, повествуя о Вечном Страннике? И еще – сама задача Агасфера казалась какой-то непонятной и расплывчатой. Почему-то Агасферу почудилось, что взгляд Иисуса возложил на него миссию спасителя мира от какого-то грядущего страшного катаклизма. Ладно, для литературного повествования, дабы скоротать несколько часов на нарах, всё это было весьма годно – особенно из уст столь искусного рассказчика, и вполне вписывалось в его облик эксцентрика-парадоксалиста – любителя перевернуть всё шиворот-навыворот, дабы заинтриговать и озадачить слушателя. Но зачем столько внимания такого незаурядного человека ему – Феде? Если же всё продумано и роли заранее распределены, то к чему его хотят склонить, и к какой задаче в своей странной и более чем непонятной игре – приготовить?

Безусловно, на краю сознания, все эти мысли кружились, но давать им ход решительно не хотелось. Главенствовали совершенно иные устремления, подогреваемые возбуждением после бессонной ночи – образы страстных Аниных объятий – на первом плане, обрамляемые куда более расплывчатыми картинками будущих авантюрных путешествий по миру в компании новых замечательных друзей.

Кстати, вопрос об объятиях Анны решился совершенно неожиданно – Фёдору даже не пришлось искать случая уединиться с нею и проявлять настойчивость. Завершив, наконец, трапезу, из-за стола первым поднялся Альгис – вновь обретая наклонность к мелодекламации и театральным манерам, он обратился к нашему герою:

– Душа моя! С сего дня ты гость на моей даче. И не вздумай возражать – это будет незабываемый отдых – в уединении – в воистину райском уголке – на Тракайском озере. Поживешь там в своё удовольствие некоторое время – покуда я не изготовлю тебе новые документы взамен утерянных. К тому же, иногда к тебе кое-кто будет наведываться, как я полагаю!, – взоры его обратились к Анне, и та, как ни в чём не бывало, отвечала:

– Конечно, я буду навещать тебя.

– Ну вот, голубчик, всем необходимым ты будешь обеспечен, так что изволь – через десять минут жду тебя в машине!

Вновь за него решали, но дело обернулось столь стремительно, и так отвечало его мечтам, а долгий, вновь погружающий в испытанное ночью состояние сладчайшего растворения в чём-

то необозримо-волшебном – Анин поцелуй на лестнице – всё это отодвинуло любые сомнения до такой степени далеко, что Фёдор Михалыч, распрощавшись с весёлой компанией, вскоре спустился вниз и водрузился на сиденье комфортабельного «Гелендвагена».

По городу вначале ехали молча. Фёдор кемарил, а Альгис, в свою очередь, выказал деликатность и не стал его беспокоить своими залихватскими речами. Минут через пять, однако – поставил «Pink Floyd». «Кислотные» гитарные соло Дэвида Гилмора и баритон Роджера Уотерса сон не только не углубили, но возымели обратное воздействие – для Дяди Фёдора эта музыка была увязана с воспоминаниями о выпускном вечере в школе, жене и всей прошлой жизни. Он встрепенулся – сонливости как не бывало. Вспомнился странный ночной рассказ про Вечного Странника. Альгис заметил, что пассажир проснулся:

– Не спится?

– Вспоминаю рассказ про Агасфера. Может быть, мне показалось, но Жорж, как будто намекнул, что между ним и Агасфером существует некая странная связь. И даже вроде как он этим самым Агасфером и является... Что ты об этом знаешь?

– Всякое может быть, душа моя! Я и сам человек скептический, однако же, и отрицать чудеса, в этом мире происходящие, не стану.

Ответ был в высшей степени уклончивым. Фёдор не унимался:

– И всё же: Агасфер он или нет?

– Друг мой! Пять лет жизни отдал бы за твоё спокойствие по этому поводу, но, посуди сам, как я могу тебе ответить на сию апорию однозначно, когда сам я с Жоржем знаком лишь с тысяча девятьсот восемьдесят шестого года? Невероятных чудес, которые он отмачивал с удивительной легкостью, я повидал за эти годы немало, и многие из его деяний превосходили моё воображение и обычные человеческие способности. Но вот истоки этих его возможностей... Как я смею о них судить – обречены ли они сотни лет назад, или же Жорж сподобился обучиться магическому искусству, в ходе своих путешествий и встреч с замечательными людьми в шестидесятых-семидесятых годах двадцатого века? Сложнейшая тема! Но, существует, так сказать, официальная версия его биографии, которую я, вкратце, готов тебе поведать, душа моя!

– Ну что же, охотно послушаю.

За двадцать минут, пока ехали до дачи, и еще за пару часов уже на самой даче, Фёдор Михалыч сподобился услышать историю хотя и не из седой древности, но, может быть, не менее увлекательную и необычную. По словам Актёрыча выходило, что Жорж Хейтин – так он рекомендовался на публике – родился в тысяча девятьсот тридцатом году. Благодаря особым тренировкам, начатым еще в юношеские годы, он до теперешнего почтенного возраста – а выходило, что Жоржу ныне восемьдесят девять лет, сохранил отменное здоровье и силу, которым мог бы позавидовать любой сорокалетний мужчина. Появился на свет будущий волшебник в Берлине, в семье русских эмигрантов: отец – еврей – преподавал философию и подвизался в кругу известного русского же философа Александра Кожева, давшего новое развитие знаменитой гегелевской теме диалектики Господина и Раба (сноска). Мать – русская – домохозяйка – увлекалась оккультизмом, посещала кружки последователей Блаватской и Штайнера (сноска). В тридцать третьем году, когда к власти окончательно пришли нацисты, семья переезжает в Париж. Стараниями матери, в дом начали захаживать ученики величайшего мистика и мага двадцатого века – Георгия Гурджиева. Отец в тридцать пятом умер. Тогда мать была приглашена кем-то из учеников Гурджиева в местечко Фонтбло, в замок, где и располагалась Школа. Достаточно быстро она и сама заняла место среди наиболее ревностных последователей Георгия Ивановича.

Не мудрено, что юный Жорж, воспитываясь в столь экзотической атмосфере, сумел впитать в себя очень многое – а главное – дух учения Мастера. По словам самого Хейтина, уже вполне в сознательном возрасте – с пятнадцати до восемнадцати лет, он не только прочитал все книги Гурджиева, но практиковал его систему упражнений, и даже выполнял ряд заданий великого мистика. После смерти Гурджиева, случившейся в сорок восьмом году, юноша, уже весьма подкованный в эзотерических науках, возвращается в Париж, где поступает в знаменитый Колледж де Франс. Юность его проходит в кругу таких громких в философской среде имён как Жорж Демюзиль, Гастон Башляр, Жорж Батай, Мишель Фуко. (Историю про кружок Пьера Клоссовски, палача и жертву, встречу со своим ровесником – Жаком Деррида и последним из алхимиков – Фулканелли – Фёдор слышал и ранее). Около года путешествует по Латинской Америке, пьёт психоделическое варево шаманов Амазонии, посещает танцевальные мистические марафоны в Рио-де-Жанейро, в Буэнос Айресе заводит дружбу с Хорхе Луисом Борхесом. Возвратившись в Париж в конце пятидесятых, как и многие тогда, увлекается лекциями Жака Лакана и умудряется в течении трёх лет пройти индивидуальный анализ у последнего. Однако, начинает разочаровываться в слишком рафинированной среде последователей Лакана, и неожиданно – такого рода траекторий – из-за лютых противоречий между двумя учениями ни до него, ни после никто, пожалуй, не проделывал – перемётывается в Цюрих к Карлу Юнгу и, вплоть до смерти отца глубинной психологии, остаётся подле него, изучая недра коллективного бессознательного. Ежегодно, вместе с мэтром посещает знаменитые семинары «Эранос», где сближается с Карлом Кереньи, Клодом Леви-Строссом, Джеймсом Хиллманом и Мирча Элиаде. Вновь встречает на заседаниях «Эраноса» своего первого учителя – Демюзиле, и тема трикстерства с новой силой воспламеняет его воображение. Как мы видим, за весьма короткое время, молодой человек исхитряется уместить в себя практически все сколько-нибудь значимые философские, культурологические и мистические учения того времени, несмотря, подчас, на их совершенную несовместимость.

Жоржу, однако, каким-то чудом удаётся все эти противоречия интегрировать. Позже, уже своим ученикам поясняет, что он смог сочетать несочетаемое благодаря особой мировоззренческой позиции, перешедшей в жизненное кредо, которое он назвал Путём Раз-Гильдия – человека, умудряющегося не быть вовлечённым ни в какую конкретную Гильдию – став её ревностным апологетом, и, в то же время, проходя сквозь множество Гильдий и обретая знания и умения, наравне с лучшими учениками. Преимущества такого подхода очевидны: ведь вокруг каждого учения или концепции спланивается группа яростных сторонников. Это не секта, но даже, если на словах эти люди готовы признавать, что их учение – особенно, когда речь идет о науке – лишь одно из многих других, на глубинном уровне, верхняя часть которого представлена эмоциями, все они убеждены в единственности и правильности именно своего мировоззрения. Этот механизм работает на уровне коллективного бессознательного группы, поэтому он вне рациональных возможностей повлиять на реакции членов группы на другие концепции или критику их точек зрения. Вольно-неволью образуется некое «мы», которое болезненно и ранимо. В двадцатом веке происходило немало курьёзов, связанных с этим явлением – курьёзов, доказывающих, что даже рациональное понимание происходящего не помогает – бессознательное и связанные с ним эмоции берут верх. Жоржу довелось присутствовать на одной забавной конференции, где одновременно собрались последователи Юнга и Фрейда – давние враги, на дух не переносившие друг друга. Некий доброхот решил примирить два лагеря. Солидные мужи, прошедшие не один десяток лет анализа – каждый в своей парадигме, казалось, проработанные за эти годы до мозга костей, явившись на конференцию, даже смогли, хотя и с внутренним скрипом, пожать друг другу руки. Начались первые доклады. Выступил фрейдист, вещавший о так называемых «первичной травме» и комплексе Эдипа, предлагая юнгианцам

убедиться, что психоанализ отнюдь не чурается мифологии. Всё это были прописные истины и для тех, и для других, однако по рядам сторонников Юнга пронесли сдержанные возгласы с пока еще достаточно лёгкими оттенками снисходительности. Пространство явно ошетинилось. Далее речь держал убежденный сединами профессор, представлявший лагерь юнгианцев. Всё шло хорошо до того момента, как этот пожилой господин, завершая свой доклад, вскользь упомянул, что, дескать, одна из фундаментальных работ Фрейда – «Психология масс и анализ человеческого я» – хороша во всех отношениях, однако же, ей не хватает той глубины, которую могла бы внести концепция коллективного бессознательного. Тут в зале словно бомбу подорвали. Умудрённые мужи – образчики осознанности с обеих сторон, вдруг разом вскочили со своих мест и пустились дёргать друг другу бороды. Казалось бы, всё можно было решить в рамках философической дискуссии, ан нет! – вмешалась некая Сила, превосходящая сознание, поверхностный слой которого вмиг слетел, обнажая древнейшие инстинкты и архетипические сюжеты. Жорж оказался свидетелем многих подобных курьёзов, иные из которых завершались трагически.

Сей механизм известен из мифологических сюжетов, подробности Альгис не имел времени рассказывать, но суть Фёдор, хотя и смутно, но уяснил – важно, углубляясь в то или иное учение, найти ту тонкую грань, за которой ты оказываешься уловленным этим выставившим во все стороны копыя «мы» той или иной Гильдии. Это великое искусство, так как если ты вышел из-под влияния Гильдии намного раньше этого момента, то, скорее всего, ты останешься профаном, скользящим по верхам, и не улавливающим основы, базиса концепции или учения. С другой стороны – ежели прозевал – то увязнешь в Гильдии, и далее, даже если исхитришься из неё выйти, все остальные знания будешь преломлять через именно её концепцию. Жоржу удалось настолько искусно чувствовать нужный момент, что он умудрился вобрать в себя множество противоречивых учений, и внутри него эти учения не вступали в спор, а уживались весьма мирно и взаимодополняли друг друга. Способности к Раз-Гильдяйству Жорж передавал своим ученикам, и, судя по тому, как те, что собрались в Вильнюсе, проявили себя давешним вечером, Фёдор Михалыч, имел случай убедиться в том, что они весьма преуспели в упражнениях, развивающих сии способности – одна только беседа Юриса с Наиной Карловной тому порука, не говоря уже о мастерстве перевоплощения пьяненькой босоножки Марии в королеву бала Анну, и развязного кутилы Актёрыча в строгого полковника полиции.

Двинемся далее в шестидесятые годы. Исполненный философскими и мистическими идеями и разномастными культурологическими и психологическими технологиями, Хейтин решает создавать импровизированные театральные представления, разворачивающиеся на улицах и площадях городов, при этом так, чтобы никто не догадался, что это спонтанный спектакль – начало действия задавали специально обученные люди, а далее главными героями становились случайные прохожие и даже достаточно большие группы людей – порой десятки и даже сотни человек. Так и не сбывшаяся, в своё время мечта Антонена Арто (ссылка), знатно наперчённая атмосферой трикстерства – всем тем, что Жорж впитал от Демюзиля, Карла Кереньи, бразильских мистиков и аргентинских мачо. Хейтин видел своей задачей искусство создания значительных массовых событий, которые стороннему наблюдателю казались бы спонтанными, но на деле направлялись небольшими группами подготовленных им специалистов, к решению определённых социальных задач. За несколько лет подобного рода представления, приводившие иногда к весьма заметным социальным реформам на уровне отдельных городов и округов, прокатились по Франции, Западной Германии, Австрии, Швейцарии, Италии и Португалии. Венцом такого рода деятельности Жоржа и его группы явилась студенческая революция весны тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года в Париже. Надобно признаться, что несмотря на огромный масштаб и резонанс, охвативший сотни тысяч людей, – что, казалось бы, говорило

об успехе предприятия, это событие привело совершенно не к тем результатам, на которые надеялся их теневой кардинал – Жорж. В итоге, Хейтин переживает глубокое разочарование, понимая, что существует некая критическая масса – несколько сотен людей, выход за пределы которой, ведёт к абсолютно непредсказуемым последствиям. За рубежом трёх-четырёх сотен человек, созданный им метод перестаёт работать. В свою очередь, события, в которые вовлекаются не десятки и сотни тысяч людей, как в мае шестьдесят восьмого, а всего на порядки меньше – приводят лишь к небольшим локальным реформам. Жорж же ищет ключи для управления масштабными процессами.

Впрочем, парижская весна шестьдесят восьмого не прошла даром – он знакомится с человеком, чей буйный нрав гениальным образом проявляется равно в философии, психиатрии, психоанализе, литературе и, одновременно в самом отъявленном и, в то же время – масштабном хулиганстве, подрывающем основы представлений о законе, власти, и государственных структурах. Анархистствующего философа – сорвиголову зовут Феликс Гваттари. В ту пору он как раз начинает совместные работы с совершенно противоположным по нраву гением философии – Жилем Делёзом, человеком умственным и достаточно хладнокровным. Первые годы после знакомства с Феликсом, Хейтин избегает общества Делёза, но вместе с Гваттари совершает несколько достойных отдельного плутовского романа авантюры, нашедших резонанс в среде множества европейских интеллектуалов и представителей искусства. В частности, они нелегально проникли на территорию Палестины с целью организации израильско-палестинских переговоров, запустили акции поддержки революционных процессов в Алжире, Вьетнаме, странах Латинской Америки и, если говорить о результатах их совместных трикстерских проделок, то невозможно отрицать влияние деяний этих двух апостолов революционного духа на общий процесс оттепели в Европе (и не только в ней) в семидесятых-восемидесятых годах двадцатого века, когда значительно смягчилось давление полицейских и психиатрических репрессий, и снизился уровень бюрократизма и формализации общества.

В семьдесят третьем году выходит книга Делёза и Гваттари «Капитализм и шизофрения», взорвавшая умы десятков тысяч интеллектуалов всего мира. Напрямую Жорж никак не участвовал в обсуждениях, приведших к появлению этого ключевого для конца двадцатого века манускрипта, однако, нетрудно догадаться, что его влияние на Гваттари отразилось и на многих идеях книги – Делёз, человек кабинетный, вдруг увлекается идеалами номадизма (сноска), и мир, еще недавно представлявшийся людям стройным, целостным и завершённым, под его пером обрушивается в лабиринты так называемой ризомы, пребывающие в вечном непредсказуемом движении, ветвлении, неожиданных разрывах и столь же спонтанных пересечениях, ускользающих от любого постоянства и определённости.

Лишь в конце семидесятых Жорж общается с самим Делёзом. Великий философ-постструктуралист в ту пору начинает увлекаться «важнейшим из искусств» с точки зрения описания структурирования человеческого восприятия посредством кинематографа. У Хейтина здесь свой интерес – разочаровавшись в организации социальных перформансов, и убедившись в том, что выше относительно небольшой критической массы людей, они решительно выходят из-под контроля, он решает, что кино может справиться с задачами огромного масштаба, ежели поэтапно и дозированно вбрасывать некоторые идеи, способные освободить мировоззрение людей от жестких догм, в шедевры мирового кино. После бесед с Делёзом, он изучает творчество многих известных и молодых режиссеров, затем, с некоторыми из них входит в достаточно плотный контакт. Бергман, Полански, Вачовски, Финчер, Кустурица – список культовых режиссеров, на которых Жорж оказал влияние – очень внушительный, а многие его идеи

воплощены в таких классических фильмах, как «Матрица», «Бойцовский клуб», «Револьвер», «Венера в мехах», «Игра»...

В конце восьмидесятых Жорж начинает формировать команду «социальных дизайнеров» – свободных Игроков, чьи точечные выверенные действия призваны спутать планы крупнейших кукловодов современности, ведущих мир, как видится Хейтину на грань невиданной еще в истории человечества по масштабам и жестокости катастрофе, которая, по его прогнозам, может развернуться уже в двадцатых годах нового столетия. В эту команду вливаются постепенно и новые друзья Фёдора, а теперь, похоже, и ему приготовлена пока еще непонятная роль в этой затее Безумного Старика.

В ходе беседы об этой версии судьбы и деятельности Жоржа, Альгис показывает Феде свой двухэтажный коттедж со всеми удобствами, а также живописные окрестности – озеро и величественный тракайский замок. Фёдор Михалыч надеется провести здесь пару недель и основательно отдохнуть, предвкушая, к тому же и страстные встречи с Аней. Неожиданно, после окончания рассказа, тон Альгиса становится всё более серьёзным:

– Тебе, друг мой, даётся два дня на то, чтобы выспаться и нагуляться по окрестностям, а затем, как говорил классик – учиться, учиться и еще раз учиться! Время будет расписано по минутам. Всем необходимым ты будешь обеспечен, и кроме одного дня в неделю, когда тебя будет навещать Анна – также, большей частью с целью кой чему научить, остальные дни будут расписаны по минутам, к тому же – в режиме отшельника. В девять утра ежедневно будешь открывать почту на ноутбуке в кабинете – тебе будет выслана литература для изучения и видеоинструкции к блоку упражнений и практик, по которым каждый вечер будешь присылать мне подробнейший отчёт. Поживёшь здесь месяца два-три в таком ритме, затем я привезу тебе новые документы, и будем думать, как поступить с тобой далее.

– Но я же могу уйти.

– Далеко ли? Без документов то?

– Что это значит?

– Расслабься! Начинается самый увлекательный период твоей жизни – большая Игра. Но, для того чтобы войти в неё, поначалу требуется железная дисциплина. Впрочем, как тебе и обещали, раз в неделю ты будешь с лихвой вознаграждён за свои усилия, хе-х.

– Похоже на вербовку в школу диверсантов. С кнутом и пряником...

– Все мы прошли через нечто подобное. И поверь, более счастливой, хотя и рискованной судьбы никто из нас себе не пожелал бы.

– Но почему именно я?

– Случай, друг мой. А может быть – судьба. Или то и другое вместе.

Глава 9

*«Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Все ж мучится таинственным желаньем;
Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, поцую на плечах
Еще не появившиеся крылья;
Так век за веком – скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства».
Николай Гумилёв, «Шестое чувство»*

Приближался новый две тысяча двадцатый год. Надобно сказать, что Фёдор Михалыч, сидя анахоретом на даче Альгиса, постепенно втянулся в предложенный ему образ жизни, более того – начал понимать зачем ему всё это нужно, даже не зависимо от планов, которые строили на него Жорж и его подручные. Ежедневно в девять часов утра он открывал на ноутбуке почту: в ней находились несколько достаточно сложных текстов для изучения, несколько инструкций по режиму дня и видео-записи, в которых Юрис, Альгис и несколько незнакомых Фёдору мужчин, показывали как выполнять упражнения, направленные на укрепление и оздоровление физического тела, развитие памяти, внимания и воображения, всевозможные медитативные практики, позже – более сложные технологии с использованием движений, дыхания, внимания, тренировок голоса, актёрские психотехники, позволяющие управлять состояниями тела, эмоций, сознания, развивать чувствительность и интуицию. Полтора месяца не прошли для затворника даром – он помолодел, пребывал в отличной физической форме, значительно укрепил силу воли, научился управлять вниманием и эмоциями, его картина мира необычайно расширилась и стала несравненно более гибкой, чем ранее, появились возможности произвольно вызывать у себя состояния глубокой релаксации и, напротив – мощного тонуса. Несколько раз за это время к Феде приезжала Анна, однако, отнюдь не только для сладостных утех – она учила нового адепта удивительному искусству, о котором читатель узнает чуть позже, ибо это отдельная и весьма значительная тема.

Читаемые тексты позволили нашему герою начать видеть новые грани своего взаимодействия с миром, среди них было множество методических материалов, поясняющих те вопросы, которыми Фёдор задавался как раз во время, предшествующее началу повести. Современная философия, психоанализ, аналитическая и архетипическая психология, элементы мистических учений Востока и Запада, культурология и анализ социальных процессов. Федя начал понимать закономерности, которые формируют то, что Жорж в полицейском участке назвал «согласованной реальностью», механизмы того, как формируется судьба, события жизни, акценты мышления, эмоциональные реакции и физические состояния, вкупе с методологией импровизационного воздействия на все эти процессы при помощи практик им осваиваемых. Скучать не приходилось – каждый день был заполнен до отказа новыми и всё более интересными деяниями.

Постепенно к Феде приходило отчетливое понимание, как Система (совокупность социальных процессов и взаимодействий, формирующаяся, с одной стороны, как самоорганизующаяся структура, образующая очаги скоплений и разряженных участков человеческого внимания, с другой же, напротив, режиссируемая с самых стародавних времён теми, кто собрал максимальные ресурсы и возжелал кукловодить сознанием и действиями больших масс людей) держит его и семь миллиардов таких же бедолаг на привязи, используя как источник различного вида энергии. С пониманием сего казуса явился и целительный ужас от постигнутого, целительный – ибо тот, кто не сподобился ужаснуться, а лишь умственно прикоснулся к подобным категориям, так и остаётся на привязи служить батареей для безличной, но циничной и бесчеловечной Системы, разве что – начинает разглагольствовать, как говориться, о высоком, да вот только совершенно без толку. Фёдору Михалычу повезло – он таки пережил всамделишный ужас, пробудивший в нём живейшие желание освободиться от оков – перестать служить тупой батареей для структур, неявно, но предельно жестко выжимающих соки не только из него, но, вдобавок из множества других людей. Желанием дело не ограничилось – Федя принялся регулярно и тщательно работать над освобождением от внушительного числа разного рода причин и связей, спеленавших его мысли, чувства, убеждения, поступки, образ жизни и стиль поведения, управлявших его вниманием, состояниями, дискомфортом тела и хроническими напряжениями мышц.

Калькуляторам и навигаторам он, как и большинство людей, доверил свою память и внимание; социальным сетям, телевидению и видеороликам – формирование убеждений, мнений и оценок; множеству технических приспособлений – передал свою ловкость, подвижность и силу физического тела; новостным лентам – эмоциональные состояния и реакции. Медицина и фармакология кормились его здоровьем, юристы – способностью самостоятельно решать множество вопросов, психологи и популярные блогеры – отбирали силу воли, религия цинично лишала возможности критически мыслить, политика вообще задавала правила жизни, которые, ежели, разобраться – совершенно чужды любому самостоятельному и самодостаточному человеку. Фёдор с немалым рвением приступил к возрождению почти утерянных навыков – считать в уме, читать сложные тексты, смотреть фильмы, пробуждающие глубокие чувства и размышления о подлинных человеческих ценностях, практически перестал без особой нужды пользоваться гаджетами.

Параллельно – тренировки тела на выносливость, памяти и внимания на увеличение объёма, произвольность и длительность концентрации, воли на преодоление привычек и совершенные доселе не свойственных ему поступков. Всё чаще опытным путём постигал Дядя Фёдор, что всё, что с ним происходит является его же собственным заказом и помыслом. Однако, на этих словах следует остановиться, дабы не оказаться в дураках, твердя где-то вычитанные «прописные истины», при этом совершенно не отдавая себе отчёта – что же они означают. Разберёмся, что несёт утверждение о том, что, дескать, «всё со мной происходящее является моим же заказом и помыслом». Оно порождает сомнения и вопросы: а как же всяческие неприятнейшие кандебоберы, неудачи, болезни – особенно тяжкие, наконец – случаи нелепой, преждевременной и трагической смерти? Загвоздка, мешающая очень многим принять то, что сознание определяет бытие, а не напротив – в слове «сознание». По умолчанию, люди привыкли отождествлять себя и других исключительно с тем, что осознаётся, а тут и притаилась ошибка, ибо «нормальное сознание» по большей части – это всего лишь набор рационализаций, позволяющих приспособиться к доминирующим социальным точкам зрения и так называемому «здоровому смыслу», и не замечать, что они (социальные доминанты точек зрения и пресловутый «здоровый смысл») шиты белыми нитками. Приняв то, что глубинные мотивы моего образа жизни, поступков и мышления определяются двумя факторами – социальными шаблонами на

поверхности и ценностными приоритетами Души – бессознательного, которое невообразимо больше, чем осознаваемая область – в глубине – мы придём к выводу, который вполне естественен, но для многих неприемлем или в лучшем случае, удивителен: «Я сам определяю все события и состояния, которые случаются со мной в жизни, в том числе – болезни, катастрофы и смерть. С учётом того, что на меня влияют – и, подчас очень сильно – множество социальных факторов». Фактически, инквизиторы и «расстрельные тройки» были в курсе – приговор подписывал себе сам человек – часто под действием пыток, но были те, кто не подписывал – у них хватало воли и Духа. Но что же значит «Я сам»? А это и значит – вся сложнейшая совокупность сознания и бессознательного – каковое потому и бессознательное, что никак не ведомо, и может быть лишь при усилиях, чаще с помощью специалиста, до какой-то степени приоткрыто и включено в области предсознания – смутных догадок, и, собственно, осознания. Иной человек может говорить о жизнелюбии, и даже вести себя энергично и радостно, а затем внезапно заболеть и уйти из жизни. Тем не менее, это выбор Души, складывающийся из огромного множества факторов. Также и серьёзная, однако не смертельная болезнь может быть избрана Душой (бессознательным) для получения экстремального опыта, переосмысления жизни, изменения приоритетов ценностей, происходящего, порой, даже в реанимации.

Вспомним вопросы, в поисках ответа на каковые Федя бился, направляясь в ресторанчик, перед встречей с босоногой Марией-Анной и её братией: почему человек уходит из жизни? Почему человек болеет? Почему один человек может десятилетия страдать от серьёзного заболевания, но оставаться жить, а другой может заболеть этой же болезнью и уйти в очень короткий срок? Почему кто-то вообще уходит из жизни практически здоровым в результате несчастного случая или какого-либо события – катастрофы или стихийного бедствия, например? Каким образом вообще какие-то события или люди появляются в нашей жизни? Упомянутый Жоржем в качестве своего знакомца, великий психолог, создатель архетипической психологии, ученик и приемник Карла Юнга и реформатор аналитической психологии – Джеймс Хиллман в шестидесятых годах двадцатого века написал потрясающую книгу, взхлёб прочитанную Федей в числе первых – «Самоубийство и душа». Сей труд в свое время всколыхнул психологический мир, ибо Хиллман очень убедительно доказал, что любой уход из жизни является «самоубийством». При этом мотивы самоубийства – ухода из жизни, как и мотивы смерти, в подавляющем большинстве случаев в сознании не явлены. Они располагаются глубоко в бессознательном или по терминологии Хиллмана, обуславливаются душой.

Детализируем основной вопрос, терзавший Фёдора: почему человек умирает в определенный момент, определенным образом и в определенных обстоятельствах? Хиллман писал, что люди сами принимают решение: как, когда и где. И, в большинстве случаев, бессознательно. Естественно, здесь идет речь о смерти отдельно взятого человека. В таких глобальных явлениях, как катаклизмы, войны, катастрофы и т.п., могут быть и исключения. Широко известны истории о том, что многие люди интуитивно предчувствуют возможность катастрофы и опаздывают, например, на рейс самолета или поезда, который разбивается. Но не всякий человек, во-первых, обладает такой чувствительностью или интуицией, а самое главное – ярко выраженной ценностью – продолжать жить. Иными словами, под замес катастроф и катаклизмов могут попасть люди, которые и не приняли бессознательное решение уйти из жизни, но это исключение, которое лишь подтверждает правило.

Здесь надобно еще несколько времени пофилософствовать и обратиться к понятию системы ценностей – структуры, которая, как следует из названия, устроена так, что что-то одно ценнее другого, а это другое ценнее третьего и т.п. При этом есть какая-то доминирующая ценность и, чаще всего, не одна. В разные моменты времени и при различном стечении

обстоятельств то одна, то другая из доминирующих ценностей может оказаться главенствующей. Существуют ценности, переданные нам генетически – ценности выживания, ценность продолжения рода, ценность любви, ценность отношений, а существуют ценности, сформированные уже в процессе воспитания, а в некоторых случаях и самодисциплины, и специальной практики. Это, например, могут быть ценность творчества, самореализации, успеха, богатства, принадлежности к какому-то социальному слою. Ценность мистического опыта, экзистенциальных переживаний, иногда даже уединения, аскетизма и отшельничества, господства или подчинения, борьбы, духа отрицания, соответствия культурным клише или, наоборот, выделения из толпы и многие другие.

В жизни человека могут складываться такие ситуации, когда ценность выживания не является доминирующей. В этом случае он бессознательно (лишь иногда осознанно, поэтому этот тезис трудно принять) готов пожертвовать жизнью или пойти на риск для жизни во имя реализации какой-то другой ценности. Для кого-то это может быть любовь, для кого-то богатство и успех, для кого-то экстремальные переживания, как ценность. С другой стороны человек, у которого ценность выживания превалирует над другими, может длительное время болеть достаточно серьезными болезнями, быть недееспособным, парализованным, даже находиться в коме годы, а то и десятки лет. Например, знаменитому астрофизику Стивену Хокингу ценность самореализации помогла дожить до преклонного возраста в совершенно больном – десятки лет парализованном теле. А другого человека подобное обездвиживание или даже частичная недееспособность лишает тех ценностей, которые важнее для него ценности выживания, поэтому он умирает. Вот пример, случая, когда человек теряет возможность самореализации. Фёдор хорошо помнил, как в начале и середине девяностых многие люди теряли любимую и очень ценную для них работу, в результате грандиозных социальных перемен разрушались семьи и близкие отношения. Многие из тех, кому подобные злоключения выдавалось пережить – быстро спивались, становились бомжами, тяжело заболели, попадали в аварии или становились жертвами насилия. В итоге – достаточно быстро умирали.

Фёдор Михалыч был знаком с доктором философии, очень любившим свое дело – потеряв работу, тот отчаянно запил, в течение года опустился до состояния бомжа и ушел из жизни. Многие находились на грани. Да что там! Руководитель Фединой дипломной работы – ведущий специалист по лазерной физике очень серьезно заболел, когда закрылись все проекты, которые составляли смысл его жизни, но, к счастью, жена помогла ему переориентироваться на другую альтернативную ценность – построение дачи, в которую он начал вкладывать свои силы, что поддержало его дух и желание жить. Можно сказать, что новая ценность буквально вытащила его с того света после двух перенесенных инфарктов и операции на сердце. Более того, она так его увлекла, что прошло уже более двадцати пяти лет, а предсказания врачей, которые в то время не оставляли ему больше полугода жизни, не сбылись.

Итак: человек уходит из жизни тогда, когда некая внешняя ситуация «перекрывает кислород» для его ведущей ценности. Тогда ценность выживания перестает удерживать его в рядах живых. А бывает и обратное, когда кто-то совершает удивительные поступки, на которые он обычно не способен, в моменты сильнейших социальных потрясений, потому что, вдруг открываются возможности его реализации на каком-то героическом поприще, которые до этого дремали, и его существование было вялым, дряблым и постепенно угасающим. Некоторые даже стремятся к этому, к примеру, вербуясь в «горячие точки», при этом не осознавая самую глубинную мотивацию – ценность и рационализируя ее какими-то более поверхностными объяснениями.

По сути, ценности – это то, что управляет и создает события в жизни. События создают опыт, который формирует мышление. Мышление формируется еще и через суггестию социальных или культурных доминант, транслируемых через СМИ, интернет, рекламу. Формирующаяся ведущими ценностями картина мира, в свою очередь, определяет качество, спектр и интенсивность эмоций и чувств. Последние регулируют энергетику и присущие ей функции: терморегуляция, выносливость, уровень либидо, сексуальная активность, качество и сила энергетического влияния, весомость в социуме и т.п. А уже эти факторы задают условия для процессов, происходящих в физическом теле и действий, которые оно выполняет. Вот и выходит, что основные ценности – к тому же, по большей части, бессознательные – регулируют и управляют всем, что происходит в жизни конкретного человека.

Под действием чтения присылаемых ему текстов, а кроме того, благодаря упражнениям и новому образу жизни, Фёдор постигал сии сложнейшие категории не только умственно, но и всем своим существом. Он дал себе зарок насколько возможно перестать питать собой бесчеловечную Систему. Для этой цели ему понадобилось предпринять немало сложных внутренних решений и усилий. Он всё более переставал поддерживать любые иерархии и обесценил для себя понятия социального статуса – начиная равно относиться к олигарху и бомжу, чиновнику, силовику и гастробайтеру, врачу и разносчику пиццы – без страха, возвеличивания и принижения – убирал иерархические вертикали из своих суждений, отмечая их вниманием, а далее снимая их значимость. В свои повседневные действия Фёдор Михалыч включал как можно больше импровизации и смены шаблонов – периодически ел левой рукой, вставал всякий раз с другой ноги, ходил разными походками, варьировал маршруты прогулок, подчас его можно было застать перемещавшимся вприпрыжку или донельзя замедленно, спиной или боком вперед, поющим и говорящим с собою различными интонациями, кривляющимся и непривычно жестикулирующим и, при всём том, плюющим на взгляды случайных встречных, каковым, вероятно, было гораздо в большей степени неловко, чем Феде.

Нашему герою даже полюбилось разрывать шаблоны поведения – например, громко петь на улице среди бела дня, заводить короткие беседы с незнакомыми людьми – встречавшимися на улице или в магазине, от души оказывать комплименты встречным женщинам, запросто улыбаться прохожим. Нарушение простых запретов – даже самых элементарных – есть в кафе ложкой, вместо вилки, перейти улицу на красный свет или в необозначенном месте, при условии, что нет угрозы и машины далеко – всё это придавало довольно много сил, а чавкать при еде, тем паче – пукнуть в общественном месте – сие являлось уже высоким пилотажем, особливо, ежели при этом не испытать стыда. Ведь посредством этих, по сути достаточно простых запретов, Система получала огромный энергетический куш – в виде готовности к любой степени послушания огромного числа так называемых «воспитанных» людей. Фёдор же, за короткое время научился вести себя максимально ребячливо, как давно, признаться, не вёл.

Важно было еще замечать уникальность людей и объектов – обращать внимание на узор веток разных деревьев, детали зданий, стараться обращать внимание на то, во что одеты люди, на узоры из опавших листьев или мелкую рябь на озере, на выражение лица, цвет глаз и другие детали индивидуальности человека, стоящего в очереди супермаркета. Так же и у себя наш герой наловчился замечать уникальные качества и прибавлять их – варьируя тембр голоса, интонацию, мимику, жесты и ритмы. В ход шли неожиданные для самого себя маленькие поступки, как то: подарить цветок незнакомке, внезапно поменять стиль общения с официантом в кафе, играть удивление, восхищение, манерность...

И еще одну важную штуковину Фёдор Михалыч взял за правило: избегать новояза, более того, стараться – ибо внешнее общение ограничивалось магазином да кафешкой – даже внутри себя выражаться языком русской классики – старомодно, будто внутри головы расхаживают герои Достоевского, Гоголя, Островского и Пушкина. Старомодность, насколько Федя для себя уяснил, положительно служила самой необходимой чертой образа жизни, предохраняющей от напасти превратиться в механический аппарат, утратив всё человеческое в себе – увы, очень и очень многих поглотила сия участь.

Кстати говоря, в одной из присланных статей, принадлежавших перу великого писателя начала двадцатого века Германа Гессе, сумевшего постигнуть русскую душу в высшей степени глубоко и остроумно, Фёдор нашёл, как ему почудилось, и ответ на свой вопрос – почему большинство учеников Жоржа были русскими или, по крайней мере, русскоговорящими. Гессе живописал существо русского человека на примере семейства Карамазовых, сочно изображённого Достоевским в своём великом романе. Он писал о том, будто именно для русского азиата характерно то великое раздолбайство, что отличается отказом от всякой нормативной этики и морали в пользу некоего всепонимания, всеприятия, некоей новой, опасной и жуткой священности. Чем больше порока и пьяной грубости, тем сильнее светит сквозь покров этих грубых явлений, людей и поступков новый идеал, тем больше духа и благодати копится там, внутри. Рядом с пьяницей, грубияном, задирой, хулиганом, драчуном и, в то же время, циником-интеллектуалом – все безупречно порядочные европейские буржуа выглядят неказисто, бесцветно, ничтожно, хотя они пока еще торжествуют внешне. Гессе, а вслед за ним, видимо и Жорж, восторгались аморальным образом мышления и чувствования, способностью прозревать божественное, необходимое, судьбинное и в зле, и в безобразии, способностью чтить и благословлять их. Опасный, трогательный, безответственный, хотя и с ранимой совестью, мягкий, мечтательный, свирепый, глубоко ребячливый русский человек не сводим ни к истерику, ни к пьянице или преступнику, ни к поэту или святому; в нем все это помещается вместе, в совокупности всех этих свойств. Русский человек – это одновременно и преступник, и судия, буян и нежнейшая душа, законченный эгоист и герой самопожертвования. К нему не применима европейская, твердая морально-этическая, догматическая, точка зрения. В этом человеке внешнее и внутреннее, добро и зло, бог и сатана неразрывно слиты. Бог, который одновременно и дьявол – это, ведь, древний демиург. Он был изначально; он, единственный находится по ту сторону всех противоречий, он не знает ни дня, ни ночи, ни добра, ни зла. Он – ничто, и он – все. Мы не можем познать его, ибо мы познаем что-либо только в противоречиях, мы – индивидуумы, привязанные ко дню и ночи, к теплу и холоду, нам нужен бог и дьявол. За гранью противоположностей, в ничто и во всем живет один лишь демиург, бог вселенной, не ведающий добра и зла. Существо русского человека в том, что он, который рвется прочь от противоположностей, от определенных свойств, от морали, это человек, который намерен раствориться, вернувшись вспять, в принцип индивидуации. Этот человек ничего не любит и любит все, он ничего не боится и боится всего, он ничего не делает и делает все. Этот человек – снова праматериал, неоформленный сгусток душевной плазмы. В таком виде он не может жить, он может лишь падать метеоритом, как в известной ностальгической песне, оживляющей русскую душу: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется Жизнь».

Глава 10

*«Изъять себя из времени
Словно ногу из пыльного тесного стремени
И шагать себе прочь в никуда отовсюду
Не заботясь о том, чтобы залезть вперёд батьки
в пунцовое пекло
Не боясь опоздать на важнейшее хер знает что
Лишь одно сознавая —
поезд вышел из пункта А в пункт Б».*
Егор Летов

Вот что значило для современного цивилизованного сорокадевятилетнего мальчика пожить в деревне анахоретом! Впрочем, автор несколько лукавит, ибо четыре божественных вечера и ночи, проведенных с Аней, в значительной степени скрашивали его одиночество. Конечно, не ведал еще Дядя Фёдор, что его успехи в саморазвитии обусловлены так называемым эффектом везения новичка, с коим встречается всякий, кто начал менять свою жизнь. Впрочем, воодушевление, азарт и поистине молодецкая удаля, преисполнявшие нашего героя, окажутся в ближайшее время весьма кстати, в чём читатель не преминет убедиться в скором времени. Дальнейшее же зависит от стечения множества обстоятельств. Мы же не станем торопить время, и, покамест, намерены держаться линейной последовательности событий.

Помимо волшебных часов невыразимой никакими словами близости, упоением негой, очарованием, отчаянной влюблённостью, ребячливостью и бесхитростными разговорами, возвращающими в невинное состояние детства, и, в то же время, сводившими с ума порывами страсти, всякий раз новыми ласками и телесными утехами – помимо всех этих сказочных, сладостных и простодушных чародейств, Анна учила Фёдора, пожалуй, самой сложной и, в то же время, самой могущественной магии – магии Эроса.

Фёдору Михалычу особенно памятна задушевная беседа, случившаяся в первый приезд Ани. Утомлённый, сполна насытившийся ласками своей прелестной учительницы, он заварил крепкий чай, предвкушая бессонную ночь. В придачу к пережитому, услышанному и уже прочитанному, его по сию пору терзала дума о том, как же, всё-таки, соотносятся личность Жоржа с таинственной фигурой Агасфера. Ответ Альгиса, хотя и казался достойным и обстоятельным, но никак не мог устроить и успокоить нашего героя. И вот, в ходе чаепития, он решается рассказать Анне о своих колебаниях как на духу. Ответ выдался весьма неожиданный:

– Жорж как раз и велел мне посвятить тебя в некоторые вехи истории Вечного Странника, пришедшиеся на Средние Века и начало Эпохи Возрождения.

– Вот как? Зачем ему нужно, чтобы я был ознакомлен с историей Агасфера, причём именно с той версией, на которой он сам настаивает? И откуда у него уверенность в том, что эта его версия основывается на реальных событиях? Либо я должен воспринять всё это как легенду, либо поверить, что сам Жорж и является тем самым Агасфером, но я решительно не могу поверить в фантастическое утверждение, будто человек может жить так долго.

– Ты и не подозреваешь, насколько сложную и многогранную тему ты затронул своим вопросом.

– Изволь! Я готов слушать тебя сколь угодно. И не только по причине самого живого интереса к предмету – звук твоей речи рождает во мне, впрочем, как и весь твой облик, удивительное чувство – будто я внимаю сну о чём-то большем, чем всё, что я когда-либо пережи-

вал и знал – явление той самой девушки из самого сокровенного сновидения, которое, вдруг, сбылось, свершилось...

– Вот, – мягко улыбнулось его прекрасное видение, – тема сновидений несомненно важна для того, что я тебе поведаю. Я не стану тебя уверять в возможности неограниченно длительной жизни – если тебе недостаточно того, что Жорж тебе уже говорил про это, ты при первой же возможности можешь еще раз его спросить. Я же дам тебе несколько намёков на тему истинности или ложности истории Агасфера в версии Магистра.

– Я весь внимание!

– Начнём с ассоциации, связанной со сновидениями. Допустим, что история давних событий, связанных с каким-то регионом, записана несколькими летописцами, и, на основе сравнения их записей, учёные воссоздают некий единственный вариант развития событий в Древней Греции или Риме, в Византии или Европе времен Средневековья. Для того, чтобы понять суть моих объяснений, вовсе не нужно отказываться от памяти о прошлом или от того, что написано в учебниках истории – нужно просто допустить возможность многовариантности прошлого.

– Это, как раз, мне совершенно непонятно, – прервал рассказчицу Фёдор.

– Сейчас поймёшь. Потому как возможность многовариантности почти каждому человеку знакома как раз по сновидениям. В них мы часто попадаем в совершенно иные версии так называемой «реальности», но обычно это не очень мешает нам ориентироваться в нашем мире, и помнить свой вчерашний день. При всём том – помнить всё, что произошло с нами в сновидениях – мы делим свое прошлое на «реальность» и «сновидения» – первая обладает качеством устойчивости, а второе нет. Хотя, когда мы попадаем в какой-то сон, обычно мы прекрасно ориентируемся в этом мире. Знаем, что находится за соседним домом, узнаем человека, который с нами разговаривает, хотя в обычной жизни мы никогда с ним не встречались. То есть мы воссоздаем целый мир, в котором можно жить. Мы как бы скользим сквозь поток сновиденных миров, каждый из которых ничуть не эфемерней мира, в котором мы живем здесь. И только их множественность и позволяет нам отличать «реальность» от «сновидений». Опять же, такая характеристика, как время – тоже двойственна – оно разделяет какие-то фрагменты нашей жизни – например, детство мы воспринимаем как что-то отдаленное от нас. Но время же соединяет их в единое целое – это наша жизнь. Мы чётко помним только несколько фрагментов прошлого, а промежутки домысливаем. Всё что произошло в прошлом, могло случиться в разных вариантах, к которым мы иногда обращаемся, когда думаем – что было бы «если бы». А раз мы об этом думаем, значит возможность изменения какого-то варианта прошлого видится, в принципе, возможной. Можно представить время в виде двух соприкасающихся конусов. Место их соприкосновения – это точка настоящего. А наше прошлое и наше будущее представляет собой две окружности – основания этих конусов. Когда мы находимся в точке настоящего, то соединяемся с какой-то одной точкой окружности прошлого – здесь и возникает одновариантность прошлого и представление о причинности. Но целостность конусов сохраняется, прошлое может быть изменено – возможно в воображении воссоздать иную траекторию к точке настоящего – совершенно от другой точки на окружности прошлого. Тогда изменится и будущее. Вот только сделать это очень сложно, ибо тут вмешивается некая Сила, для которой очень важно, чтобы прошлое казалось одновариантным. Эта сила имеет Системное происхождение, так как Системе совершенно не выгодно, если созданная ей суггестия об определенном прошлом будет свободно переписываться кем ни попадя. Хотя жрецы Системы делают это буквально на каждом шагу – только за последние годы ты мог заметить множество случаев переписывания истории, всякий раз еще закрепляемый законодательством какого-либо государства. Наша временная форма пульсирует, поэтому она может оказаться связанной с любым вариантом мира. В этом нет ничего страшного – достаточно помнить суть вчерашнего дня, но не обязательно помнить все в деталях – например, с «какой ноги я встал», как зовут человека,

с которым я случайно вступил в беседу. И уж тем более незачем вспоминать подробности произошедшего много лет назад. Но громадное большинство людей просто не может удержаться от таких воспоминаний – для них одновариантность прошлого становится основой существования целостного «Я». То есть, они не могут ощутить себя единым в отрыве от своей биографии, послушно следуя предписаниям жрецов Системы, они избегают тех страхов, которые внедрены в её суггестию. Но можно эти страхи обойти. Например, если я помню, что третьего дня встречалась с Юрисом, Альгисом и Наиной, то этого более чем достаточно. Просто не нужно это абсолютизировать, отрицать все другие варианты. А они могут быть, хотя мы это редко замечаем. И это нормально – если мы находимся в точке настоящего, мы четче понимаем, чем оно должно было бы стать. Четче понимаем, что нам нужно. Это и есть главное – а чтобы к нему приблизиться надо изменить какой-то фрагмент прошлого – только для того, чтобы изменить будущее. Вернее так – ничего специально менять не нужно – надо просто сделать прошлое «гибким». Задача Агасфера как раз и заключается в представлении о подвижности прошлого, о его многовариантности. Понятно, что тебе это кажется чем-то сродни «сумасшествию», но все дело в том, что брать за исходную точку отсчета.

– Постой-постой, – вдруг спохватился Федя, – я, кажется, понял, это очень похоже на хорошо знакомый мне из квантовой механики парадокс «запутанных состояний», хотя он и относится к микромиру. Парадокс состоит в том, что элементарные частицы, принадлежащие квантовой системе, например, атому или атомному ядру, будучи разделены вследствие некоторого воздействия, сохраняют информационную общность так, как если бы они по-прежнему составляли единое целое. Такое их состояние называется «запутанным». При этом управление состоянием одной частицы вызывает мгновенное изменение состояния всех других, сколь бы далеко они не находились. Дело в том, что состояние квантовых частиц не определено в те моменты, когда их не наблюдают! Например, не определено направление спина. Наблюдение частицы как бы фиксирует ее состояние – в данном случае, спин – а вместе с тем и состояние всех остальных частиц, запутанных с наблюдаемой. Это означает, что тот способ, который мы выберем, чтобы измерить, к примеру, характеристики излучения, возникшего сотню лет назад, например испущенного какой-то из ближайших звёзд и то, каким способом мы их измерим – повлияет на само это излучение, хотя оно и сто лет как уже возникло! Выходит, сейчас мы можем влиять на то, что произошло сотни и даже тысячи лет назад. Иными словами, пока мы не обратили внимание на то, что уже как бы произошло, оно неопределенно, то есть как бы и не произошло. Но мы сейчас можем выбирать то, как оно – то, что уже давным-давно произошло – произойдет, извини за каламбур! Мы можем создавать то прошлое, которое никем однозначно не засвидетельствовано!

– Вот именно, любимый!

Читатель! Давай скромно потупим очи, ибо влюблённые, разгорячённые беседой о предметах в высшей степени отвлечённых от плотских чувств, внезапно, даже не допив чай, устремляются друг к другу, а далее губительный поцелуй и страстное переплетение пальцев рук – вынуждают их броситься на ложе и, уже не помышляя о времени, будто бы напрочь исчезнувшем в их мире, пристраиваются к живительнейшему нектару, в который, вопреки логике пространства, превращаются их, ранее бывшие разъединёнными, а теперь растворяющиеся в вечности, утратившие форму и соединённые в единый пульсирующий практически нематериальный сгусток, тела. Вселенная вновь и вновь испивает себя самоё до дна и вновь наливается бурлящими соками. Убедился ли ты – Читатель – в том, что сбывшиеся именно таким образом настоящее наших влюблённых, было вызвано ничем иным, как обращением их взоров, в момент озарения Фёдора, на тот вариант хотя и недавнего прошлого, каковой прежде был вовсе не предусмотрен. Автор положительно убеждён, ибо никоим образом не помышлял, вплоть до Феде-

ной фразы: «Мы можем создавать то прошлое, которое не засвидетельствовано!», и Аниного ответа: «Вот именно, любимый!», что меж ними случится вот уже четвертый акт любви за этот вечер – Автору виделось, что и трех более чем достаточно, и надобно сосредоточиться уже на диалоге... Ан, не тут-то было!

Тем не менее, и вечность, в каком-то смысле, имеет предел, хотя, следуя логике, к которой пришли наши герои, какие-то их ипостаси так и остаются пребывать в безвремяе, однако, нас интересуют другие ипостаси, неспешно разомкнувшиеся, понежившиеся еще несколько завременившегося времени в объятиях друг друга, а засим вновь воротившиеся к беседе:

– Анюта, у меня, всё-таки, остался еще один вопрос. Зачем Жорж настаивает на своей версии биографии Агасфера?

– Тебе уже знакомо понятие архетипического образа?

– Да, несколько книг Юнга и Хиллмана я успел прочесть.

– Вот и славно! Тогда ты легко поймешь, что Агасфер, прочертивший своими деяниями, как минимум несколько десятков возможных траекторий в пространстве планеты, а в пространстве состояний, поступков и намерений – сотни и тысячи вариаций, являет собой не только человека, но и важнейший архетипический образ, несущий и определённую окраску настроений, и некий спектр атмосфер – если говорить языком актерской системы Михаила Чехова. В версиях, предложенных большинством писателей, среди которых и Александр Дюма, и Василий Андреевич Жуковский, и Аполлинер, и Всеволод Иванов, и Густав Майнрикс, и Ян Поточки, словом – практически у всех классиков, основная атмосфера, сопутствующая Вечному Страннику – это раскаяние, а также отчаяние от проклятия, коим они, как, впрочем, и большинство послушных Системе людей, мнят бессмертие, точнее – очень долгую жизнь. В то настоящее, которое нас окружает, эти версии вносят из выбранного таким образом прошлого, достаточно плотную описанную выше атмосферу. И она, в свою очередь, обуславливает настоящий момент на Земле. Пускай хоть и на тысячную долю, так как число архетипических образов существенно меньше, чем количество людей – их не миллиарды, а всего лишь несколько сотен, ну тысяч. Представь теперь, что Жорж, я, ты, Юрис, Альгис, Карловна и еще несколько сотен людей – все мы так или иначе сопричастны архетипическому образу Агасфера, который несёт совершенно иную атмосферу: интерес, надежду, поиск способов спутать карты жрецам Системы – суть той миссии, которую передал ему Иисус. Как от этого может измениться ближайшее будущее?

– Ого, какой поворот! Понимаю, что изменится, но в какую сторону – пока никак не могу взять в толк.

– Об этом не беспокойся, вникнешь по мере того, как мы будем тебе рассказывать отдельные детали мозаики той версии, которую предлагает или вспоминает Магистр.

– С нетерпением жду рассказа о том, что приключилось с Агасфером вслед за неудачей на Никейском Соборе.

– Ну и чудесно! Твои вопросы оказались очень важными, дабы ты не просто выслушал мой рассказ, но и начал бы смекать, зачем он вообще нужен.

– Кажется, начинаю постигать.

– Итак, Жорж поведал тебе, что после неудачи на Никейском Соборе, Агасфер несколько столетий практически не вмешивался в сколько-нибудь значимые события. Да и надобно признаться, что самих событий, могущих хоть как-то повлиять на сценарий человечества, в те времена не наблюдалось. Вечный Странник вплоть до конца десятого века подвизался в Персии, Индии и Китае. Кстати говоря, на Никейском Соборе произошла одна очень серьёзная подта-

совка: те, кто оказывал сильнейшее влияние на императора Константина, крайне озаботились тем, чтобы сдвинуть даты рождения, смерти и воскрешения Иисуса.

– Я всегда удивлялся, что Пасха празднуется каждый год в разные числа марта и апреля...

– Это не столь существенно, тем более, что Пасха – древнееврейский праздник, привязанный к лунному календарю. Тут всё намного серьёзнее – дата была сдвинута на несколько лет. Все документы об этой подмене были уничтожены, и, единственным свидетелем остаётся Вечный Странник.

– А в чём смысл такой подмены? И какова настоящая дата?

– Дату Жорж назовёт в урочный час. А подмена имеет очень важное значение для тех событий, которые начинают разворачиваться в наши дни. Если бы мы жили по календарю, ведущему отсчёт от первоначальной даты Рождества, у современных нам кукловодов было бы гораздо меньше шансов собрать свою кровавую жатву безнаказанно, они и так очень торопятся.

– Что-то я не очень понимаю тебя.

– Ну и ладно. Просто отметь себе этот факт, а когда Жорж объяснит тебе всю подоплёку этой чудовищной хитрости, ты уже будешь отчасти подготовлен.

– Хм... Пусть будет так. Моя память, признаться, и так уже забита множеством туманных намёков и аллегорий, так что – одной больше или меньше...

– Не тревожься, пока что твоя новая доминанта описания мира, которая только-только подготавливается, подобна холсту импрессиониста, приступающего к написанию картины – несколько точек в одном месте, какие-то непонятные мазки в другом. Но придёт время, и тебе откроется вся картина, в придачу еще и многомерная, с возможностью варьировать вероятностные соотношения частных описаний.

– Сия надежда только и согревает мой ум, привычный к строгим научным объяснениям. Однако, что же Агасфер?

– В середине одиннадцатого века он появляется в Константинополе и Риме, несколько лет обхаживая Патриарха и Папу. Его воздействие на две важные персоны христианского мира вносит лепту в и без того нарастающую вражду меж ними, так что в тысяча пятьдесят четвертом году, Папа и Патриарх изрекают проклятия в сторону друг друга. Образуется раскол католичества и православия. Вослед за этим Агасфер отправляется в Иерусалим. То, что он лицезрел в Святом Городе, проняло даже его, казалось бы, видавшее виды сердце. Начну по порядку: покорив мусульманские области Ближнего Востока, турки-сельджуки вторглись на византийские территории. В Византии вспыхнула паника. Сельджуки, постепенно продвигаясь на запад, отняли у Византии почти всю Малую Азию. Хлынув в огромном количестве на христианские города и деревни, сельджуки нещадно их грабили, разоряли и жгли. Пылали и рушились церкви и монастыри. Завоеватели оскверняли христианские святыни, подвергали изощрённым пыткам, а затем убивали священников и монахов, принуждали местное население принимать ислам, истребляя тех, кто сопротивлялся. В одна тысяча семьдесят первом году в руки сельджуков перешёл Иерусалим со всеми главными святынями христиан. Несколько столетий до этого Святой Город находился под властью арабов, которые терпимо относились к местным христианам и паломникам, постоянно прибывавшим из Европы для поклонения Гробу Господню. Новые хозяева города отличились редкостным варварством и жестокостью. В Европе знали о затруднениях Византии. Огромную роль здесь сыграли известия о бесчинствах сельджуков в Иерусалиме, приносимые из Святой Земли многочисленными паломниками. От рассказов о творимых там злодеяниях сердца слушателей сжимались, наполнялись гневом и стремлением покарать нечестивцев. В ноябре 1095 году в Клермоне состоялся церковный собор – собрание, на котором присутствовали все видные представители католической церкви: кардиналы, архиепископы, епископы и настоятели монастырей. Это было событие первоочередной важности, на которое съехалось также много рядовых священников, монахов и огромное множество мирян, как знатных сеньоров, рыцарей, так и простолюдинов. Именно

здесь папа Урбан II и призвал к походу на Восток, чтобы освободить Гроб Господень, другие святые и помочь Византии. Однако, непосредственным вдохновителем массового похода за освобождение Гроба Господня стал некий нищий отшельник Пётр, по прозвищу Пустынник. При посещении Иерусалима, зрелище лютых деяний турок-сельджуков сподвигло его на получение от патриарха писем с мольбой о помощи. Пётр отправился в Рим к папе Урбану II, а затем, надев рубище, без обуви, с непокрытой головой и распятием в руках – по городам и весям Европы, проповедуя где только можно о походе для освобождения христиан. Простые люди, тронутые его красноречием, принимали Петра за святого, а его проповеди распространились весьма широко, и идея похода на Иерусалим стала популярной. Незадолго до этого византийский император Алексей обратился к Урбану с просьбой помочь отразить нападение воинственных сельджуков. Восприняв нашествие мусульман-турок как угрозу христианству, Папа согласился помочь императору, а также, желая привлечь на свою сторону общественное мнение в борьбе с другим претендентом на папский престол, поставил дополнительную цель – отвоевать у сельджуков Святую землю. В Клермоне желающие приносили торжественные клятвы и в знак обета нашивали на свои одежды кресты из полосок красной ткани. Отсюда и пошло имя «крестоносцы» и название их миссии – «Крестовый поход».

Фёдор хотя и пребывал в гипнозе, вызванном очарованием от речей возлюбленной, в этом месте спохватился:

– Кажется, я догадываюсь, кто скрывался под именем Петра Пустынника.

– Именно он! Совершив своего рода «вбрасывание», он исчезает, дабы появиться, несколькими годами позже, уже во Франции.

– Его задачей было возвращение Иерусалима христианам?

– Отнюдь! Он с большим недоверием относится к христианской религии, тем более, наблюдая, как учение Христа уродуется Церковью и приспособляется для политических нужд. Однако Крестовые походы дают прекрасный повод для проекта длительностью в несколько веков. К тому времени Агасфер провидел на столетия вперёд, и, хотя каждое его деяние представляло собою импровизацию, общий вектор усилий закладывался надолго. В начале двенадцатого века Странник вступает в цистерцианский монашеский Орден, и в несколько лет, проявляя свои многочисленные таланты, становится советником аббата Стефана Хардинга, коему приписывается авторство «Хартии милосердия». А заодно оказывает сильнейшее влияние на молодого воспитанника Ордена – Бернара, основавшего в тысяча сто пятнадцатом году монастырь в Клерво...

– Бернар Клервосский? О, боги! Я так и знал, что дело рано или поздно упрётся в тамплиеров. Наверное, лишь самые отъявленные лентяи, при описании тайн истории, смогли избежать упоминаний о родоначальниках масонства.

– Федя, милый мой, тут ты решительно ошибся! Тамплиеры не были родоначальниками масонства – масоны сами решили вписать легендарный Орден в свою родословную, попутно создав предубеждение обывателей относительно Рыцарей Духа. Агасфер же рассчитывал именно на пробуждение Духа воинственности, Духа, единственно способного поколебать уготовленный человечеству сценарий. Для этого необходимо было создать и закалить особую когорту людей, каковые сумели бы сочетать высокие идеалы подвижничества, боевую закалку, а также возможность собирать и интегрировать мистические знания и умения персов, мавров, иудеев, сирийцев, египтян и магов-герметистов, рассеянных в различных уголках Средиземноморья. Безусловно, во внешний круг Ордена со временем проникло множество невежд и мерзавцев, одержимых жаждой золота и славы, но Великие Магистры и несколько десятков их приближённых, всегда являли собой образчики высочайшего Духа, коих можно было бы, на современный манер, смело назвать людьми Знания. За каждым Магистром неизменно стоял Агасфер, даже в те годы, когда он, одновременно, обучал противников тамплиеров, в част-

ности, знаменитого Саладина или создавал династию Горных Старцев. К ним я вернусь чуть позже. Что касаясь Крестовых походов, то Первый из них, на волне всеобщего воодушевления, достиг своих целей. В дальнейшем Иерусалим и Святая земля были вновь захвачены мусульманами, и Крестовые походы предпринимались для их освобождения. Последний – девятый Крестовый поход на Святую Землю состоялся в тысяча двести семьдесят первом – семьдесят втором годах и завершился поражением крестоносцев. После этого, вплоть до двадцатого века, европейцы не предпринимали уже попыток вернуть Иерусалим. Впрочем, тамплиеры, чей Орден был создан при активном участии Бернара Клервосского в тысяча сто двадцать седьмом году и просуществовал чуть менее двух столетий – прекрасно справились с возложенной на них миссией.

– Странно всё это. Я читал о тамплиерах крайне неприятные свидетельства, из которых выходило, будто бы эти рыцари были сатанистами, поклонялись Дьяволу, оскверняли реликвии, погрязли в кутежах и роскоши – одно выражение «пить как тамплиер» – говорит само за себя. Как всё это сочетается с подвижничеством, Духом и интеграцией тайных знаний?

– Ты задаёшь весьма путные вопросы. Изволь – отвечу на них. Внутренний круг – Великий Магистр и приближённые к нему рыцари воспитывали в себе не просто бесстрашие, но и закалку к возможным мучениям, боли, нечеловеческим страданиям, которым они могли подвергнуться не только в бою, но и во время пыток. Хотя одним из их девизов был – не сдаваться живыми, всегда существовала вероятность неожиданного пленения – со всеми вытекающими. Соответственно, нужно было приготовить себя к тому, чтобы переносить любую, самую нестерпимую для обычного человека боль, дабы не оказаться предателями. Посему, на этапе подготовки, они подвергали себя различным испытаниям – голодом, причинением себе боли, в том числе – одним из многих упражнений для новичков – а молва любит акцентировать всякие «перчёности» – была практика достойного проживания тяжелейшего похмелья, тот, кто проходил её, а заодно, и многие другие – принимался в Орден. Что касается поклонения Бафомету и осквернения реликвий – в частности, вступая в высокие градусы Ордена, рыцари должны были, к примеру, плюнуть на Распятие, то это – отнюдь не означает сатанинский культ. В данном случае, это также одно из упражнений, свидетельствующее о готовности выйти за пределы своей мировоззренческой парадигмы. Ведь одной из важнейших задач, стоявших перед Орденом, было отнюдь не взятие Иерусалима. Для рыцарей, обладавших могучей волей, дисциплиной и силой, как тамплиеры было не сложно взять святой Город и удерживать его сколько угодно времени. Однако, они неоднократно «терпели поражение» или же отступали из Иерусалима, сдавая его обратно туркам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.